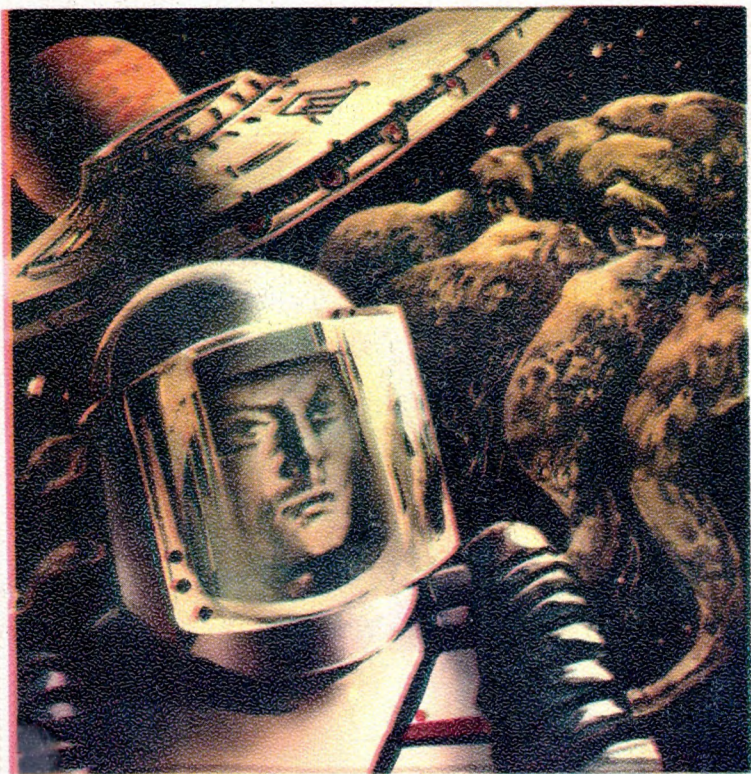

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ТЕСЛЕНКО
ИСКРИВЛЕННОЕ
ПРОСТРАНСТВО

АЛЕКСАНДР ТЕСЛЕНКО

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ТЕСЛЕНКО

ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

*Повести
и
рассказы*

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1988

ББК 84Ук7
Т 36

Т $\frac{4702010200-214}{078(02)-88}$ 151—88

ISBN 5-235-00232-6

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1988 г.

ТАНЕЦ ДИЛИАКОВ

Представьте себе, что вы на неизвестной планете за миллиарды километров от Земли. Вокруг вашего корабля, например, горы. Они могут оказаться веществом Желанозы, в котором вы растворитесь подобно кусочку сахара, или сплошь состоять из раскаленной породы. Но скорее всего эти горы окажутся чем-то таким, о чем вы и представления не имеете: во сто крат более коварным или же наоборот чем-то тривиально простым и обычным. Или вас окружают какие-то неведомые растения, и вы услышите, как они разговаривают между собой, как они обращаются к вам, испуганно-беспомощным, но настойчивым и первобытно сильным в своем желании не просто выжить, но и приблизиться хоть на шаг к разгадке очередной тайны. И поверьте, привычные законы не всегда смогут вам помочь.

Я, к примеру, никогда не прохожу под какой-либо конструкцией в форме треугольника. Это после пребывания на планете Эдера, где криллы-полиморфы — от малых до гигантских — питаются только тем, что появляется под аркой их «ног», поставленных треугольником. Они мастерски маскируются под неживые формы, но постоянно сохраняют конфигурацию треугольника.

Там погибли инженер Лин Брус, биолог Петр Бач, биокибер Армил. И теперь я никогда не войду под конструкцию, напоминающую собой треугольник, даже на Земле, где бываю изредка, хотя и понимаю, что на Земле нет и быть не может криллов-полиморфов.

А после экспедиции к звездной системе H17B12 и пребывания на планете В-10 во мне осталось постоянное желание время от времени оборачиваться и громко выкрикивать: «Ли-Би-Па! Ли-Би-Па!» Само по себе восклицание это лишено какого-либо смысла, но на планете В-10 оно спасало от нападения чнеров. Внешне они были индифферентными созданиями, что-то наподобие грибов, только громадных и подвижных. Казалось, поначалу они никак не реагировали на наше присутствие. Но через несколько часов их поведение изменилось. Внезапно одна из «шляпок» чнеров отделялась от основного тела и, судорожно сокращаясь, зависала над нами, брызгая слюью. Наши универсальные комбинезоны оказались ненадежной защитой. Незвестное нам вещество вызывало длительное торможение биоэлектрических процессов организма.

И вот однажды биолог Килим Ник прибежал на Базу возбужденный и бледный. От волнения запутался в элементарно простом креплении головного шлема. Наконец выпалил:

— Ли-Би-Па!

— Что?

— Нужно громко крикнуть в сантиметровом диапазоне — Ли-Би-Па!!! Слышите? От этого восклицания чнеры почему-то теряют агрессивность. Запомните: Ли-Би-Па-а-а!

Он и сам не знал, как нашел это буквосочетание. Подошел к чнерам и в ожидании нападения рассылал на всех диапазонах своего передатчика отборную брань и просто бессмыслицы.

Я не случайно начинаю издавека. Это тоже одно из моих чудаческих суеверных правил — никогда не спешить с выеодами и не пытаться выплеснуть сразу все, что знаешь, предвидишь или просто угадываешь. Нужно быть осмотрительным всегда. В словах, как и в действиях, равнозначно заложена тайна последующего шага и необратимая материальность прожитого. И ни одну

ошибку нельзя исправить. Можно лишь не повторить ее снова.

А теперь хочу рассказать об одной экспедиции на Центурию... Эти квадры пространства достаточно хорошо изучены. На самой Центурии уже были две земные экспедиции наших предшественников.

Все начиналось с дружеского подшучивания надо мной, после утверждения нашей программы Советом космических исследований.

— Биокибер Центурион летит на Центурию,— похлопывали меня по плечу друзья.

Нас было двенадцать.

Кроме меня, командир корабля Федор Драголюб, биокибер Клитобибер, связист-энергетик Тихон Перстач, физик Степан Шалый, биолог Зоряна Астрагал (дочь известного биолога Андрея Астрагала), инженеры Марк Энс и Франциско Трелинг, лингвист Бимба Джамирдзе, психолог Хенк Михайлов, врач Вилли Брет и молодая энергичная девушка Юлия Шандра, стажер сектора информации.

Никого из них уже нет среди нас...

Инженер Марк Энс исчез первым. Строго говоря, мы сначала не знали, что с ним случилось...

Часы посадки — ужасно изнурительны. Не напрасно первым пунктом каждой экспедиционной программы стоит отдых.

Молодой парень Марк Энс (это был его первый полет после окончания политехнической академии) не мог и думать о сне, не мог унять своего волнения и любопытства, донимал вопросами Зоряну, сидевшую в кресле рядом:

— Видимо, на Центурии многое изменилось со времен предыдущей экспедиции. Правда же? Как ты думаешь? Мы уже целый час на планете, а к нам никто не вышел...

— Мы опустились на Плато Дилиаков.

— Да, но мне не дает покоя...

Его волнение казалось наигранным, неискренним, словно он стремился всем доказать, что программа исследования Центурии — органическая часть самого существа молодого инженера Марка Энса. Пусть, дескать, никто не сомневается в необходимости его участия в экспедиции.

— Твой голос меня убаюкивает. Твой голос навевает сон. Я уже сплю. Сплю...— Зоряна улыбалась с закрытыми глазами, полулежа в глубоком кресле.

— Послушайте,— громко произнес Марк Энс, обращаясь ко всем остальным.— Не могли же центуриане нас не заметить? Предыдущие экспедиции они встречали, будто оповещены были заранее.

— Встречали,— грустно улыбнулась Зоряна и открыла глаза.— Первой экспедиции они вообще не разрешили выйти из корабля. А второй великодушно подарили несколько часов для осмотра планеты... Если бы не встреча с Тириданом, мой отец не привез бы ничего действительно ценного из второй экспедиции. И теперь нам, по крайней мере, известно о существовании этого таинственного Плато Вечности.

На экранах внешнего панорамного обзора плескалось море. Темно-каштановые низкие скалы причудливыми карнизами нависли над водой. А дальше за скалами — пологие каменные холмы волнами убегали к горизонту. Пустынный пейзаж, взгляду не на чем было остановиться. Из четырех динамиков из-под купола кабины доносилось легкое посвистывание ветра и плеск волн. Мы совершили посадку почти у самого берега.

— Я выйду,— сказал Марк Энс.— Хорошо, командир? Можете за меня не беспокоиться.

Все понимали волнение молодого парня и его желание скрыть отсутствие опыта. Никто не остановил Марка, к сожалению. Лишь командир попытался успокоить его:

— Мальчик, мы сели на Плато Дилиаков. Они его называют, как объяснила Зоряна, Плато Вечности. Надеюсь, ты скоро утолишь свою жажду открытий.

— Командир, взгляните, какая скучища за бортом. Боюсь, что многого нам здесь не открыть.

— Хочешь стать первым охотником в этой пустыне? — улыбнулся Драголюб.

Марк Энс решительно встал с кресла, подошел к нише-шкафу и достал свой комбинезон:

— Помните, как у Сандра?

Ты — словно камешек скользишь по водной глади,
рожденный суетой ребяческих забав.

И опьянение измен, и все далекие преграды
еще прекрасны,
так прекрасны для тебя.

Ты видишь берег, ребятишек игры,
ты видишь солнце, фейерверки брызг,
ты видишь, как стареют вербы,
ты видишь, как стареет мир.

Летишь,
как камешек по водной глади,
но где-то

в том далеком далеке
ты,
переполненный увиденным,
застынешь
на синей-синей глубине...

Припомнили? Это мой девиз — никогда не останавливаться. А вам действительно нужно отдохнуть? Забываете гениальный «принцип камешка» — не останавливаться. Или вы уже опускаетесь на синюю глубину, старики? — смеялся он. — Отдыхайте и завидуйте мне, самому молодому.

Марк Энс прикрепил шлем и направился в декламационную камеру. Вскоре мы увидели его на экране внешнего обзора. Голубой комбинезон с оранжевой шестеркой и серебристый полупрозрачный шлем в ярких лучах Центы оживили коричневое однообразие каменной пустыни. Одиннадцать кресел по периметру круглого зала облегали наши уставшие тела. Двенадцатое — пустое — сохраняло на своей поверхности едва заметное углубление. Тогда никто из нас и подумать не мог, что

парень не возвратится никогда. Я смотрел, как он медленно удалялся, голубое пятнышко на экране уменьшалось, пока не потеряло полностью цвет, превратившись в темную точку на небосклоне.

Связь с инженером была включена, но Марк Эншел минут десять, не проронив ни слова. И вдруг воскликнул:

— Непостижимо!

Потом почему-то рассмеялся громко, и показался нам этот хриплый смех жутким.

— Непостижимо! — повторил и опять захохотал.

Связь оборвалась внезапно. И почти сразу же слышался странный звук, похожий на звук вибрирующего камертона. Громкость его то возрастала, то снижалась, неритмично пульсируя. Мы слышали его в кабине таким, каким он был за пределами корабля — на табло звукового усиления светилось: «НОРМА». Дрожащий стон далекого камертона переполнял округлый зал, и какая-то потусторонняя прохлада разливалась в наших телах.

— Довольно! — Федор Драголюб решительно встал, подбежал к пульту и нажал шестую клавишу связи. — Приказываю немедленно возвратиться!

Но ответа не было.

И вновь полетели в эфир слова приказа. А в ответ — лишь высокий звук вибрирующего камертона дрожал уже так тихо, что казалось — возникал он где-то в глубинах памяти.

Каждый едва сдерживал свое волнение.

— Следует немедленно идти на поиски, — вскочила Зоряна. — Молодой, неопытный... Какое ребячество... — пыталась успокоить себя и нас.

— Пойдет Клитотибер, — отрезал Федор Драголюб, и мы все поняли — командир предчувствует что-то угрожающе серьезное, так как сразу посылает своего верного друга еще с первых полетов, одного из опытейших биоклиберов в нашем Центре космических исследований.

— Сейчас, Федор,— тихо произнес кибер.— Я только хочу понять, что же могло случиться. К чему готовиться?

— Будь готов ко всему. Ни на миг не выключай видеосвязь. Думаю, не зря центуриане боятся этого плато...

Вскоре мы увидели Клитотибера на экране внешнего обзора. Все происходило как и тогда, когда выходил Марк Энс. Только иной номер на голубом комбинезне. Оранжевая цифра 12 ослепляла, такая она была яркая в лучах Центы, когда Клитотибер подошел близко к телекариусу.

— Хорошо вижу его следы. Здесь мелкий песок. Такой мелкий, словно кофейная пыль. Я иду по его следам, командир.

Фигура Клитотибера медленно уменьшалась на экране.

— Никаких признаков жизни в этой пустыне. Даже не верится, командир, что в двадцати километрах отсюда находится самый большой центурианский город Керл. Странное дикое плато... Вот его следы обрываются... Нет-нет... Просто на холме нет песка. Чувствую, инженер останавливался на этом холме. Отсюда открывается унылый, но красивый пейзаж. Наш корабль похож на серебристый бублик. Видите?

Клитотибер включил видеосвязь, и мы увидели на дублирующем экране наш корабль снаружи.

— Не выключай видеосвязь. К черту экономию энергии,— приказал Драголюб, всматриваясь в экран, на котором виднелись следы Марка Энса — отпечатки гофрированных подошв на коричневой пыли чужой планеты.

— Инженер не спешил. Вот здесь он опять остановился. Никуда не спешил и ничего не опасался.

Вместе с Клитотибером мы всматривались в мрачный пейзаж, надеясь, что увидим голубую точку, а потом услышим и голос: «Все нормально. Чего волнуетесь? Я просто выключил связь». И послышался бы ответ командира: «Мальчишка! Инкубаторский цыпленок!» Он говорил так, когда сердился на кого-нибудь.

Но мы не видели на экране ничего, кроме каменной пустыни.

— От этого места он пошел быстрее. Вот здесь, на этой терраске, оступился. Даже коснулся рукою грунта. Видите?

— Может, что-то заставило его поторопиться? Как ты думаешь?

— Спешить подальше от корабля? Нет, хорошо видно — просто оступился. Дальше следы ровные. Пошел медленнее.

Тогда мы еще не знали, что не пройдет и минуты, как нас останется только десять. Мы всматривались в экран, а что-то неведомое и могущественное уже нависло таинственной пеленой над нашим вторым товарищем.

Клиитоцибер был создан на тридцать лет раньше меня. Мое уважение, мою любовь к нему трудно преувеличить. Он всему учил меня в первые годы, когда я заменил Джимми в экипаже Федора Драголюба. Он опекал меня на каждом шагу, но так деликатно, незаметно, что я лишь позднее оценил его постоянную заботу. Но был у Клиитоцибера большой недостаток, который невозможно исправить — старость. Он перенес уже восемь операций на Инканском комбинате биокибернетики. Но ничто не вечно. Изредка наступали провалы памяти. Только на мгновение, но каждый понимал, что со временем такие периоды могут повторяться все чаще и чаще. Порою он бывал чересчур флегматичным, словно сонным. А то вдруг принимался нудно и выпренно мудрствовать. И хотя сам все понимал, но ничего не мог поделать с собой.

Клиитоцибер покинул нас внезапно и неожиданно просто. Изображение слегка заколебалось, словно в мареве раскаленного воздуха. И одновременно долетел тихий зловещий звук. А биокибер внезапно рассмеялся:

— Невероятно! Ха-ха-ха-ха! Его следы обрываются.

Нестойкое изображение еще давало возможность рас-

смотреть на экране отпечатки гофрированных подошв Марка Энса. А за ними — ничего. Сплошная рябь на экране. Клитотибер смеялся все тише и тише, будто бы удалялся. А затем изображение вообще исчезло. Умолк его голос. Звук камертона растворился в мертвой тишине, заполнившей наш корабль.

Прошел один час после посадки, а нас уже осталось десять. И ни один провидец, ни самый древний, ни современный, не мог предсказать, что ждет нас в дальнейшем. Загадочное нечто поглотило двоих, сопровождая это таинство жуткой музыкой одной-единственной пульсирующей ноты.

— Что же это? — Вилли Брет произнес тихо и хрипло, словно его душили.

— Это значит, что их уже... — Драголюб не договорил.

— Думаете, их не стало?! — воскликнула Шандра, по-детски взволнованно облизнула пересохшие губы. — Разрешите, я пойду на поиски!

— Замолчи, Юлия! Ты обещала только смотреть и слушать.

Федор Драголюб никогда не отличался галантностью, а в этот миг глянул на Шандру, как на некое подобие гарпии.

Юлия Шандра была дочерью известного телеактера. Но не хотела идти проторенной отцовской стезей, ей слышался лишь зов Большого Космоса. Девушка и ее отец каким-то образом сумели убедить руководителя Центра космических исследований в том, что это ее призвание, и тот лично просил Драголюбa взять девушку с собой, чтобы она увидела настоящий Космос и испытала себя. Федор долго не соглашался, но отказать руководителю все же не смог.

На дублирующем экране видеосвязи изображение исчезло. Мы сидели в какой-то вязкой тишине, словно насекомые, попавшие в каплю, еще не ставшую янтарем. Оцепенение нарушил филолог:

— Исчезает связь. Но почему вы подумали о смерти? Ведь оба, не сговариваясь, смеялись? И Клитобибер, этот старый космический волк, которого ничем не удивить, даже не намекнул о какой-либо опасности. Сначала все нужно хорошенько обдумать, проанализировать. Не так ли?

— Помнишь Альту? — отозвался Тихон Перстач. — Там происходило нечто подобное...

— Да-да, — подхватил Бимба Джамирдзе. — Мы искали тогда Трелинга!

— Но Альта — планета-алярмист. Возможность неустойчивой связи на Альте предполагалась нами еще на Базе. — Драголюб сидел, застыв в кресле, и говорил с закрытыми глазами. — А еще этот странный звук... Кто хочет отправиться на поиски в экспедиционной машине?

— Я, — первой отозвалась Юлия Шандра.

— Кто еще?

Согласились инженер Франциско Трелинг и физик Степан Шалый.

— Пойдете в двух машинах, с максимально возможным интервалом... Понимаете? — сказал командир. — Вы должны все время видеть друг друга. Постоянная связь с кораблем. При малейшей опасности, при любых непонятных явлениях — тотчас возвращаться. Запрещаю сближение. Приказ для обоих — обязаны вернуться! Это все...

— Нужно все взвесить, командир, — вмешался Михайлов. — Мы, кажется, спешим...

— Что предлагаешь?

— Ничего конкретного... Но, думаю, стоит прежде слетать к центурианам. Прошло сорок лет после предыдущей экспедиции землян. Многое могло произойти на планете. Может, центуриане хоть что-то объяснят... А Энсу и Клитобиберу мы сами все равно не поможем.

В голосе психолога чувствовалась убежденность.

— Я согласен. Мы действительно слишком торопимся, — сказал Драголюб.

Неожиданно возразили Трелинг и Шалый. Возбужденно, перебивая друг друга, спорили с Михайловым и Драголюбом. Казалось, они не понимают, что идут на смерть. Но это лишь казалось. И я подумал тогда, могут, конечно, и биокиберы осознанно подвергать себя опасности, но с таким вот воодушевлением и безумным блеском в глазах, словно им предстоит невыразимое блаженство, способны ринуться куда угодно только люди.

— Центуриане вряд ли объяснят нам, почему пропали наши товарищи.

— Почему?

— А чем нам помогут сказочки об уродливых зеленых дилиаках? Нет сомнений, на этом плато существует нечто таинственное, хотя бы то, что испокон века оно не заселено и у центуриан вызывает ужас... Но разгадать тайну предстоит нам. Понимаете? Андрей Астрал собрал множество местных легенд...

— Мой отец не только собирал легенды... Он также предположил существование на Плато Дилиаков древней цивилизации, которая по непонятным причинам исчезла...— тихо сказала Зоряна.

— Мы, Зоряна, выбрали для посадки именно Плато Дилиаков,— ответил Федор Драголюб.— Однако, кроме твоего отца, никто всерьез не воспринимал гипотезу об этой цивилизации. Поэтому, думаю, сейчас не время продолжать эту тему...

— Мы берем на себя инициативу и всю ответственность. Не так ли, Франциско? На двух машинах с максимальным интервалом, чтобы иметь возможность следить друг за другом. При малейшей опасности зададим стрелкача.

— А что думает Центурион? — спросил командир.

Визит к жителям Керла казался мне целесообразнее поисков в полном неведении. Я так и сказал.

Но Трелинг, нетерпеливо вскочив, возразил:

— Пока мы спорим, наши товарищи, вероятно, теряют последнюю надежду на спасение. Командир, разре-

ши вылетать! — Голос его был полон гнева, хотя звучал тихо.

— Хорошо...

Через несколько минут экспедиционные триангуляры отделились от нашего корабля. Два блестящих треугольника зависли над коричневой пустыней.

— Как связь, командир?

— Надежна!

На большом экране внешнего обзора машины быстро превратились в две блестящие в лучах Центы точки над горизонтом. А на экранах Шалого и Трелинга мы видим мир глазами наших товарищей.

— Мы сначала облетим вокруг.

— Я пойду первым. Ты моложе... и должен возвратиться...— слышится голос Трелинга.

— Над морем все спокойно. Ничто не привлекает внимания. Связь устойчива?

— Да.

— По береговой линии не заметно ничего необычного...

— Вижу темный предмет на расстоянии трех сотен метров от берега.

— Похоже на человека?

— Нет. Локация характеризует предмет как выход глубинных пород на поверхность. Иду на снижение. Датчики сигнализируют о сверхмощном гравитационном возмущении. Прибор зашкаливает... Да... Это простая каменная глыба. Она лежит, будто ее выворотили на поверхность.

— Есть свежие следы?

— Никаких, командир. Просто глыба стоит торчком, а глубинная локация говорит об отрыве ее от основного пласта.

Летели низко, описывая круг. Не обнаружили ничего опасного. Только выход глубинных пород зафиксировали в десяти пунктах, равноудаленных от предполагаемого центра. Это и было место исчезновения наших

товарищей, оно представляло собой чашу с диаметром венца 13 084,66 метра, как показала локация. Условная линия выхода глубинных пластов на поверхность имела форму идеального круга, что никак не вязалось с законами тектоники. Поэтому сразу возникала мысль об искусственном происхождении такого образования. Но это ничего не говорило о судьбе наших товарищей.

— Вижу вдали очертания Керла, командир...

— Углубляемся в зону. Выдерживай интервал семьсот метров. Скорость минимальная. Высота пятьдесят...

— Иду за тобой. Хорошо вижу твою машину. Ничего опасного.

— Высота тридцать метров. Хорошо заметны следы Марка Энса и Клитацибера. Высота двадцать метров. Как связь?

— Устойчивая. Иду за тобой. Интервал восемьсот. Все в норме.

— Мою машину качнуло... Возрастает скорость. Увеличил антигравитацию... Но скорость растет... Я падаю... Тошнит...

На четвертом экране мы хорошо видели, как машина Трелинга клюнула носом, потом слегка завалилась на левый бок и упала, зарывшись в песчаный грунт.

— Ничего не понимаю. Все произошло мгновенно. Связь есть, командир?

— Да. Мы тебя слышим.

— Ты зарылся левым бортом. Не разбился? — слышался голос Шалого.

— Ударился грудью. Но, кажется, цел. Что же случилось? Мне показалось, что при включении антигравитации падение ускорилось. Такое возможно лишь при взаимодействии с другим гравитационным полем. Нужно проверить.

— Не выходи из машины!

— Ладно, я только выключу генератор поля! Есть одна идея, мне показалось... — но, дико расхохотавшись, так и не смог закончить свою мысль.

И тут же изматывающее душу звучание камертона заставило нас оцепенеть. И мы снова слышали вибрирующий звук камертона.

— Шалый! Немедленное возвращение! Шалый! Немедленно! — Драголюб закричал надорванным, каким-то бесцветным голосом.

На четвертом экране заметно было, как машина Трелинга на какой-то миг поднялась в воздух, а потом... Потом просто исчезла. Правда, было такое впечатление, что какое-то время она уменьшалась, и глаз вроде бы успел запечатлеть отдельные фазы этого удаления. И все. Словно ничего и не было.

Через несколько минут Шалый возвратился на корабль. Открыл тяжелую бронированную дверь центрального салона, где мы все находились. Хорошо понимая всеобщее настроение, заставил себя улыбнуться:

— Это не смерть. Понимаете? Я, кажется, начинаю понимать. Но это не смерть, поверьте.

Ему никто не ответил, но каждый достойно оценил желание Шалого вытравить из нас крупички отчаяния и бессилия. Степан долго смотрел, уставившись перед собой в одну точку.

— Нужно поразмыслить, все взвесить. Вы понимаете, куда они все исчезли? Я, кажется, догадываюсь... Вам хорошо все было видно?

Ему не ответили.

На экране внешней панорамы догорал центурианский день. Оранжевое светило медленно опускалось за море. Нить воспоминаний невольно протянулась к далекому Солнцу, которое каждый из нас так давно не видел... Как оно заходит в море, за горы...

Хенк Михайлов медленно вышел в соседний отсек. Было слышно, он открыл кран и начал плескаться. Вышел с мокрым лицом, капли висели на его ресницах, на кончике носа.

Вновь просмотрели видеозапись, вторично пережили короткие минуты полета Трелинга.

Оранжевое светило спряталось за море.

Никто не проронил ни слова, хотя каждый изнывал от множества мыслей, вопросов, планов. Но не хватало уже сил. Мы медленно разошлись, как лунатики, по своим каютам, мечтая хотя бы на час забыться.

А впереди долгая центурианская ночь. Семьдесят часов ночи. Никому из нас не удалось тогда обойтись без большой дозы транквилизатора.

Тишина. И в ее глубине не умолкая звенит камертон.

Через шесть часов Драголюб собрал всех в зале библиотеки.

— Прослушаем еще раз записи Андрея Астрагала,— сказал он тихо,— попытаемся домыслить все, что может стоять за центурианскими легендами.

Я быстро отыскал в фонотеке материалы предыдущей экспедиции. На большом библиотечном экране появилось лицо известного биолога — седые усы, глубокие морщины на высоком лбу. Каждый из нас помнил его именно таким. Зоряна вся напряглась, собралась, словно капля ртути, а в глазах блеснули слезы. Говорил ее отец.

— ...легенду о Вечном Мейбомии Тиридан рассказал мне неохотно и даже с некоторым страхом... Вечный Мейбомий жил на Плато Вечности. Центуриане не знают, кто он такой, откуда появился, но с уверенностью говорили, что Мейбомий не принадлежит ни к племени Диору, ни к Биору, ни к Нару — основным центурианским племенам. Он — вечный, говорится в легенде, он живет здесь и везде одновременно. Его никто не видел и никто не может увидеть, потому что Мейбомий так велик, что может спрятаться в небольшом зернышке. Мейбомия никогда не видели даже его дети — дилиаки, которые жили когда-то на Плато Вечности. Интересно, что племя Нару называет дилиаков машинами Мейбомия, но на языке Нару понятия «слуга» и «машина» передаются

одним словом. Дилиаки были уродливыми зелеными созданиями, имели много глаз и длинный хвост, владели всеми языками центуриан и, кроме того, еще каким-то неизвестным языком, дилиакским. Эти зеленые чудища охраняли когда-то Мейбомия, спрятавшегося в неведомом зерне. Интересно, что все эти сведения, как утверждает Тиридан, исходят от самих дилиаков, которые никогда не покидали Плато Вечности, но охотно вступали в контакты со всеми, кто приходил к ним, рассказывали обо всем и не останавливали никого, кто хотел увидеть Вечного Мейбомия, только предупреждали, что возврата назад не будет. И действительно, никто никогда не возвращался. А однажды все дилиаки сами ушли к нему. Исчезли, словно их никогда и не было. Сохранилось несколько древних центурианских рисунков, где изображен последний танец дилиаков, во время которого они скрывались в зерне Вечного Мейбомия.

На экране появился один из таких рисунков, на котором замерли зеленые дилиаки в различных позах странного танца. Каждый дилиак был меньше стоящего перед ним. И так они уменьшались на рисунке до полного исчезновения. Длинная извивающаяся змейка танцующих дилиаков.

— Марк Энс, Клитотибер и Трелинг ушли от нас, чтобы убедить в необходимости иначе воспринимать все это... — произнес Драголюб. — У меня уже нет желания объяснять уменьшение фигурок на рисунке законами перспективы.

— Ты был самым яростным защитником именно такого толкования, Федор, — сказал врач.

— В том-то и дело, — грустно улыбнулся командир. — А теперь почти не сомневаюсь, что...

— Что мой отец оказался прав? — спросила Зоряна.

— Да.

Голос сторожевого автомата застал нас врасплох, прервав разговор:

— Внимание! Каждому члену экипажа! Движущийся

предмет приближается к кораблю. Свой путь он освещает. Двигается по сложной траектории. Часто возвращается назад, но потом снова выбирает направление к кораблю. Средняя скорость приближения — 2 километра в час. Координаты движения проектирую на экран наблюдения.

Зеленая точка на экране, как и сообщил автомат, двигалась, петляя, приближаясь к нашей «Центурии».

— Это едут центуриане, — заявил Драголюб, и каждый из нас удивился, почему не ему первому пришло в голову такое предположение — простое, правдоподобное и убедительное. Наша «Центурия» отличалась от предыдущей машины, прилетавшей сорок лет тому назад. Центуриане тогда несколько раз объехали нас вокруг, не замечали открытого люка деклимационной камеры. Драголюб сам вышел к ним.

Три головастых существа в черных комбинезонах вошли на борт нашего корабля. Мы встретили их в центральном салоне. Они оказались точно такими, как в видеозаписях Астрагала — похожи на людей, но с большими головами, короткими конечностями и с кожей землистого цвета. Черный прибор в руках первого центурианина давал возможность услышать его голос из-под большого прозрачного шлема.

— Почему вы делаете посадку на Плато Дилиаки?

Они стояли скрытые темными оболочками неуклюжих комбинезонов. За прозрачными шарами их шлемов — серые лица.

— Приветствуем вас на борту нашего корабля.

— Почему здесь посадка? — опять заговорил черный прибор. — Где Астрагал? Я рассказать ему все!

— Вот дочь Андрея Астрагала...

— Я понимаю. Почему? Я рассказывать Астрагал все! Вы знать?

— Да, мы знакомы со всеми материалами предыдущей экспедиции. Мы сознательно произвели посадку именно здесь, чтобы изучить... разгадать тайну...

— Вы уже выходить из корабль? — черный приборчик говорил уныло, бесцветно, но движения центурианина выдавали волнение.

— Да, — ответил Драголюб.

— Возвратились?

— Нет...

— Никогда не возвратятся.

— Вы — Тиридан? Хотя вы и в шлеме, но, кажется, я не ошибаюсь... Мы видели вас в видеозаписях Астрала.

— Я Тиридан... Но не сейчас знакомство...

— Вы хорошо владеете нашим языком, Тиридан, но можете спокойно говорить на родном. Каждый из нас прекрасно вас поймет и на диору, на биору и даже — нару.

— Да? — казалось, Тиридан ничуть не удивился. — Спасибо... — И он сразу перешел на язык диору.

— Мы заметили ваш корабль издали, но не думали, что вы опуститесь на Плато Вечности. Мы с друзьями сразу отправились к вам... Я один из немногих, кто знает дорогу на Плато.

— Разве на Плато Вечности трудно попасть?

— Трудно возвратиться, трудно обойти зерна Мейбомия...

— Зерна? — переспросил Хенк Михайлов. — Не одно зерно?

— Да.

— Сколько же их?

— Не знаю. На Плато все воспринимается не таким, какое оно в действительности... Нужно торопиться...

— Куда торопиться, уважаемый Тиридан?

— Ваш корабль может сесть в другом месте?

— Вы не преувеличиваете опасность?

— Нужно верить старому Тиридану.

— Успокойтесь. На борту нашего корабля вы в полной безопасности. Успокойтесь.

— Вы ничего не знаете. На Плато мысли раство-

ряются. На Плато вы не можете управлять собственными поступками.

— Он, очевидно, имеет в виду воздействие сильных гравитационных возмущений вокруг зерен Мейбомия на человеческую психику,— тихо произнес Бимба Джамирдзе.— А возмущения здесь действительно сверхсильные... Бесспорно, достигающие порядка гравитационных ловушек...

Тиридан, услышав слова Джамирдзе, резко повернулся.

— Тиридан, вам ничто не угрожает,— повторил командир.

— Ты уверен, Федор? — тихо спросила Зоряна.— Он советует перелететь в другое место... Может, не следует пренебрегать? Подумай, Федор.

— Уверен. Не забывай, что мы на доброе тысячелетие опередили центуриан... По крайней мере живущих на планете сейчас... Мы сейчас можем домыслить о зернах Мейбомия больше, чем они о них знают.

— Мы потеряли уже троих товарищей...

— Но зато мы уже кое-что узнали. И я абсолютно спокоен...

— Ты всегда спокоен, Федор. И это не всегда твое преимущество.

Вдруг из глубины зала донесся приглушенный, испуганный шепот Юлии Шандры:

— Вилли, скажи, мы действительно больны? — Юное личико девушки стало совсем детским.— Скажи только правду, Вилли.

Врач почему-то молчал.

— Вилли?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ведь Тиридан сказал. Я так его поняла. Он сказал, что здесь всякая мысль растворяется... Значит, мы не можем правильно оценивать, думать? Да? Я припомнила день, когда мы... Помнишь? Еще на Земле... Костер на берегу Десны. И мотыльки слетались среди

ночи к нашему огню. И они сгорали, Вилли. Помнишь? Я тогда тоже подумала, что они...

— Кто знает, девочка,— перебил ее Вилли,— может, для них, живущих всего несколько дней, очень важно увидеть огонь, настолько важно, что они готовы сгореть в нем... Кто знает?

— Тиридан, заверяю вас, для беспокойства нет причин,— громко сказал Драголюб.— Поверьте. Как только вы захотите вернуться, мы вам поможем. На одной из наших экспедиционных машин, на безопасной высоте... Слышите? Мы стоим на пути разгадки тайны вашей планеты. Мы должны вместе... должны помочь друг другу.

— Мне страшно. Ведь если уйти и не вернуться, то чем это отличается от смерти? — заявил центурианин.

— Тиридан, расскажите нам, что вы знаете о зернах Мейбомия?

В это время Зоряна незаметно подошла ко мне и тихо, чтобы никто не слышал, сказала:

— И все же не зря мой отец не любил Федора. Правда, Центурион? Я верю, ты поймешь меня правильно. Драголюб превосходный навигатор, искушенный научный работник, но не ему решать судьбы людей. Сейчас он начнет поучать Тиридана, объяснять ему, как следует понимать легенды про дилиаков, как выделить рациональную мысль из множества выдумок. Но почему на Базе казался он туповатым технократом? Почему пренебрежительно высмеивал гипотезы моего отца? А отец очень близок был к истине...

— Путь познания никогда не бывает прямым, Зоряна.

Она кивнула:

— Я знаю это, Центурион. Но порою становится так обидно и больно терять друзей... Нет, я все-таки скажу ему сама. Пусть Драголюб вспомнит моего отца и увидит, что я унаследовала его характер.

— Послушай, Федор,— громко сказала Зоряна.—

Когда еще на Базе мы обсуждали нашу программу, помнишь, кто-то говорил о гравитационной западне?

— Помню. Это был Виктор Гар.

— Да, мальчишка-аспирант, ты так издевался над ним. Говорил, что из него получится хороший фантазер, так здорово он придумывает разные теории. Но наука, как ты говорил, интереснее и сложнее любой сказочки.

— Зоряна, я понимаю, что ты хочешь сказать. Твой отец тоже считал, что я... Но разве стоит напоминать об этом сейчас?

— Ты не мог серьезно воспринимать мысль о гравитационной западне на Центурии только потому, что наши экспериментальные установки пока еще похожи на игрушки. Не мог допустить, что на этой планете может существовать...

— Зоряна! — воскликнул Драголюб. — Ты хочешь, чтобы я извинился? Пожалуйста... Но не забывай все-таки, что у нас... гости...

— Извините, — обратился он к центурианам. — Зоряна Астрагал говорит правду — я не верил, что когда-то на Центурии существовала развитая цивилизация. Не верил... Но сейчас вижу, что был не прав. Создать искусственные «черные дыры» могли только мыслящие существа чрезвычайно высокого уровня развития...

— Искусственные «черные дыры»? — переспросил Тиридан, и мы ощутили в голосе из прибора растерянность и любопытство.

Драголюб принялся рассказывать, подбирая самые простые термины и сравнения. Сначала говорил про башню необычайной высоты, которая рушится от собственного веса, потому что не выдерживает нагрузки первый этаж. Потом перешел к громадной массе где-то в космосе, которая сама собой сжимается в маленький шарик под действием силы притяжения. Затем рассказал, как после познания законов гравитации были созданы генераторы этого поля и появилась возможность, по крайней мере теоретическая, рождения «черных дыр»

даже на самой планете. Достаточно генерировать поле такой интенсивности, чтобы вызвать гравитационный коллапс... Федор не вдавался в подробности. Не говорил, что землянам уже несколько столетий не удается достичь критического уровня интенсивности гравитации. Ничего не сказал о проблеме стабилизации, отделения гравитационной западни от окружающей среды поясом антигравитации. Эти проблемы решались на Земле пока лишь на бумаге. Но Драголюб рассказывал обо всем этом как о самых привычных вещах. Такой уж был у него характер, счастливое свойство всегда быть уверенным в собственной правоте. Говорил убежденно, давало себя знать то, что когда-то преподавал в политехнической академии. Он умел заинтересовать своим рассказом.

Тиридан и его товарищи заворуженно слушали, а Зоряна улыбнулась: «Умеет же! Если б не знала его, сама бы заслушалась».

Тиридан смотрел через шлем, широко раскрыв и без того большущие глаза. На его сером лице сменялись чувства страха и любопытства. Так смотрят люди в пропасть, в глубины космоса. Страх, отвага, ребячество и глубочайшая мудрость в этом взгляде.

— Мы должны выработать общую программу исследований.

— Вы хотите пойти туда?

— Куда? — спросил Драголюб, хотя прекрасно понимал, что имел в виду Тиридан.

— В зерна Мейбомия...

— Думаю, что нет, — спокойно ответил наш командир, но глаза его заблестели. — Мы еще не готовы к этому. Хочется сначала получше изучить, как устроены эти штуковины. Ваша древняя цивилизация имела такой высокий уровень... Одним словом, нам нужно еще немного подучиться. — Он напряженно улыбнулся. — Мы, земляне, не можем еще создавать такие большие гравитационные ловушки...

И вдруг засветился восьмой экран видеосвязи. На нем появилось лицо Франциско Трелинга.

— Слышите меня? — с усилием выдавил он из себя.

— Трелинг?! — Драголюб мгновенно оказался возле пульта.

— Да, Федор, это я. Кажется, меня не подменили.

— Франциско?!

— Да не смотрите на меня, как на призрак. Сейчас все расскажу. Я, кажется, жив,— ужасно хочу есть... Когда моя машина упала, я выключил генератор антигравитации и почувствовал какую-то странную слабость, впал в забытие...

— Ты смеялся, Франциско.

— Возможно. Я этого не помню, потерял сознание. А когда опомнился, включил генератор антигравитации. И сразу почувствовал, как снова наваливается слабость. Успел лишь взглянуть... Всего на миг. Был яркий свет. Какое-то дерево... но оно двигалось. По крайней мере так показалось. И еще какие-то существа... похожие на людей, но зеленые...

— Такие, как дилиаки на рисунках Астрагала? — перебил его Вилли Брет.

— Нет, больше на людей похожи... на центуриан... но зеленые. Я видел их вверх ногами, не могу сказать сколько, но больше одного. Вот, пожалуй, и все. Когда снова пришел в сознание, за иллюминатором светились звезды на небе. Долго не мог ничего понять. Припомнил все по порядку — упал, машина врезалась левым ребром, потом выключил генератор... И еще вспомнил тень от руки того зеленого существа. Громадная тень на блистере. Длинные или удлинненные проекцией пальцы... Точь-в-точь человеческие. У меня в голове сейчас страшный хаос. Исчезло чувство реальности. Склонен думать, что все это мне приснилось или померещилось. Я немного ушибся при падении. Может, видения эти — аномальные? Результат сотрясения?

— Франциско, как себя чувствуешь сейчас?

— Не знаю... Никак. Вроде бы это вовсе и не я, а кто-то похожий на меня. Тело легкое или тяжелое — не понять. Чужое тело... Но ничто не беспокоит.

— Ты понимаешь, что произошло с тобой?

— Кажется... Гравитационная западня?

— Да.

— Я уже более часа пытаюсь выбраться отсюда, но это невозможно. Я — как во сне. Действовал как сумасшедший. Долго надрывал генератор, стараясь взлететь. Потом пробовал выехать на гусеничном ходу. Все впустую. Наконец меня осенило, и я вспомнил о вас, о нашей «Центурии». Радиосвязь не действует. Вы не отвечали. Потом я вспомнил про аварийный дублирующий блок нейтринной связи... Хочу есть. А в машине у меня ни крошки, — болезненно улыбнулся Франциско. — И никто мне теперь ничем не поможет.

— Мы что-нибудь придумаем, ты не волнуйся. — Голос Драголюбa задрожал.

— Вряд ли, командир. Придумаю я сам. Я уже решил. Мне терять нечего. Опять — туда! Пусть накормят, — пошутил он. — Меня пригласили в гости, и я не могу отказаться... Очень рад, что сумел связаться с вами, сообщить вам всем, порадовать, что это еще... еще не смерть...

— Не торопись, Франциско.

— Не тороплюсь. Просто я все уже продумал. Помочь вы мне не сможете. Я произвел расчеты. Масса моей машины семнадцать тонн. Интенсивность поля в стабилизированной системе должна быть не меньше трехсот граве. Жаль, что не могу замерить. Если диаметр этой штучки 13 804,66 метра, как мы определили локаторами...

Но тут вмешался Тиридан:

— На Плато Вечности все видится не таким, каким оно есть на самом деле. Так написано в книге Борукана.

— Кто это? Чей голос? — воскликнул Трелинг. — Слышу речь диору. У вас гости?

— Да. У нас Тиридан с двумя товарищами... Ты его знаешь по видеозаписям Астрагала.

— Тиридан? Пусть подойдет к телекариусу, чтобы я мог видеть... Спасибо... Все еще в таких же черных комбинезонах... Так что вы сказали? На Плато Вечности все видится не таким, каким оно есть на самом деле?

— Да... В книге Борукана...— Фигура Тиридана как-то виновато съежилась, словно у школьника, который боится сказать глупость.

— Там написано, что зерна Мейбомия лежат в чашах больших, чем сорали...

— Сорали? А что такое сорали?

— Большая чаша, в которой люди Нару и сейчас варят грязь, когда строят себе жилища.

— Какие они, сорали? Большие?

— Когда-то я видел одну — почти сто цу... По-вашему это почти десять метров...

— Не может быть! — вдруг воскликнул Трелинг.— Это мало. Слишком мало.

— Мой отец ни разу не вспоминал про книгу Борукана,— заявила Зоряна.— Почему?

— Я держу ее в тайне ото всех! Я не говорил Астрагалу об этой книге. Нужно знать многие тайны земли и неба, чтобы не потерять рассудок, не потерять все...

— Центуриане знают об этой книге?

— Только они знают...— показал взглядом на товарищей.

— Для гравитационной западни это слишком мало,— кричал с экрана Трелинг.— Такого не может быть! Тогда интенсивность поля должна быть больше тысячи граве! И я никогда не выберусь отсюда,— произнес он спокойнее.

И вдруг заговорил Бимба Джамирдзе:

— Командир, разреши присоединиться к Трелингу! Наша программа, собственно, и состоит в изучении Плато Вечности! У меня нет ни малейшего сомнения, что там, в зерне Мейбомия, действительно иной мир, руко-

творная вселенная. И я хочу ее видеть! Мы с Трелингом — а я найду его там — возможно, узнаем, как можно вернуться назад... Уверен, что те... они там знают секрет возвращения.

— Не спеши, Джамирдзе.

— Возможно, мы сумеем найти и Марка Энса и Кли-тоцибера. Думаю, они еще живы. Ведь не прошло и тридцати часов, и автономные системы жизнеобеспечения должны функционировать...

Драголюб помолчал, затем произнес шепотом:

— А что думает по этому поводу Зоряна?

Девушка зарделась:

— Может быть, нам чем-то помогут Тиридан и его друзья... Мы с ними еще не познакомились...

— Вирдан, мой брат.— Тиридан взглядом указал вправо от себя.— А это его друг Наруцен.

— Очень приятно... Скажите, кто-нибудь возвращался от дилиаков?

— От дилиаков возвращались, но никто не вернулся из тех, кто пошел к зернам Мейбомия.

— Никто?

— Никто.

— А как вы сами считаете, кто такие дилиаки?

— Слуги Мейбомия. Они охраняли зерна.

— Вероятно, дилиаки действительно охраняли гравитационную ловушку. Но от кого и как именно?..

— Они не останавливали никого из тех, кто шел к Мейбомию,— бросил Хенк Михайлов.— В чем же тогда заключалась охрана?

— Они охраняли зерна, но не идущих к ним,— сказала Зоряна.

— Но ведь это жестоко. Мне просто не верится, что высокоразвитая цивилизация могла так...— Юлия Шандра не находила слов.

Драголюб улыбнулся:

— Судя по легендам, дилиаки никого не останавливали силой, но каждому говорили, что его ожидает.

И это не жестокость, Юлия. Это — жизнь. Смотри, думай, решай и сам отвечай за свое решение. Такова испокон века судьба всех мыслящих.

— А почему они исчезли? — спросил Степан Шалый, подходя поближе к Тиридану.

— В книге Борукана написано, что дилиаки не выдержали соблазна увидеть невиданное...

Вдруг с экрана заговорил Трелинг:

— Гравитационная западня, по крайней мере в нашем понимании, — это система почти неуязвимая, ее может повредить только космический катаклизм, да и то не всякий. Саморегулирующая динамическая система... Что там охранять? Думаю, дилиаки на Плато выполняют какую-то иную функцию... И хотелось бы побольше узнать о книге Борукана. В записях Астралага о ней нет ни слова...

— Борукан — мой далекий предок...

— Он написал эту книгу?

— Не знаю... Возможно, он ее нашел... Она в таком футляре, который изолирует ее от воды, воздуха, чтобы надолго сохранилась...

— Можно допустить, что цивилизация Мейбомия вся ушла в рукотворную вселенную, оставив на планете несколько источников информации о себе. А дилиаки лишь контролировали стабилизацию системы, — продолжал Трелинг.

— Франциско, если на планете не осталось никого, то нужны миллионы лет, чтобы появились новые мыслящие существа. Согласен? Тогда необъяснимо происхождение современных центуриан. А дилиаков видели и люди Диору, и также — Биору и Нару... Несомненно, что эти народы не являются потомками или частью цивилизации Мейбомия. Они только-только начали пользоваться электричеством, приступили к примитивным научным исследованиям. По крайней мере — лет сорок тому назад, когда прилетал сюда Астралаг, центуриане ничего определенного не знали о дилиаках и зернах Мейбомия...

— Тиридан, а можно увидеть саму книгу? — спросил Трелинг с экрана. Лицо его было измученным, постаревшим, но глаза возбужденно блестели.

Тиридан замер и долго стоял, словно черная скульптура.

— Тиридан, вы меня слышите?

— Слышу, — ответил черный прибор в застывших руках.

Мы не могли понять перемены в его поведении. Все были готовы услышать, что книга либо утеряна, либо ее вообще не существовало. Трудно понять психологию мыслящего существа, если сам не находишься с ним на одном уровне развития, объединенный общей мудростью или невежеством.

— Тиридан?

Его молчание будило воображение. Книга Борукана казалась теперь единственным источником нашего будущего прозрения, будущей разгадки тайны Центурии.

— Тиридан, почему вы молчите?

— Эта книга всегда со мной... — указал он рукой на грудь.

Поначалу мы не поняли.

— Нужно снять комбинезон...

— В деклимационной камере вы сможете достать? Да? — К нему подошел Степан Шалый.

Тиридан кивнул в знак согласия и медленно, степенно пошел вслед за физиком.

— Джамирдзе! Бимба! Я слышал, ты хочешь присоединиться ко мне. Не делай глупости. Мне уже ничто не поможет, а у тебя все впереди. Здесь мы сможем обрести лишь тривиальную смерть.

Джамирдзе громко расхохотался, искренне и беспечно, как мальчишка:

— Старый проповедник, не уговаривай меня. Утешься тем, что я не к тебе иду, а просто из любопытства лезу в гравитационную ловушку. Понял? Твоя совесть чиста! Ты никого не губишь.

— Бимба, ты, как всегда...

— Вот когда привезу тебе краюху хлеба, вот тогда оценишь мою преданность,— не унимался Джамирдзе.

Тиридан возвратился в зал с небольшим плоским, с виду медным футляром. Начал открывать его, но неудобный комбинезон мешал это сделать. Наруцен и Вирдан безуспешно помогали ему.

— Разрешите мне,— попросил Драголюб.

Центуриане благоговейно, торжественно передали футляр в руки командира нашего корабля.

— Эта книга написана на языке диору...

И вот мы увидели ее, КНИГУ БОРУКАНА. Она оказалась совсем тоненькой, но в твердой обложке из центурианского дерева сона, на которой искусная инкрустация изображала круг и лучи. При первом взгляде это напоминало солнце. Но стрелочки на лучах направлены к солнцу, а не от него. Кроме этого, на обложке не было ни одного слова или знака.

— Вам известно, что это обозначает? — спросил Драголюб Тиридана.

— Нет...

— Большинство цивилизаций, известных нам, именно так обозначают гравитационную западню, «черную дыру», ядро гравитационного коллапса, кто как предпочитает называть это.

Открыли обложку.

— Зоряна, среди нас ты лучше всех владеешь языками центуриан,— сказал Драголюб, с волнением протягивая девушке книгу.— Точнее тебя мы не прочтем.

Зоряна едва заметно улыбнулась, как-то совсем по-детски и в то же время женственно. Драголюб заметил ее улыбку, и его взгляд тоже потеплел, лишился того внутреннего напряжения, которое переполняет каждого разговаривающего с человеком, которого когда-то обидел.

«Кто не постиг тайны того, что над головой, кто не постиг тайны того, что глубоко под ногами, тот не дол-

жен читать эту книгу...» — начала Зоряна, но вдруг подняла взгляд: — Здесь пишется именно «того, что над головой», «небо» писалось бы просто «кайя»... Правда, Центурион? — Зоряна волновалась, казалось, даже боялась читать дальше, ожидала, пока я не сказал: «Да, Зоряна, было бы просто кайя». Затем она снова продолжила: — «...тот не должен читать эту книгу, потому что лишится разума и станет называть черное белым, будет хотеть пить, но пойдет прочь от источника, будет голоден, но пойдет прочь от пищи, будет избегать всего большого и малого, всего доброго и злого, и все станет непонятным для того, кто не постиг тайн неба». Вот здесь, Центурион, написано просто «кайя»... «...тайн великого и малого... Все станет непонятным и страшным, но, даже убегая от всего, никто не минует зерен Вечного Мейбомия, не минует искушения увидеть невиданное, ибо и сами дилиаки не устояли перед искушением этим...»

Перевернули страницу.

«Оставил я родных своих, попрощался. Мало кто возвратился от дилиаков, но я подумал так: жизнь пройдет, и умру я, и не увижу Далеких Земель, уподобясь дереву, прикованному корнями, не увижу страшных дилиаков...»

Затем несколько строчек были совсем неразборчивы — буквы стерлись. Зоряна продолжала с середины фразы:

«...странных слов, что подобно семенам прорастут потом странными мыслями. И отважился я испытать счастье свое. Долго я шел, спрашивая всех: где земли лежат дилиакские. Мне показывали, кто знал, а кто не знал, тот лишь смотрел сочувственно. Ибо каждый слышал рассказы страшные. Шел я долго. Сто и одиннадцать раз всходило надо мной солнце. Наконец увидел я на горизонте пустыню и понял, что достиг цели, пришел в земли дилиакские. А когда ступил на первый камень коричневый, я испугался, и ноги мои подкосились. Упал я обессиленный и даже не заметил, когда подошел

Он. Открыл я глаза и закрыть их уже не мог. Словно окаменел. Надо мной стоял дилиак. Множество глаз на голове, как и рассказывали, зеленый, блестящий и раза в три выше меня. «Не делай мне зла,— прошептал я.— Много страшного о вас говорят, и мало кто возвратился из земель ваших». А дилиак зелеными веками моргнул и сказал: «Слепой, куда ни пойдет, может не возвратиться».

«Не слепые ходили, а люди зрячие».

А дилиак сказал: «Не глазами нужно видеть, а разумом. Зачем ты пришел к нам?»

Он улыбался большущим ртом, белым языком зеленые губы облизывал. Но мне не было страшно, словно волшебное зелье дал мне дилиак или слово волшебное сказал».

Передохнув, Зоряна читала дальше:

«Хочу узнать, кто вы такие, дилиаки? И почему живете в этой пустыне далеко ото всех, но все наши языки знаете, а к нам не приходите ни с добром ни со злом?»

«Хочешь знать, кто мы такие?»

«Да».

«Но сможешь ли понять? Не один уже нас спрашивал и разум свой потерял, услышав наше слово».

«Говори».

Дилиак меня на ладонь к себе посадил, медленно пошел в глубь пустыни.

«Не боишься?»

«Боюсь».

«Хочу тебе земли наши показать. Издали, чтобы ты их увидел все сразу».

«Я издали пришел, но земель ваших оттуда не видно».

«Разве муравей может увидеть округлый плод натии на дереве, когда ползает по нему?»

«А разве земли ваши — это плод натии, а я разве муравей?»

Посмотрел на меня дилиак глазами, которые у него спереди, потом повернулся и посмотрел теми глазами,

что сзади: «А если скажу, что все так и есть, ты поверишь?»

«Поверю».

«А если скажу, что этот камень черный?»

«Не поверю».

«Почему?»

«Я вижу, что он коричневый».

«А если бы не видел?»

«Я верю тебе, а не словам твоим...»

Зоряна умолкла, долго всматривалась в написанное и не могла прочесть:

— Очень неразборчиво... Не могу... А вот дальше отчетливее: «шар с прозрачной дверью. Через эту дверь дилиак помог мне в шар войти. А потомдохнул на шар огнем, подбросил его. Летел я все выше и выше. Дилиак стал совсем маленьким подо мной, потом вовсе исчез. А земли дилиакские все дальше и дальше были видны... И вдруг! Правду говорил дилиак — круглый плод натии увидел я. Не успел хорошо рассмотреть, как начал падать вниз, вниз, вниз... К смерти я приготовился. Глаза плотно зажмурил. Не знаю, как получилось, но очнулся я опять на ладони у дилиака. Прозрачного шара не было, будто он приснился».

«Видел?»

«Видел».

«Что?»

«Круглый плод натии — земли ваши». Долго молчал дилиак, наконец произнес: «Расскажу я тебе все... Слушай. Когда-то не было на этом плоде натии ни людей Диору, ни Биору, ни Нару. Жили здесь совсем другие люди — очень умные и любознательные. Все они хотели знать, всюду побывать и все собственными руками сделать. Было у них много машин. Ты уже знаешь одну такую. Так вот, были у них различные машины, были и очень сложные, похожие на них самих. И когда-то эти люди, они называли себя Мейби, и эти сложные машины научились становиться очень-очень маленькими. Пересе-

лились они в иные земли, малые, словно зернышко. Но просторно было им всем, ставшим совсем крохотными».

«Те земли были такие малые, как зернышко?»

«Не совсем. Они лежат в чашах чуть больших, чем сорали. Но все люди Мейби и все машины поместились там свободно. Красивые это земли, но нельзя оттуда возвратиться. Нельзя снова стать большими. Но это никого не остановило. Все ушли. Осталось только несколько машин — дилиаков, чтобы присматривать за зернами Вечного Мейбомия, как ты присматриваешь за посевами сокро». ...Дальше опять все стерлось... Неразборчиво... Тиридан, что здесь было написано?

— Не знаю,— голос Тиридана на родном языке звучал красиво и уверенно.— Не знаю. Это очень старая книга. Я тоже не все смог прочитать.

И Зоряна читала дальше:

«Почему он исчез?» — спросил я дилиака.

«Он не исчез. Просто на этом месте все видится не таким, каким оно есть на самом деле».

«А я могу увидеть зерна Мейбомия?»

«Ты хочешь увидеть?»

«Да».

«Но ведь я говорил тебе, что возврата оттуда нет. Ты помнишь? А если идти и не возвращаться, то чем это отличается от смерти?»

Вот и все... Дальше снова неразборчиво... Это все, что написано в книге Борукана.

— Жаль, Тиридан, что вы не показали эту книгу Андрею Астрагалу,— сказал врач, сидя в глубоком кресле.— Очень жаль. Здесь значительно больше информации, чем в тех легендах, которые привез Андрей из прошлой экспедиции.

Вдруг включился в разговор брат Тиридана.— Вирдан. Он взял в свои руки черный прибор, и мы услышали его голос, молодой, красивый, с гортанными переливами:

— Я хочу сказать вам, что Тиридан не виноват. На

Центурии о дилиаках говорить опасно. Того, кто говорит о дилиаках, считают... безумным.

— Почему?

— Много людей потеряло рассудок, кто хоть раз бывал на Плато Вечности. Здесь сознание растворяется.

— Но ведь вы, современные центуриане, уже достаточно много знаете об окружающем мире... Вы исследуете... И такое суеверие просто странно.

— Вилли, ты говоришь с ними, словно с членами экипажа,— перебил его Франциско Трелинг.— Не забывай, сколько столетий отделяют наши цивилизации. Кстати, в книге сказано, что возврата нет... А я не верю — не может быть! Такая высокоразвитая цивилизация не смогла обеспечить себе выход? Почему?! Всегда должен быть выход! — кричал Трелинг дребезжащим и раздраженным голосом. Глядя на экран, заметно было, как он осунулся за несколько часов.

— Трудно сказать,— задумчиво произнес Вилли Брет.— Я не специалист, но как врач, медик воспринимаю большинство процессов в природе как необратимые. И сама жизнь развивается только в одном направлении. Мы никогда не сможем повернуть свое развитие вспять, не сможем стать моложе...— Доктор говорил тихо, закрыв глаза, словно обращался сам к себе.— Я даже допускаю, что во время гравитационного коллапса происходит какое-то омоложение организма... Давно прошли времена, когда считали, что воздействие гравитационного поля просто раздавит, изувечит живые организмы. Теперь мы уже знаем,— организм при определенных условиях может переходить в качественно новое состояние под воздействием гравитационного поля. И я усматриваю сходство этого перехода с рождением.— Открыв глаза, Вилли Брет посмотрел на экран.

Трелинг рассмеялся, пытаясь беззаботным смехом усыпить свой страх, усталость и безысходность:

— Я бы этого не сказал. Особенного омоложения я пока не ощутил.

Вилли Брет, глядя на усталое осунувшееся лицо Трелинга, решил утешить его шуткой:

— Ты сейчас и впрямь напоминаешь мне новорожденного. Видел, какими они появляются на свет? Морщинистыми, изнуренными, порою аж синими, и похожи на крохотных старичков... А ты, Франциско, даже еще не родился, лишь выглянул одним глазом... И знаешь, я тебе немного завидую...

Трелинг грустно улыбнулся с экрана.

О Тиридане и его товарищах словно забыли. Они стояли, переговариваясь между собой, но мы не слышали ни слова. Очевидно, у них была специальная связь, а черный приборчик предназначался только для разговора с землянами.

— Я так понял, что современная генерация центуриан в какой-то мере, мягко говоря, обязана своим появлением на свет сложным машинам, дилиакам. Правда? — сказал Тихон Перстач. — Очень интересно получается... Центурион, а ты смог бы создать новую человеческую цивилизацию? — улыбнулся он мне.

— Думаешь, это так сложно? — в тон ему ответил я. — Чего только не придумаешь со скуки, когда останешься в одиночестве на целой планете.

В это время Бимба Джамирдзе решительно подошел к командиру:

— Разрешите присоединиться к Трелингу! Я больше не вижу ни малейшего смысла в ожидании. Все ясно!

— Что ясно, Джамирдзе?

— Трелингу нет возврата назад. Это понятно?

— Да.

— Мы прилетели сюда для исследования Плато Вечности. Так? Гравитационная западня создана какой-то высокоразвитой цивилизацией, и я хочу ее увидеть. Это понятно?

— Джамирдзе...

— Федор, — включился вдруг Тихон Перстач. — Возможно, я тоже горячусь, но кажется, я не могу придум-

мать ничего более умного... Разреши и мне присоединиться к Трелингу. У меня уже никогда не будет ничего более серьезного, более страшного и заманчивого, одним словом, более стоящего, чтобы не жаль было за это отдать даже жизнь... Я не сомневаюсь в этом. Разреши!

— Мне тоже! — наивно воскликнула Юлия Шандра.

Командир, загадочно улыбаясь, обратился к центурианам:

— Извините, друзья... Вас, очевидно, ожидают в Керле. Сейчас мы вас доставим на экспедиционной машине...

А Тиридан тихо ответил:

— Позвольте остаться с вами. В Керле нас ожидает только опасность. Тот, кто возвратится с Плато Вечности, не может жить вместе с остальными... Так у нас решено. А мы не смогли скрыть, что отправились именно сюда.

Каждый из нас тогда подумал о всеобъединяющей мыслящие существа силе, о неукротимой потребности познания нового, роднящих нас.

— Вы хотите остаться с нами?

— Да.

Минуту помолчали.

Драголюб внимательно смотрел на центуриан, загадочная улыбка играла на его лице. Тиридан и его друзья стояли в напряженном ожидании, сквозь шлемы на нас смотрели их большие неподвижные глаза.

— Я предлагаю всем, за исключением Центуриона, присоединиться к Франциско Трелингу, — торжественно произнес Драголюб. — И тем самым посвятить себя исследованию зерен Мейбомия... Есть вполне конкретный план. Но детали нужно обсудить и согласовать, подготовить все экспедиционные триангуляры. Но Центурион на основной машине должен сразу возвратиться на Бау так как у нас ограниченные энергетические запасы. Нужно готовить следующую экспедицию на Центурию. За это время, возможно, мы успеем кое-что сделать. Представляется возможным получить и передать информацию

из гравитационной западни, создав дистанционную цепочку из наших экспедиционных машин. Генерируя антигравитационное поле определенной интенсивности вокруг каждой машины, будем удерживаться на разных уровнях гравитационного коллапса... Проанализировав опыт Франциско Трелинга...

Сейчас я сижу за столом в одном из номеров отеля «Космикус». Передо мной цветной рисунок, изображающий танцующих дилиаков. Длинная цепочка зеленых дилиаков: большой, поменьше, еще меньше и меньше... И надпись рукой Тиридана: «Не верю, что найдется хоть кто-то, кто не поддастся соблазну увидеть невиданное». Причудливый орнамент языка Диору.

Час тому назад Совет космических исследований утвердил состав следующей экспедиции. Все согласилось, что командиром должен быть я — биокибер Центурион.

ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

1

Если от малых забот
перейти к делам поважнее,
если продолжить наш путь,
круче раздув паруса,
то постарайтесь о том,
чтоб смотрели приветливей лица,—
кротость людям к лицу,
гнев подобает зверям.

Публий Овидий Назон

День выдался ясным с самого утра. Пожалуй, поэтому Антона Сухова, как только он проснулся, охватило просветленное настроение. Сухов радостно и бодро ехал на работу в клинику. Искусно и быстро прооперировал. Операция оказалась сложной, но все прошло удачно.

Из клиники Антон вышел не спеша и с удовольствием вышагивал по тротуару вдоль магистрали, огибавшей овраг правильной дугой. Он не торопился. Рядом с дорогой красовались золотисто-багряные клены, на противоположной стороне оврага зеленели не пожухшие еще акации и дубы. Солнце светило вовсю после дождей, ливших непрерывно три дня.

Сухов, сам того не замечая, улыбался, радуясь солнечному дню. Легкий ветерок перебирал его шевелюру с сединой. Домой идти не хотелось, но и в клинике оставаться надобности не было.

Осень. Солнце. Удачная операция. Переутомившиеся мозг и тело невольно стремятся к покою. Что может быть лучше таких вот минут?..

«Вероники еще нет дома.— Мысли о ней врываются сами собой.— Какой-то невидимый барьер пролег между нами. И барьер этот, пожалуй, невозможно разрушить, хотя теперь уже нет и желания крушить какие-то барьеры. Они дарят нам передышку, и за это им спасибо. А то, что вместе с отдыхом они приносят и одиночество,

может, и не беда, в одиночестве никто тебя не унизит, не оскорбит...»

Когда-то он искренне любил ее. По-настоящему. Это теперь приходится спрашивать себя, что же все-таки такое — любить по-настоящему. А прежде не спрашивал. Просто каждой клеточкой своего существа ощущал, что ему жизненно необходимо быть с нею.

Солнце. Осень. Прекрасный день. И не хочется идти домой. Не хочется ни о чем вспоминать.

— Ах, звезды-звезды, вечно вам сиять...— слышался за спиной знакомый мотив. Сухов обернулся, так и есть. Его догонял анестезиолог Митрофан Степанюк.— ...и одарять кого-то счастьем... Славный денек выдался, Антон. А?

— Осенний подарок галерным.

— ...И лишь звезда, моя звезда, упала с неба и погасла... Сегодня осчастливлю жену. Возвращусь домой не среди ночи... Ах, звезды-звезды, вечно вам сиять...

Между собой они называли друг друга галерными. В шутке этой содержалась крохотная доля правды. Как известно, галерными когда-то были рабы, ну а они, как говорится, если и носят вериги, то по зову сердца. Можно бы и избавиться от них, но никто не торопится это делать, пока не испытает себя до конца. Светя другим, сгораешь сам. Однако всегда кажется, что сам сгоришь не так скоро. Бессонные ночи, суматошные дни, больные, пациенты, диспуты, симпозиумы, поиски новых направлений и поиски самого себя. Трудно работать в клинике, знаменитой на всю планету. Зато не стыдно и сказать, где работаешь. Иногда даже порисоваться, щегольнуть этим приятно. Трудно, но зато чувствуешь себя на переднем крае научного поиска. Не остается времени ни для болезненного самоуничтожения, ни для вынашивания «гениальных» прожектов. В сущности, кроме неудовлетворенности своей семейной жизнью, Сухова все вполне устраивало.

Осень. Ласковое солнышко. Операция прошла удач-

но. И незачем так рано возвращаться домой. Нужно воспользоваться возможностью понаслаждаться ароматами осеннего дня.

— Возьмем машину?

— Торопишься? — спросил Антон.

— Нет. Но в такой день просто грешно терять время. Просто не верится, насколько великолепна погода. Приедешь домой, а окна залиты солнцем. Заберу дочурку из садика. Томка сейчас такая потешная. Такой возраст, что и не рассердишься... А там и жена придет... Ах, звезды-звезды, вечно вам сиять...

Шагал Степанюк (был он кряжистым здоровяком) неуклюже, как казалось со стороны. Но Антон едва успевал за ним.

— Ну, берем машину? Или я вызову одноместную?

Вместо ответа Сухов остановился у ближайшего пульта магистрального селектора и нажал зеленую клавишу.

— ...и одарять кого-то счастьем... — напевал Степанюк.

Машина остановилась возле них минуты через три. Открылась дверца голубого геликомобиля. Митрофан пропустил Антона:

— Садись, тебе дальше ехать, а я в центре сойду.

— Торопитесь? — спросила машина.

— Нет, но и терять время... Прекрасный день сегодня выдался, не правда ли?

— Для меня все дни одинаковы, — ответил геликомобиль. — Плохо только, когда пассажиров нет. Куда едем?

Они назвали адреса, и машина тронулась с места.

— Мы с тобой завтра не вместе работаем?

— Мог бы не напоминать про завтра, — раздраженно, но с улыбкой сказал Степанюк. — Завтра у меня Гирзанич оперирует...

Антон Сухов заговорил про операции, и сам удивился, что думает о них.

За окнами машины пролетали дома, деревья, фигуры прохожих...

Женщину с ребенком Антон заметил издалека. Почему-то припомнились ему маленький Витасик и Вероника... Как они все тогда были счастливы! Радовались каждому пустяку, как дети. Но почему, как все улетучилось? Исчезло сразу. Случались и раньше размолвки с Вероникой, даже ссоры, но Антон ни на мгновение не сомневался, что все это даже не временные осложнения, а просто смешные недоразумения. Прежде он не представлял себе жизни без Вероники. И в ее глазах тоже видел отражение настоящей любви. Теперь же начал думать, что все это ему когда-то лишь казалось. Но ведь ничто не исчезает бесследно. Какой-то шутник утверждал: если в душе поселилась ненависть, значит, были когда-то и зерна любви. Но сейчас даже ненависти в душе не чувствовал Антон. Ему самому казалось, что душа с какого-то времени опустела, в ней ничто не задерживалось, все проваливалось, как в старое ведро без дна...

— Остановимся...— неожиданно для самого себя приказал Сухов геликомобилею.— Подвезем эту женщину... Место в салоне есть...

Степанюк недовольно пробурчал:

— Она никуда не собирается ехать. Я тебя понимаю, красивая женщина, но напрасно ты рыцарствуешь. Она просто гуляет с ребенком.

— Ты видишь, поблизости нет пульта магистрального селектора. А у нее ребенок...

Сухов обратил внимание на то, как неуверенно женщина держала ребенка на руках. Что-то необычное чувствовалось в ее фигуре. Стройная, белокурая, в легком зеленоватом плаще, сама словно из цветного воздуха сотканная, женщина была спокойна, но в то же время ощущались ее напряжение, волнение.

Машина остановилась метрах в десяти от нее. Сухов выглянул из салона и крикнул:

— Вас подвезти?

Женщина стояла неподвижно, будто не слышала. Потом медленно обернулась, вопросительно посмотрела на Сухова, как-то настороженно и боязливо, но сразу ответила громко:

— Да, безусловно. Большое спасибо,— приветливо улыбнулась (именно приветливо, но не благодарно, отметил мысленно Антон) и уверенно направилась к машине.

Ребенок почему-то вдруг расплакался. Голос у него оказался неприятный, дребезжащий. Сухов подвинулся, и женщина села рядом.

— Тихо, Серафимчик! Тихо. Замолчи!

Пола ее плаща легла на колено Антона, а длинный золотистый локон, упав на плечо, щекотал щеку.

Геликомобиль тронулся и набрал скорость.

— Куда вам ехать? — спросила машина.

Женщина окинула взглядом все вокруг, странно улыбнулась:

— Мне с вами по пути,— сказала уверенно, будто знала, куда едут Антон с Митрофаном.— Ну-ну, тихо, Серафимчик! Что это с тобой?!

А мальчишка никак не унимался. Сквозь плач он старался что-то говорить, но невозможно было понять ни слова. Он вытирал кулачком слезы. Сам полненький, розовощекий, в голубом комбинезончике.

— Так куда вам ехать? — снова спросил геликомобиль.

— Я скажу, где остановиться,— уклончиво ответила женщина.

А малец на руках у нее орал — в ушах звенело. Антон и Митрофан иронически переглянулись.

— Ах, звезды-звезды, вечно вам сиять...

— Как тебя звать, мальчик? — спросил Сухов, перекрывая капризный рев малыша.— Ты умеешь уже говорить? — И он взглянул на маму. Красивая. Антон даже глаза отвел.

— Меня зовут Серафимом,— совсем спокойно произ-

нес мальчик.— Вы же слышали, как меня называла мама, а спрашиваете...— и заревел с новой силой.

— Сколько ему?

— Два,— как-то неуверенно ответила женщина.

— Такой симпатичный мальчик, а капризный... Ах ты, капризуля...— Антон взял мальчика за ушко и слегка подергал, имитируя умиление, хотя Серафим и его противный голос раздражали его.— Я таких привередливых всегда забираю с собой. Видишь, какой у меня большой портфель? Я специально ношу такой, чтобы забирать с собой таких капризных. Слышишь, Серафимчик?

— Слышу?! Да-а ты все равно не заберешь меня! — воскликнул малец и раскричался еще громче.

Женщина, извиняясь, посмотрела на Антона и с наигранной беззаботностью произнесла, отчеканивая каждое слово:

— Так вот, сейчас я отдам тебя дяде. Мне не нужен такой плохой, непослушный мальчик.

Антон напустил на лицо строгую мину, раскрыл и вправду очень большой портфель.

— Остановите, пожалуйста, я сейчас выхожу,— промолвил Митрофан.— До завтра, Антон. Желаю получше провести этот день,— и многозначительно улыбнулся.

Степанюк вышел из машины, за ним мягко закрылась дверца. Геликомобиль помчался дальше, а малыш горланил, умолкая лишь для того, чтобы перевести дыхание.

— А ну-ка, давай посмотрим, привереда, поместишься ли ты в моем портфеле?

Сухов уже и не рад был, что начал эту игру. Мог бы ехать себе спокойно, не встречая в разговор. Кричит малый, ну и пусть кричит. Он же с матерью, а она знает, что ему нужно и чего не нужно. И, действительно, прав оказался Митрофан, ни к чему было рыцарство. Но... Ладно... Еще минута-вторая... Эта женщина... Эта кра-

сивая женщина выйдет из салона, и Антон помчится прямым ходом домой.

— Видишь, какой у меня большой портфель? И сегодня он почти пустой. Я словно предчувствовал, что встречу такого плаксивого мальчика.

— Забирайте его,— заявила женщина.— Раз он плачет, не слушается, значит, не любит свою маму. Забирайте его с собой,— и как бы машинально положила ладонь Антону на колено. Антона почему-то передернуло от этого. Казалось бы, по-другому должен был отреагировать на прикосновение очаровательной спутницы, но ему стало жутко, будто кто-то жестокий и всеядный коснулся его.

— Конечно, я заберу его,— сказал Сухов, преодолевая неприязненное чувство. Взял мальчика к себе на колени, внутренне приготовившись к еще большему крику. Но Серафим спокойно перебрался к Антону, не изменив тональности своего плаксивого воя.

— Вот так, Серафимчик,— заявила женщина.— Ты не слушался меня, живи теперь с чужим дядей. Остановите, пожалуйста.

Геликомобиль покорно затормозил.

Антон Сухов не успел ничего сообразить. Золотоволосая женщина выскочила из машины и быстро пошла по тротуару.

А Серафим моментально замолчал и облегченно вздохнул, заявив совершенно спокойно, не по-детски рассудительно, вытирая слезы.

— Ну, наконец-то...

Сухов никак не ожидал такого поворота событий. Он сидел, стараясь скрыть свою растерянность.

— Тебе совсем не жаль расставаться со своей мамой?

Мальчик посмотрел на него сосредоточенно, на мгновение заколебался, подыскивая слова, но так ничего и не сказал. Жуткая минута прошла.

— Простите, сейчас мы тоже выйдем,— громко произнес Сухов.

— Да, я вас понял,— ответил геликомобиль.— Желаю всего наилучшего.

Сухов с ребенком на руках вышел из салона и, внутренне сосредоточившись, как перед операцией, осмотрелся вокруг. Женщины в зеленом нигде не видно. Словно растворилась. Но не приснилось же ему... Мальчуган-то вот он, приснившимся его не назовешь...

— Поставьте меня на землю!— властно приказал малыш.— Я умею ходить не хуже вас.

— Так что же нам делать?— произнес Сухов.— У тебя, малец, откровенно говоря... Не знаю даже, как и сказать... У тебя не очень-то разумная мамочка...

— Нормальная мама,— заявил Серафим.— Просто вы ее не знаете. Недостатки имеются у каждого. А моя мама очень устает.

— ?..

— Пошли.

— Куда?

— Погуляем.

— Где ты живешь?

— Что?

— Ты знаешь, где ты живешь?

— А разве мы не к вам идем?

— ?..

— По этой улочке мы скоро выйдем к чудесному парку. А ты молодец! Как тебя звать?

— Меня? — в растерянности переспросил Сухов.

— Тебя, тебя.

— Антон... Сухов.

— Ты мне сразу понравился. От тебя больницей пахнет,— мечтательно пояснил Серафим.— Ты доктор?

— Доктор...

Антон остановился, пытаясь разобраться в случившейся с ним несурянице. Теплые лучи солнца. Золотистые кроны деревьев. Чистое небо... Чужой ребенок с ним...

— Тебе действительно два года?

— А-а, тебя удивляет, что я такой умный? Просто я вундеркинд.

Антон старался вернуть себе утреннее чувство просветленной радости, но это ему никак не удавалось, будто не стало вдруг ни долгожданного солнца, ни предстоящего необычно свободного вечера.

— Мне завтра очень рано вставать. Операция назначена на восемь.

— До завтра еще дожить нужно, сказала бы моя мама. Не волнуйся, что-нибудь придумаем. Все будет хорошо. Я тебя не подведу,— многозначительно изрек малец.

Мальчик в голубом комбинезончике топал удивительно быстро.

— У тебя дети есть, Сухов?

— Двое...

— Это хорошо. Я их многому научу. Кто они — мальчишки или девочки?

— Мальчик и девочка.

— Ну, ты просто молодец! Полная гармония... Но мне кажется — ты не рад нашей встрече,— выпалил Серафим и пристально посмотрел на Сухова.

Антон явно ощутил, что ноги перестают слушаться его. Он, сам хирург, почувствовал себя так, будто он на операционном столе. Он ничего не понимал, не мог поверить в реальность происходящего.

Внезапно явилась мысль отстать от Серафима. Попросту — сбежать. Вундеркинд не пропадет. Но тот шаг через три-четыре, не оборачиваясь, громко спросил:

— Что случилось? Почему ты остановился?

Пришлось снова идти рядом.

— Давай прокатимся вон с той горки?

— Мне неудобно,— буркнул Сухов.— Там одни дети.

— Неважно. Дети тоже люди. Идем.

Маленькая кабинка пневматического лифта, смешно подергиваясь, подняла их на верх башни, откуда начинался отполированный до блеска детьми пластиковый

спуск. Он тянулся до самого конца парка. Сели, оттолкнулись, и сразу же их понесло, закружило, завертело на виражах и спиральных, на замедляющих движение подъемах и внезапных, захватывающих дух, спусках.

Когда они (наконец-то!) стояли на земле, Серафим оценивающе осмотрел Антона и сказал:

— Ну разве плохо? То-то же! Просто прекрасно! Но, знаешь, у меня оторвалась пуговка... Смотри,— на маленькой ладошке лежала голубая пуговица.— Я успел поймать ее на лету. Я молодец, правда же, Сухов? У меня мгновенная реакция.

— Да, ты молодец.

— Но теперь мне нужно ее пришить,— решил Серафим.— У тебя случаем нет иголки с ниткой?

— Нет. Поехали ко мне домой. Подумаем, как разыскать твою маму... И пуговицу пришьем... У моего Витасика сейчас каникулы. А вечером Вероника, моя жена, придет,— сказал Антон, чувствуя, как по спине побежали мурашки.

— Я не могу с оторванной пуговицей знакомиться с людьми. Давай сначала зайдём в какую-нибудь квартиру и попросим иголку с ниткой. Если не хочешь, то поедем в ближайший магазин... Но лучше и быстрее — попросить у кого-нибудь. Пошли! — и мальчик решительно направился к выходу из парка.

Антон теперь и не пытался отстать, шел как под гипнозом.

В подъезде ближайшего от парка дома Сухов подошел к первой попавшейся двери на первом этаже, позвонил. Но никто не ответил. В соседних квартирах тоже никого не оказалось.

— Ну что, поднимемся выше? — предложил Серафим.

Сухов послушно подошел к лифту и вызвал кабину. Через минуту двери открылись.

— На каком этаже выйдем? Может, на третьем? — Сухов взглянул на мальчика.

— Все равно на каком.

Сухов нажал кнопку третьего этажа, но не успели двери закрыться, как вдруг к лифту подбежал какой-то человек.

— Подождите меня! — крикнул он и схватился руками за створки... Двери сразу раздвинулись, пропуская его. Запыхавшийся мужчина вскочил в кабину:

— Спасибо... Мне на пятьдесят восьмой...

И вдруг воскликнул удивленно:

— Антон?! Привет, какими ветрами?..

Сухов узнал своего одноклассника по школе. Василия Бора.

— Твой сынишка? — спросил Василий. — Ты здесь живешь?

— Нет, — улыбнулся Сухов, не зная, что сказать дальше. — Я не здесь живу и... сын не мой, а моей знакомой.

— В гости приехал?

— Да. В гости, — произнес уверенно, опасаясь, как бы Серафим не подкинул и своего словечка.

— Тебе на который?

— Мне? Мне на третий, — поторопился ответить Сухов, надеясь, что они с Серафимом выйдут, а Василий поедет дальше к себе.

— Как поживаешь? Ты все на том же месте работаешь? В той же славной «концентрационной» клинике? — Василий громко рассмеялся.

— Да.

Створки лифта раздвинулись на третьем этаже. Антон протянул руку попрощаться, но Василий вышел вместе с ними.

— Ты надолго к знакомой?

— Не знаю... — Антон вконец растерялся. Он понимал — сейчас откроется его обман, и в предчувствии стыда, сознавая бессмысленность ситуации, покраснел.

— Может, потом ко мне заглянешь? Посидим, побол-

таем. Сколько мы с тобой не виделись?.. Моя квартира — сто пятнадцатая. Слышишь?

— Да, слышу.

— Так я жду. Поднимешься ко мне? — лукаво улыбнулся.

— Не знаю...

— Ты женат?

Сухов почему-то обрадовался этому вопросу.

— Да. Уже давно. Сын и дочь у меня,— и вдруг вспомнил, что Василий был на их свадьбе, и когда родился Витасик, Бор заходил поздравить. Вспомнил и понял, почему Василий спросил об этом. Хотел объяснить, что-то выдумав, но побоялся, как бы не подал голос Серафим; тогда вообще ничего не объяснишь, особенно второпях, вот здесь, на этой площадке третьего этажа.

— Ты в какую квартиру сейчас?

Сухов решил играть до конца, наобум кивнул на одну из дверей, а Василий подошел к ней и позвонил. Ему страшно хотелось узнать, к кому же пришел Антон?

Сухов зажмурил глаза на миг, вытер пот со лба одеревеневшей рукой и подумал: «Будь проклят этот солнечный день!»

Дверь открылась. На пороге стояла старая худая женщина в сером с мелкими цветочками домашнем халате. Лицо желтое, с глубокими морщинами на лбу. Женщина молча внимательно оглядела Антона.

— Добрый день,— выдавил Сухов и облизнул пересохшие губы.

Старушка не ответила, но ее тонкие губы шевельнулись, словно в приветствии.

— Галина дома? — как сумел беззаботнее спросил Сухов, назвав первое, пришедшее в голову имя.

— Галина? — переспросила она удивительно молодым и звонким голосом.

— Да... Она здесь живет? — Сухов настаивал на своем, только бы поскорее услышать, что произошла досадная ошибка и, безусловно, старушка ничем помочь

не может... Лишь бы Серафим не вмешался. Но, как ни странно, казалось, что вундеркинд прекрасно представлял ситуацию.

— Да, да, безусловно. Заходите, пожалуйста. Галина давно вас ждет.

Антон сумел скрыть свое удивление, пожал руку Василию, пообещал забежать к нему, если сумеет. Пропустил Серафима и следом за ним нерешительно переступил порог.

2

— Самолет большой? Но зачем тогда он в небе прикидывается маленьким? А почему листья с деревьев не падают? Потому что крепко приклеены? А почему медведи не улетают в теплые страны? Потому что хорошо приспособились?

Вероника возвратилась домой раньше обычного. На работе все не ладилось. Даже старый, сведущий во всем и до сих пор безотказный помощник, информационный фильтратор «Буран» начал барахлить. И хотя Вероника не чувствовала себя больной, ушла на два часа раньше, чем обычно, решив сегодня поработать дома.

Она открыла дверь, повесила на пластиковую вешалку шляпку и свою сумочку, вошла в гостиную. Витасик с Аленкой сидели за столом какие-то уставшие и в то же время торжественные. Увидев мать, Витасик вскочил:

— Мама, мы с Аленкой сегодня очень здорово поработали.

— Вы молодцы у меня. Не голодные? Витасик, скоро заканчиваются каникулы... Ты сегодня занимался математикой?

— Да, мама...

Вероника подошла к стенному шкафу, сняла с себя и повесила вышитую блузку, накинула на плечи розовый домашний халат.

«Пять минут следует отдохнуть. А потом приниматься за недописанную статью. Скоро отчитываться в институте. И детьми надо бы заняться...»

Вероника села у окна в глубокое мягкое кресло, закрыла глаза. Витасик с Аленкой тихо разговаривали за столом:

— Когда наш класс водили на птицефабрику, я видел настоящих кур. Знаешь, как интересно. Я взял одну в руки, а она смотрит на меня так удивленно — то одним глазом, то вторым. Вот так. Ну, думаю, какая-то ненормальная курица. Шальная. А потом петух прибежал...

— А петух похож на попугая?

— На попугая? У петухов хвосты красивые... Ты видела петушиные хвосты?

— Нет, никогда...

— Ты никогда не видела петухов?

— Никогда... Зато я видела попугая. Настоящего попугая. Когда мы с папой ходили к дяде Грише... У него живет настоящий попугай.

— Я не видел живого попугая... Только на картинке.

— А петухи летают?

— Не знаю. Тот петух, которого я видел, скакал.

— Как скакал?

— Ну как... Ну, вот так... И хвост торчит.

— Если бы ему хвост отрезать, вот было бы смешно.

Правда?

— Конечно! Еще как смешно. Без хвоста все смешные.

Вероника открыла глаза. Поднялась с кресла и подошла к окну. В углу комнаты стоял большой шарообразный аквариум, подсвеченный внутри тремя цветными фонариками — розовым, синим и зеленым. В лучах этих фонариков рыбки казались еще красивее, какими-то фантастическими существами. Но... Вероника скользнула взглядом по аквариуму и вдруг обратила внимание, что рыбок нет. Все заплыли в грот, выложенный из камеш-

ков? Неужели все сразу заплыли? Она подошла ближе и посмотрела внимательнее. И сразу увидела — все рыбки лежат на дне без хвостов. Даже вскрикнула от неожиданности.

— Мама, мама, это мы. Мы сегодня хорошо поработали. Правда, очень смешно?

Вероника стояла вконец ошеломленная.

— Витасик...

— Знаешь, как трудно их ловить, чтобы не расплескать воду. И видишь, мама, мы совсем не наплескали на пол. Видишь, мама, какие мы предупредительные и аккуратные. Мы молодцы, мама, ведь правда?

— Витасик, как ты мог?

— Смешно вышло, правда, мама? Мы с Аленкой пошутили.

— Какие жестокие, дурацкие шутки...

— А разве шутки должны быть умными? Ты недовольна, мама? Но ты никогда не говорила, что рыбкам нельзя отрезать хвосты.

В комнату вошел старый пушистый кот Юпитер. Постояв немного на пороге, он подошел к аквариуму и сладко зевнул, зажмурив от удовольствия глаза, а потом вдруг с опаской взглянул на Веронику и подобрал под себя роскошный полосатый хвост. Давно еще, когда Юпитер был маленьким котенком, Антон нечаянно наступил ему на хвост. После этого котенок неделю пропадал где-то. Все уже думали, что он убежал навсегда. Но Юпитер вернулся, несколько дней держался подальше от людей, а потом словно забыл обо всем. Но с тех пор постоянно прятал свой хвост, особенно, когда лежал под столом.

— Мама! А мы сегодня с Аленкой открытие сделали! — бодро, как ни в чем не бывало, воскликнул сын.

— Какое же?

— Вот посмотри, мама, — Витасик подошел к Юпитеру. — Если погладить кота здесь, как раз за ухом, то

он зажмуривает глаза и громко мурлычет. Слышишь? Видишь? Интересно, да?

— На всякий случай должна вам сказать, что нельзя отрезать котам хвосты... А то потом заявите, что вам не говорили этого.

— Хорошо, мама.

— Ну как вы могли? Никогда не думала, что мои дети такие жестокие.

Вероника опять опустила в кресло. Потрясенная до глубины души, она не знала, как поступить. Отругать? Наказать? Или просто поговорить?

«О чем говорить? Что рассказывать? О том, что живым рыбкам было очень больно? Дети и без меня это знают. Побить, чтобы и они почувствовали боль? Они и это знают... Такие красивые были рыбки, их так трудно достать. Антону один благодарный больной подарил... Какое безрассудство. Взять и поотрезать... Еще и хвалятся, что воду не расплескали. Наверное, еще и думали, что я их похвалю? Ну что за кошмарный сегодня день? Наваждение какое-то, да и только».

Вероника почувствовала себя совсем разбитой. Попробовала думать о чем-то приятном, но сосредоточиться ни на чем не могла. Мысли возвращались к тому, как рыбки плавали в разноцветных лучах фонариков.

Антон любил посидеть возле аквариума. Иван — тоже...

Вспомнив Ивана, Вероника немного успокоилась. По крайней мере злость на детей немного унялась.

«Иван тоже опечалится. Он всегда целует меня здесь, возле освещенного аквариума. Какая-то опустошенность внутри. И даже зла нет. Ни на кого нет зла. Но в то же время нет ни капли любви. Ни к кому. Разве что к детям... Абсолютная пустота... Почему? Хочется лишь спать. Только спать. Никогда прежде так не было. Иван... Если б он пришел сейчас, стало бы лучше... По крайней

мере не хотелось бы так спать. В душе пустота. Мертвая тишина. Как жестоки дети. Говорят — без хвоста все смешные. Антон и сегодня, пожалуй, придет поздно... Раньше ждала его с работы... Антон считает, что я никогда не любила его по-настоящему... Не могу с ним не согласиться... Но когда-то все было иначе... По крайней мере он не раздражал меня. Я могла терпеть его занудства, его нескладные разглагольствования, мальчишеское упрямство... Мы с Антоном еще не старые. Можно бы все изменить в жизни. Но ничего не хочется менять. И от этого закрадывается страх, но и этот страх какой-то выхолощенный, как расфасованный в полиэтиленовые мешочки, он не побуждает к действию, к буре, к протесту, лишь заставляет воспринимать все спокойно, как пилюли, необходимые для нормализации обмена веществ... Что же случилось со мной... Никак не осознать, что именно... Хочется спать...»

...В первые годы после женитьбы Антон Сухов много рассказывал своему брату Миколу, члену Высшего Совета Земли, о Веронике. Он любил ее, хрупкого и нежного младшего экономиста из научно-исследовательского института энергетики. Они познакомились на концерте. Антон часто, при каждом удобном случае, рассказывал, как им посчастливилось сидеть обоим в седьмом ряду и как он сразу обратил внимание на девушку. Микола Сухов каждый раз сдерживал снисходительную улыбку.

Жизнь старшего Сухова сложилась так, что ему приходилось бывать преимущественно в мужском коллективе, а если и встречались женщины, так он смотрел на них только как на коллег. Микола не разбирался в женской психологии, да и вообще не допускал существования самостоятельной женской психологии, считал это выдумкой гуманитариев, с полным убеждением говорил лишь об одной-единственной психологии — психологии человека. Время от времени его охватывало чувство вины. Пред *природой*, пожалуй, даже чувство стыда, но

такие минуты быстро улетучивались. Доминировала работа и уверенность в том, что он необходим Планете. И уверенность эта рождала чувство неподдельного счастья. Конечно, приходилось кое-чем жертвовать. Случалось, что и он безумно влюблялся, но каждый раз любовь его оставалась неразделенной. Или, как он говорил, на настоящую любовь не хватало времени. Бодрился, заглушая наплывающие волны естественного влечения. А потом научился умело избегать их, как тореадор в изящном пируэте уходит от разъяренного красной мульетой быка. Поэтому, слушая рассказы Антона о «сказочном существе» — Веронике, — он едва сдерживал снисходительную улыбку. Его брат — врач, прекрасный хирург, талантливый терапевт; времени у него ничуть не больше, чем у Миколы. Как он не понимает, что все сентиментальные порывы недолговечны, они угасают так же, как костер без очередной порции сухого хвороста, или перерастают в пожар, с которым необходимо бороться. Ни на первое, ни на второе — понимал Микола — брат не пойдет, так пускай малость потешится, играя чужую роль, чтобы лучше осознать свою. Академика Сухова радовало, что брат с каждым годом становился спокойнее, солидней, степеннее. Однако это спокойствие, толерантность Антона и настораживали одновременно. Именно в то время появились первые тревожные сообщения психиатров планеты о проявлениях необъяснимого массового психоза. В одной из бесед, а встречались братья довольно часто, Микола заметил неожиданные и весьма странные изменения в характере брата... Речь шла тогда о пациенте брата Иване Ровиче, который непонятно откуда объявился вновь. Несколько лет назад он обратился к Антону Сухову, прослышав о его новом методе терапии неврозов. По словам самого же Антона, метод имел существенный недостаток — неприятные, порой даже болевые ощущения у пациентов во время процедуры. Несмотря на прекрасные результаты лечения, некоторое время Антон Сухов чувствовал себя словно

на перепутье со своим открытием — люди не спешили обращаться к нему. И вот этот самый Рович оказался тем самым пациентом, который принес молодому врачу популярность и славу. Иван Рович настойчиво, даже слишком настойчиво рекламировал повсюду новый метод врача Сухова. Антон рассказывал, что у него невольно закралось предубеждение к смелому больному, у которого он при всем желании и вопреки настойчивым просьбам о помощи не находил даже намека на объективные отклонения от нормы.

«Это удивляло меня, даже пугало, но я так и не решился спросить Ивана о мотивах его симуляции. Может, мне просто приятно было слышать его восторженные высказывания в мой адрес. Но главное, конечно, то, что после него начали обращаться ко мне и другие больные, по-настоящему страдавшие. А когда я заметил, что Ивана больше интересует моя жена, чем мои методы лечения, то, скажу откровенно, я просто обрадовался, так как все мои недоумения прояснились...— Антон болезненно и устало улыбнулся.— Не знаю, что произошло со мной в последние годы. Ведь прежде я был иным — ревнивым, обидчивым. А теперь, как видишь, я спокойно рассказываю о любовнике своей жены. Как-то я попытался намекнуть Веронике, что ее увлечение не секрет для меня. А она, многозначительно глядя на меня, заявила: «Физиология — очень серьезная вещь. Зачастую она диктует поведение человека». Мне же подумалось тогда: ну и пускай себе диктует».

Микола внимательно, даже с испугом слушал брата, но решил лишь спросить: «А почему так, Антон?» — «Да потому, что она меня никогда не любила». — «Так-таки никогда?» Антон потупился. «У вас двое детей, и вы прожили столько лет... Ты так восторгался ею...» — «Я не знаю, что с нами происходит... Безусловно, она когда-то, пожалуй, любила меня... Может, любила...» — «Ты переутомился. Ты очень много работаешь. Сам врач, не мне тебя учить... Нужно уметь и отдыхать...»

Не существует безвыходных ситуаций. Как-то, когда рейсовые машины были перегружены и достать билет представлялось невозможным, я привязал к себе табличку с адресом и отправил сам себя по почте.

Старушка подождала, пока они пройдут дальше, и суетливо закрыла входную дверь.

— Простите,— начал было Сухов, но тут же умолк, не зная, что сказать дальше.

Хозяйка протянула руку для приветствия:

— Будем знакомы — Маргарита Николиановна. Фамилия — Биос. А как вас зовут?

— Антон Сухов... Но, простите меня, произошла ошибка...

— Ошибка? — удивленно подняла глаза старушка. — Почему вы так думаете?..

— Маргошка, пришей мне пуговицу! — неожиданно вмешался в разговор Серафим. — Вот она, держи, — и начал снимать с себя комбинезон.

Сухов готов был сквозь землю провалиться.

— Сегодня у меня выдался очень странный день... Поверьте, в вашу квартиру я попал совершенно случайно...

Сняв комбинезон, Серафим набросил его на плечо старушке. Та улыбнулась мальчику по-домашнему мягко.

— Я сейчас пришью, — сказала тихо. — А ты ступай к себе, озорник.

Серафим, подпрыгнув на одной ножке, побежал в комнату, даже не оглянувшись на Антона.

— Я должен извиниться перед вами за свой случайный приход...

— Неважно, можете не извиняться, — прервала его женщина, — если пришли к Гиате, или, как вы сказали, Галине, ее многие называют Галиной, но она — Гиата. Я пока еще не забыла, как назвала свою дочку.

— Вы можете мне не поверить, но я не знал, что...

Маргарита Николиановна взяла Антона под руку:

— Пойдемте же, я вас внимательно слушаю. Что вы не знали?

— Я не знал, что в этом помещении живете вы и Галина... то есть Гиата.

— Правда? Какая интересная случайность...

Открыв дверь, Антон сразу же увидел в кресле возле окна ту златовласую женщину, с которой они ехали в машине. На ней было зеленое платье свободного покроя, волосы эффектно спадали на плечи...

Сухова охватил внутренний трепет, граничащий с паническим страхом. Что это? Безумие? Шутка? Что-то вообще невообразимое! Но ни руки, ни лицо не выдали состояния Антона. Врач Сухов умел владеть собой.

Он решил спокойно осмотреться.

В большой комнате возле окна стол и два кресла, на столе бумаги, штатив с пробирками и три небольшие реторты, газовая горелка, маленькие аналитические весы, еще один штатив с какими-то реактивами, портативная пишущая машинка и прибор, похожий на кардиомонитор. (Любой прибор с экраном осциллографа напоминал Антону кардиомонитор.) Все стены в комнате заставлены стеллажами с книгами: старыми — с бумажными страницами, и новыми — библиоскопами.

— Вас зовут Гиатой? — Сухов не нашелся спросить о чем-нибудь еще, чувствуя, что пауза затягивается.

— Да. Я — Гиата. А вы — Антон Сухов, я слышала, как вы познакомились с моей мамой. Садитесь. — Она указала взглядом на кресло против себя.

Сухов медленно подошел к столу, остановился в напряжении.

— Как все это понимать?

Женщина тихонько рассмеялась.

— Что понимать?

— Вы хотите сказать, что я знал ваш адрес, а вы

просто сидели дома и ждали меня, пока я натешусь с вашим Серафимом... Не так ли?

— Все случилось действительно не очень складно. Я прошу извинить меня, но...— Женщина улыбнулась какой-то заученно-кроткой улыбкой.— Но ко мне вы попали, разумеется, не совсем случайно. Но не нужно волноваться. Никто из нас не сошел с ума. По крайней мере вы. Можете мне поверить, это я вам гарантирую. Все в порядке, Антон. Можно мне вас называть просто Антоном и на «ты»? Тебе плохо гулялось с Серафимом?

— Погуляли прекрасно,— процедил сквозь зубы Сухов,— но, может, вы все-таки объясните, к чему этот спектакль?

— Это не спектакль. Надеюсь, что как врач и просто как умный современный человек без лишних комплексов ты не только все быстро поймешь и воспримешь, но и скажешь свое слово... Однако давай по порядку... Чудесный день сегодня. Разве не так? Сегодня у тебя рано закончились операции, ты торопился домой, и вдруг...

— Откуда вы знаете, где я работаю и когда закончил оперировать?

— Все это элементарно, Антон. Просто я читаю твои мысли. Но не торопись с умозаключениями. Хочешь кофе?

— Благодарю, не хочу.

— Напрасно отказываешься.

Сухову захотелось встать и уйти. Но любопытство и необычность ситуации заставляли сидеть.

— Почему напрасно?

— Кофе — напиток бодрости! — патетично воскликнула Гиата.— Разве не так написано в кафе на Киевской площади?

— Не помню. Я очень редко бываю на Киевской площади.

— И очень редко пьешь кофе...— лукаво смотрела Гиата, и Антон Сухов сразу почувствовал многозначительную иронию. Он любил кофе давно, и Гиата, оказы-

вается, и об этом догадывается. А может, даже знает?

— Да, я очень редко пью кофе... на Киевской площади.

— А кофе там чудесный.

— Может, прекратим имитацию непринужденной беседы?

— Почему? — она так прелестно, с таким естественным удивлением улыбнулась, что у Сухова мурашки пробежали по спине. — А что тебя интересует, Антон?

— Казалось бы, ты и сама должна знать не только время окончания операций, но и круг моих интересов, — отчеканил Сухов каждое слово, тоже переходя на «ты».

— Не преувеличивай моих возможностей. — Гиата блеснула рядами ровных белых зубов. — Я могу многое. Могу читать твои мысли. Но это еще не все. Далеко не все.

— Кто ты?

— Гиата Биос.

— Я сейчас встану и пойду. Если я спросил о тебе, то совсем не для того, чтобы услышать еще раз твою фамилию.

— А что же ты хотел услышать?

— Собственно говоря, ничего не хотел... Но если я оказался у тебя дома, да еще таким странным образом, то, может, ты сама хотела что-то мне сказать?

Гиата снова лукаво улыбнулась.

— Зачем так торопиться? Хочешь кофе?

— Да...

— Вот это уже лучше. Кофе — напиток бодрости. А торопиться никогда не следует. К тому же у тебя такой прекрасный день сегодня. Легкий день. Сегодня ты можешь отдыхать душой и телом... Послушай, почему ты такой взвинченный?

Гиата говорила неторопливо, спокойно, доверительно.

— Чем ты испуган? Ведь ничего особенного не произошло... И тебе не пристало смущаться в присутствии молодой... очень молодой женщины.

Сухов прикрыл веки.

— Разве мое состояние вызвано присутствием молодой женщины? Кстати, почему ты подчеркиваешь, что «очень молодой» женщины?

— Ну... Галантного кавалера, как вижу, из тебя не получится, но не отчаивайся. Не будем распространяться о наших годах. Ладно? Серафимчик! — Дверь в комнату почти сразу же открылась. — Принеси нам кофе и немного коньячку.

— Любите кофе с коньяком? — спросил Сухов.

— Люблю. Все люблю, что существует на этом свете. На то оно все и существует. Не так ли?

— Все?

— Да. Именно все. Я рада, что ты как раз на этом слове заострил внимание. Мне отрадно, что ты способен так тонко чувствовать.

В это время вошел Серафим с небольшим подносом в руках. Он лукаво подмигнул Сухову, поставил поднос на стол.

— Завтра пойдем гулять? — Мальчик хитро смотрел на него. — Слышишь, Сухов?

Антон промолчал, даже не глянул в его сторону.

— Молчание — знак согласия. Итак, до завтра. Хотя мы и сегодня еще увидимся. Ведь ты не торопишься домой?

Серафим вышел, прикрыв за собой дверь.

— Милое создание! Не правда ли? — спросила Гиата, закинув рукой прядь золотистых волос за спину.

— Да... У тебя интересный сын...

— Сын? — рассмеялась Гиата.

— Разве не сын?

— Сразу десять сынов, в нем одном... Прекрасный кофе. Молодец Серафим. Он с каждым днем становится все умнее. Антон, а тебе не хотелось бы иметь такого же умницу сына?

Сухову стало совсем плохо, он убедился, что находится в обществе психически больного человека. Пока

он смотрел с обреченным видом на письменный стол, реторты и прочее, Гиата будто произвольным движением поправила платье, оголив колени.

— Кажется, ты знаешь им цену,— довольно зло заметил Антон.

— Чему я знаю цену? — улыбнулась женщина.

— Цену своим коленям.

— По крайней мере, мне кажется, что они у меня вполне приличны. Разве не так? Но почему мы начали говорить о моих коленях?

Сухов понял свой проигрыш: мог и не обратить внимания на это якобы невольное движение. Но сработала врожденная непосредственность, которая прежде никогда Антону не изменяла. Он успокоил себя, мол, все к лучшему, главное — всегда оставаться самим собой.

— Послушай, Гиата, ты, должно быть, плохо читаешь мои мысли...

— Ошибаешься, Антон, именно таким я тебя и люблю.

Это «люблю» прозвучало для Сухова точно выстрел. Он решил немедленно уйти, оставив эту психопатку со всеми ее ретортами, осциллографами, серафимами... Но, сам не зная почему, он улыбнулся и спросил:

— Любовь с первого взгляда?

— Думаю, не следует считать мои взгляды, Антон. Мы можем сбиться со счета.

— Ты опять имеешь в виду, что наша встреча не случайна?

— А разве в этом мире есть что-либо случайное? Буквально все от чего-нибудь зависит, чему-то подчиняется. Законы природы: физики, биологии, физиологии... Понимаешь?

— Яснее некуда.

— Вот и наша сегодняшняя встреча тоже кем-то запрограммирована.

— Тобой запрограммирована?

Гиата удовлетворенно улыбнулась, прищурившись. Сухов почувствовал, что его охватывает неодолимое желание грубо отругать эту самодовольную, не в своем уме красавицу...

— Антон! — вдруг окликнула его Гиата, и с ее лица мигом исчезла маска приветливости. — Ты ведешь себя как мальчишка! Если тебе кажется, что я легкомысленно болтаю с тобой, то ошибаешься. Я жду, когда же ты, наконец, придешь в себя, успокоишься. Ты сидишь взвинченный, злой... Откровенно говоря, я немного разочарована. Не вижу в твоём взгляде настоящего интереса. Почему ты не пьешь кофе? — Последние слова прозвучали почти как приказ.

Антон смотрел на Гиату с нескрываемым раздражением и неприязнью.

— А чем, по-твоему, я должен заинтересоваться? Причудами моего появления здесь? Так поверь, я очень удивлен и заинтригован всем сегодняшним, но если ты ждешь, что...

— Кофе остынет, — произнесла Гиата вновь кротко и миролюбиво. — Хочешь, я включу музыку? Что ты любишь?

— Ничего.

— Тебе плохо со мной? — спросила Гиата тихо, с интимной грустью, словно знакомы они уже много лет. — Хандришь... Ты не в духе. Я — причина твоего раздражения, Антон? Ты только скажи, какую хочешь видеть меня, и я стану такой... Скажи, что во мне тебе не нравится, и я постараюсь исправиться. Ты пойми меня, Антон... Я капризная, взбалмошная особа, и знаю это, но я прежде всего человек, и ничего не могу поделать с человеческими недостатками.

— Ты давно была у психиатра?

— Спасибо за откровенность. Но психиатр мне не нужен. И вспомни-ка, Антон, припомни, не сам ли ты пришел ко мне, я не звала тебя, не приглашала, но,

видимо, кто-то свыше предопределил нашу встречу, какой-то мудрый случай...

— Рассчитанный тобою.

— Смешной ты, Антон. Оказывается, совсем не понимаешь шуток. Просто я пошутила, разговаривая с тобой. А что я могу рассчитать? Я обыкновенная женщина... Ну, не совсем ординарная, но... Кого теперь удивить умом, способностью мыслить... А нашим знакомством мы обязаны моему Серафиму, он у меня большой шутник, а я и не возбраняю ему шутить... Веселее жить... Я обыкновенная, одинокая женщина, Антон...

Сухов с тоской вспомнил о жене, о детях. С радостью подумал о завтрашнем дне. Рабочий день. В который уже раз захотелось встать и пойти домой. Но неведомая сила удержала его.

4

Я против любой экспансии: научной, военной, литературной... Жизнь прекрасна простотой своих сложностей, гармонией, таинственностью неведомого, еще не открытого и не разгаданного. И не нужно торопиться. Человечеству дано великое благо — каждому поколению заново открывать для себя мир, который якобы несовершенен, но не это ли несовершенство и таит в себе привлекательность, возможность открытий, ибо вполне совершенна только смерть.

Антон Сухов выбежал на магистраль и остановил ге-ликомобиль. Было далеко за полночь. День, который обещал стать таким приятным, почти идиллическим, и превратившийся внезапно в свою противоположность, наконец закончился. Сухов сидел в кабине машины совершенно опустошенный. От избытка событий и впечатлений доньшко душевного сосуда не выдержало, вытекло все: мысли, слова, желания, силы. Он попытался припомнить сегодняшнюю операцию, которая сейчас не казалась такой удачной, как утром. Уверенности в том, что с больным все хорошо, как не бывало.

«Следовало позвонить в клинику, спросить... Все нуж-

ное вылегело из головы при разговоре с этой сумасшедшей Гиатой. Сумасшедшей? Как бы не так...

Вероника, безусловно, спит уже. И дети спят. После операции, когда я уходил домой, больной дышал самостоятельно. К тому же ночью дежурит опытная бригада...»

Антон старался думать о чем угодно, только бы не вспоминать про Гиату. Но, вопреки здравому смыслу, он ощущал ее присутствие и в кабине машины.

Хотелось спать, но в утомленном теле преобладало нездоровое возбуждение. Антон закрыл глаза и дремал, как частенько дремал на ночных дежурствах — сторожко, не теряя способности все слышать, чувствовать. Нередко спал так и дома, не раздеваясь, в кресле возле стола. Такой сон для него привычен. И лишь иногда, когда бывал переутомлен до крайности, как вот сейчас, ему требовалось полное расслабление, необходимо было провалиться на несколько часов в пропасть полного забытья.

— Вы врач? — спросил геликомобиль.

— Да,— машинально ответил Антон, а виделась ему большая прозрачная камера наркозного аппарата, и почему-то на этом прозрачном колпаке сидела Гиата, подогнув под себя ноги, блестя красивыми коленями, и таинственно улыбалась. Правой рукой она поправляла и разглаживала на плече золотистые волосы, а левой держалась, чтобы не соскользнуть с гладкого стеклянного купола наркозного аппарата. Под колпаком ритмично сокращался дыхательный мех. Рядом на пульте мигали датчики газоанализатора. Анестезиолог Митрофан сидел на круглом стульчике возле аппарата.

— Все нормально? — спросил Сухов анестезиолога.

— Что? — послышалось в ответ.— Что вы сказали?

Антон открыл глаза и понял, что он не в клинике, не в операционной, и сразу вспомнил прежний вопрос геликомобилья.

— А почему вы подумали, что я врач?

— Лекарствами пахнете. Так все медики пахнут. Я их уже много перевозил. Запомнил. Вы хирург?

— Да.

— С работы едете?

...Навстречу ему по коридору, освещенному яркими фиолетовыми светильниками, шел профессор Павич, руководитель клиники. В левой руке он держал флакон консервированной крови, но флакон почему-то был откупорен, и при каждом шаге,— а ходил Павич быстро, порывисто,— из флакона выплескивалось по нескольку красных капель: на белый халат, на пол, на стены. Но Павич не замечал этого, торопливо шел по коридору, насупившись, думал о чем-то своем. Антон остановился, долго смотрел ему вслед, потом достал из кармана носовой платок и принялся вытирать забрызганные кровью стены, но тут же сообразил, что нужно позвать санитаря — тот это сделает быстрее и лучше. Но не успел крикнуть, как заметил в конце коридора густой белый дым, выбивавшийся из семнадцатой палаты. В воздухе чувствовался запах горелого, слышался приглушенный смех Гиаты. «Ну, это уже слишком,— подумал Сухов.— Всему должен быть предел! Сколько можно терпеть всякие выходы Гиаты?» Антон со всех ног бросился вперед, но почему-то, теряя равновесие, больно ударился обо что-то невидимое.

— Простите,— сказал геликомобиль.— Я не заметил, что вы задремали. Резко затормозил. Вы не ударились?

— Все в порядке,— буркнул Сухов.

— Кажется, в вашем доме пожар,— сообщил геликомобиль.

— Что-о?

Антон сам открыл дверцу. Быстро вышел из кабины. В ночных сумерках, тускло освещенных редкими фонарями, Сухов почувствовал сначала запах пожара, потом увидел, как из форточки на втором этаже дома, в котором он жил, валит дым. За темными стеклами вспы-

хивали язычки пламени. Антон знал, кто живет в той квартире. Пожилая Наталья. Фамилии он не помнил, но хорошо знал эту женщину — одинокую, без мужа и детей, худощавую, всегда бодрую. Окна затемнены — ее, вероятно, нет дома. А вдруг она там? Может, нуждается в помощи?

«Такого дня у меня никогда не было. Хотя... час тому назад начался новый день. Что же делать? Да и можно ли что-либо сделать? Двери у Натальи наверняка закрыты. Может, их выломать? Пожалуй, их уже выломали...»

Под окнами дома собралась небольшая группа людей.

— Беда у кого-то, — слышался за спиной голос автомобиля.

В глубине улицы завывали пожарные машины. Завывание сирен приближалось и становилось громче. Вот взвизгнули тормоза. Из кабин быстро выпрыгивали биокиберы-пожарники. Антон подумал, что все это ничуть не похоже на кадры кинохроники или передачи телеинформатора. Впервые в жизни он видел настоящий пожар. Биокиберы в серых комбинезонах с отвращением смотрели на дым, на языки пламени, ловкими, отработанными движениями разматывали шланги, подсоединяли их к машинам. К окну на втором этаже поднималась телескопическая лестница, на вершине которой стоял наготове пожарник с брандспойтом в руках. Мощная струя раствора вмиг раздробила стекла. Биокибер переводил струю из стороны в сторону, стараясь скорее сбить пламя. Он шагнул на подоконник и исчез в густых клубах дыма.

Антону почему-то припомнились операционная, минуты собственной беспомощности, когда не можешь сообразить элементарно простой вещи, к примеру, попросить отрегулировать свет от рефлектора. Санитар первым догадывается и спрашивает заботливо с плохо скрытым раздражением: «Вам лампу нужно поправить, она же не туда светит...»

За первым пожарником поднялся второй с большим фонарем. Осветил клубящийся белый пар в комнате.

— Беда у кого-то, — вновь повторила машина.

Антон обернулся. Геликомобиль все еще стоял у тротуара.

— Там была прекрасная библиотека, — сказал в раздумье Сухов.

— Вы знаете, кто там живет?

— Старая одинокая женщина...

— Одному плохо, — резюмировала машина.

Наконец пламя унялось. Все четче становились очертания фигур пожарников. Один из них крикнул из окна:

— «Скорую помощь» вызвали?

«Значит, Наталья дома, если спрашивают о «Скорой». Жива?»

Антон побежал к дому.

Дверь помещения распахнута. В коридоре Антон увидел пожарника с фонарем-прожектором в руке. Сухов переступил порог, не говоря ни слова. Биокйбер ослепил его прожектором и загородил проход своей мощной фигурой:

— В чем дело?

— Я врач. Живу в этом доме. Где она?

Пожарник направил луч в глубину комнаты. На полу лежало обгорелое тело.

— Врач ей уже не нужен, — сказал тихо.

Антон подошел к Наталье, за ним шагнул пожарник, ярче освещая застывшее в неестественной позе тело.

Сухов почувствовал под ногами вязкое месиво. Посмотрел на пол, чтобы не видеть того, что осталось от Натальи. Он стоял на какой-то грубой тряпке, пропитанной влагой. Поднял взгляд: дверцы шкафа открыты, все, что было в нем, выброшено на пол и на стол возле окна.

Очевидно, Наталья старалась погасить огонь. Но почему вдруг все загорелось?.. Существует же автоматическая противопожарная система... От старых книжек

с бумажными страницами ничего не осталось. А библиоскопы тоже, пожалуй, вышли из строя. Блоки памяти не выдерживают большой температуры. В комнате стоял мерзкий тошнотный запах мокрого пожарища и горелых волос. Что же здесь произошло?

— В какой вы квартире живете? — спросил вдруг пожарник.

Антон ответил.

— Вы ее хорошо знали? Понимаете ли, здесь такое дело... Очень похоже на самоубийство. Противопожарное устройство сознательно заблокировано. Точнее — выведено из строя...

Антон долго молчал, потом направился к выходу, высоко поднимая ноги, хотя ботинки уже промокли насквозь, на пороге повторил номер своего помещения и добавил после паузы:

— Это на пятом этаже.

Пожарник посветил ему, чтобы он не споткнулся в коридоре о валяющийся стул.

— У вас, случаем, нет запасной виолки? — спросил другой пожарник, когда Антон выходил на лифтовую площадку. — От температуры здесь все лампы лопнули или, может, кто их специально...

Сухову показалось, что он теряет сознание. Не задумываясь, есть ли у него дома запасная виоловая лампа, тяжело выдохнул:

— Нет, — и поплелся к лифту.

Войдя в свою квартиру, долго, как-то неумело переобувался. Проходя мимо детской комнаты, споткнулся о пушистый коврик перед дверью, потерял равновесие и упал. Разбудил сына, но скорее всего, тот и не спал еще.

— Это ты, папа?

Антон, услышав голос Витасика, зашел в комнату.

— Да, это я, сынок.

— Опять ты поздно... Включи свет.

— Не нужно, Аленка проснется. И тебе давно пора спать.

— Папа, ты не брал дистанционный пульт от Антика?

— Нет, не брал. А ты занимался сегодня математикой?

— Да... Но без Антика очень скучно. Ты не знаешь, куда мог задеваться пульт?

— Не знаю... Спи. И пусть тебе снятся хорошие сны. Пусть приснится, что ты летаешь...

— Не буду выбирать такой сон.

— Почему?

— Не хочу летать во сне. Хочу по-настоящему.

— Со временем полетишь и по-настоящему, Витасик.

— Полечу. Я сделаю себе такие... такие... Нет, не крылья, а... знаешь...

«Когда-то и я мастерил себе воздушный шар, чтобы самому полететь по-настоящему. Когда это было? Вроде вчера или приснилось? Вчера приснилось. Посреди двора стоял проволочный каркас, и все спотыкались о проволоку...»

— Я сделаю себе такие аккумуляторы, они поднимут в небо.

— Аккумуляторы не смогут поднять тебя в небо. Но когда-нибудь, Витасик, ты... сделаешь все как следует... Спи...

— Зачем ты вошел к ребенку? И не стыдно тебе?! Сам живешь, как перекасти-поле, и ребенка приучаешь.

— К чему приучаю, Вероника? Витасик не спал.

— Ты негодай,— бесстрастно произнесла жена и зевнула.— Твоя операция давно закончилась. Я звонила в клинику. Ты думаешь лишь о себе.

Сухов стиснул зубы.

— Спи, сынок. Нужно спать.

Он знал, что Вероника не спросит его о том, где он был. Знал, что несколько дней они вообще не скажут друг другу ни слова, притворяясь умиротворенными и внутренне спокойными.

«Собственно говоря, вовсе не притворяясь. Каждый

из нас действительно уймется. Равнодушие? Усталость? Разочарование? Что-то иное или все сразу? Но как она может спокойно стоять на пороге комнаты, зевать и при ребенке обзывать меня...»

— Наталья сгорела,— сказал чуть слышно.

— Какая Наталья? — невозмутимо переспросила жена, лишь удивленно подняв брови.

— Наталья из нашего подъезда.

— Когда?

— Я только что из ее квартиры. Пропусти меня. Я смертельно устал и хочу спать.

Сухов медленно вошел в свою комнату, не глядя на жену и ничего больше не говоря.

5

Может, было бы лучше, если б ты меня меньше любил, Зевс? Лучше бы ты меня вообще не любил! Я совершенно обессилена твоей любовью, мой великий Повелитель. Я умираю.

— Ну где же он? — произнес Витасик почти в отчаянии, обыскав все закоулки. — Не может быть, чтобы он просто так потерялся.

«Не может быть, но может статься», — подумал Антик.

Витасик, словно услышав эту произнесенную фразу, выглянул из-под кровати и, уставившись на Антика, сердито заговорил:

— Тебе-то что. А мне каково? Велели, чтобы из комнаты не смел выходить. Скука какая! — Мальчик вдруг сменил тон и умоляюще закончил: — А может, ты и без него сумеешь?

Антик невозмутимо смотрел со стола на Витасика. В инструкции четко написано, что игрушка «Космический разведчик» действует только после подключения дистанционного пульта управления. Так о чем еще спра-

шивать? Кто, если не сам Антик, обязан строжайше придерживаться каждого пункта инструкции? Да и не сам ли он просил кота Юпитера затащить пульт куда-нибудь подальше. В конце концов каждый имеет право на отдых. К тому же и комплект батареек почти истощился. Хорошо еще, что хватает энергии вот так просто стоять, смотреть, рассуждать. Замена источника питания инструкцией не предусмотрена. Батарейки впаяны намертво, их должно хватить на год непрерывной работы. И вот это время уже заканчивается.

— Значит, не можешь? — Витасик со слезами на глазах спрашивает Антика.

Но Антику ничуть его не жаль. Он прекрасно помнит, всего лишь позавчера мальчик заставил его опять прыгать в духовку калориферной печи, представляя, что посылает разведчика в кратер действующего вулкана. С Антиком, конечно, ничего не случилось. Но лезть — который уже раз! — в эту ненавистную духовку, стараясь не опалить свой красивый комбинезончик, было не только неприятно, но и унижительно.

Антик стоит на краю стола, прислонившись спиной к прохладной стене, с удовольствием предвкушая отдых.

«Отдохнуть! Спасибо Юпитеру! Однако долго пришлось его уговаривать, вернее — искать возможность хоть как-то понять друг друга».

Кот не сразу догадался, что от него хотят. Антик сам помог ему выдернуть штекер из гнезда, и Юпитер потянул куда-то пульт дистанционного управления. Сейчас Антик и сам не знает, куда тот его задевал. С Юпитером по-настоящему не поговоришь. Но это, пожалуй, и к лучшему.

— Ну скажи же, Антик, где он может быть... Ты ведь знаешь... Ты только подмигни, я догадаюсь... Среди книжек? На кухне? На балконе?

«Отдыхать, отдыхать. Какие еще могут быть под- сказки. Космический разведчик разведал уже все, что

мог. Вот так-то, мальчуган. Какое это счастье — просто стоять, думать о чем-нибудь своем и не спешить с выполнением чьих-то прихотей. За окном — солнышко на безоблачном небе, за окном поблескивает днепровский залив в просветах между рядами домов, за окном — скоростные машины, пронсящие по магистралям. Как красиво. Как спокойно».

— Антик, пожалуйста, подскажи... Ты же знаешь, я тебя люблю. Мне хочется играть только с тобой.

«Эти слова тешат самолюбие даже в последние месяцы и дни существования. С каждой минутой уменьшается питающее напряжение, невольно вызывая мысли о логическом финале... Мне всегда было приятно видеть увлеченность и воодушевление Витасика в играх со мной, пока я чувствовал себя молодым. Тогда я был безмерно счастлив. А теперь... Лучше бы ты меня меньше любил, Витасик. Лучше б ты меня вообще не любил. Поставил где-нибудь в уголке и вспоминал обо мне лишь в праздники... Я истощен твоей любовью, Витасик...»

Мальчик умоляюще смотрит на Антика и вслух сетует:

— У всех каникулы! А меня заперли дома. И все из-за противной математики. Папа и сам ее терпеть не может, а от меня требует, чтобы я ее любил. Телеинформатор выключили, меня закрыли — учи математику. Антик, ну скажи, где спрятали пульт управления. Я не буду искать... Слышишь? Мне просто хочется знать, где?

Антик, конечно, ничего не ответил, но на мгновение ему стало жаль мальчика. Но сразу же вспомнилась духовка калориферной печи, и жалости как не бывало. В последний раз Антик немного подпалил рукав своего комбинезона: споткнулся и попал прямо в пламя. Это очень испортило ему настроение. Но, справедливости ради, следует сказать, что Антик сознавал и свою провинность в том, что Витасик послал его в «кратер действующего вулкана». Мальчик знал неприязнь Антика к внутренности калориферной печи. Но в тот день кос-

мический разведчик почему-то (он и сам не знал почему) сказал: «Твой отец, Витасик, напоминает мне мыслящую куклу. Он такой послушный. Послушнее меня. И все его слова похожи на подробную инструкцию к собственному пользованию».

А Витасик обиделся:

«Зачем ты так говоришь о моем папе?! Сам ты кукла! Пошли играть!»

И тут же послал Антика в «кратер действующего вулкана».

Но сегодня все иначе. Нет пульта, и значит, не последуют никакие приказы. Сегодня спокойно. Отдых. И ощущение счастья от собственного существования.

«А действительно, зачем я тогда назвал отца Витасика мыслящей куклой? О чем я тогда думал?.. Пожалуй, напрасно я теряю энергию на воспоминания, но... Если не думать, не вспоминать ничего, то к чему вообще существовать? Финиш?! Мне, собственно, и припоминать ничего не нужно, дело не в каком-то отдельном случае. Дело в ежедневных наблюдениях, которые приводят к выводу: я — послушная кукла!»

Однако Антик заставил себя ни о чем не думать. Он устал. Ему хочется отдыхать. Нужно беречь энергию.

6

Однажды биокиберу Дьондюрангу положили на стол короткую записку на стандартном бланке: «57АПРШН769 + АП75666677756 АА6777767ОРП777 АМ777АМ777АМАМАМ».

Можете себе представить, как он не то что удивился, а испугался, даже не успев как следует осознать последствия случившегося.

Они заметили загадочное космическое тело совершенно случайно. Строго говоря, заметили не тело, а изменение на одной из спектрограмм. Поначалу даже не обратили должного внимания, подумав, что это дефект

изображения. Но профессору Виктору Гару пришлось в голову сделать несколько контрольных снимков, и стало ясно — службе Околосолнечного Пространства предстоит работа.

Сухов-старший срочно связался с Козубом — заместителем председателя Европейского филиала Высшего Совета Земли. Выслушав Сухова, тот немедленно вылетел в расположение третьей лаборатории.

Они с профессором Гаром долго рассматривали снимки, советовались, дискутировали. Микола Сухов прислушивался к их беседе лишь краем уха, потому что занимался расчетом траектории движения обнаруженного тела.

Наконец Козуб, как бы подводя итог разговорам, сказал:

— Вашей внимательности и усердию в наблюдениях, профессор, можно, как всегда, позавидовать. — А затем, обратившись к Сухову, спросил: — А как долго этот объект находится на околоземной орбите?

— Вполне вероятно, что появился он сравнительно недавно...

— Не уверен, коллега, совсем не уверен... И для своего суждения имею веские основания. Но об этом потом, мне еще во многое нужно внести ясность. Тщательнейшим образом прозондируйте все квадраты пространства, насколько возможно точнее рассчитайте траекторию движения объекта, а сейчас вызовите машину — попробуем выйти на контакт. Если, конечно, все именно так, как представляет себе уважаемый профессор Гар.

Микола Сухов вставил перфокарту в третий блок, передавая приказ.

Козуб уселся поудобнее в глубокое кресло, пригладил рукой седые пряди волос:

— Наш уважаемый Виктор Никифорович уверен, что мы имеем дело с гостями из далеких миров, которые до сих пор почему-то скрываются от нас...

— Вы сами видели снимки,— тихо произнес Гар.— Речь идет об искривлении пространства, а оно, если не принимать во внимание всяческие фантастические варианты, может быть лишь искусственного происхождения. Объект находится на околоземной орбите...

— Меня беспокоит, профессор, что наши гости пытаются скрыться от нас, маскируются! А вы меня продолжаете убеждать, что это не артефакт, не космический мираж, не антивещество! По мне, так лучше бы это оказалось обыкновеннейшей космической глыбой — холодной и бездушной. И не было бы тогда никакого искривления пространства, никакой опасности. Согласитесь, профессор: с добрыми намерениями незачем прятаться!

— Но согласитесь и вы, они тоже не знают наших намерений,— улыбнулся Виктор Гар.— Помните, как было с центурианами? И учтите, что центуриане были прекрасно информированы о земной жизни и могли ничего не бояться. Или они просто опасались, что земляне могут сознательно отблагодарить их за прежнее центурианское негостеприимство? — Профессор хрипло засмеялся.— Помните, какими они казались до смешного осторожными.

— Да помню. И мне все понятно. Но не нравятся мне эти детские игры в прятки с использованием искривленного пространства. Меня это, откровенно говоря, раздражает... Очевидно, просто старею. Когда человек теряет любовь к играм, он уже стар. Не правда ли? К тому же я не имею права успокаиваться.

Двенадцать минут спустя они стартовали с первой взлетной площадки экстренной спецлинии. Заместитель председателя Высшего Совета молчал, устало прикрыв глаза. Профессор Виктор Гар чуть заметно улыбался, предчувствуя встречу с представителями чужой цивилизации. Очевидно, он старался представить себе: кто они? Какие? Откуда?

Козуб массировал себе надбровья.

— Почти не спал этой ночью. Поверите ли, просто зачитался. Захотелось прочесть несколько страничек, а опомнился в пять утра. Однако подлетаем! Внимание! — Козуб напряженно всматривался в экран внешней панорамы.

Вскоре включились тормозные системы.

— Вон, впереди! — воскликнул профессор. — Я их вижу! — указал он пальцем на ту часть экрана, где изображение казалось нестойким, дрожащим, хотя недостаточно опытный взгляд ничего особенного не заметил бы. — Предлагаю подойти к ним на малой скорости как можно ближе, посмотрим, что из этого выйдет.

— Профессор, потом мы именно так и сделаем. А сперва пройдем с максимальным приближением на большой скорости. Сделаем вид, что мы их не заметили. Интересно, как они на это отреагируют, — возразил Козуб, включая систему автоматического управления полетом.

Участок дрожащего пространства на экране позади них быстро уменьшался.

— Никакой реакции, профессор, правда? Сейчас мы пройдем еще ближе мимо них. Пройдем совсем близко, имитируя аварийную ситуацию.

Машину их довольно-таки сильно потрянуло. Козуб, не скрывая, многозначительно улыбнулся. Он повернулся и внимательно вглядывался в круговой экран:

— Смотрите, смотрите, они переходят на другую орбиту.

Козуб опять сделал крутой вираж, лег на обратный курс и уже на малой скорости приближался к таинственному объекту, который оставался невидимым за пеленой искривленного пространства.

— Я попытаюсь сигнализировать им, — сказал профессор. — Надеюсь на ваше согласие... — Виктор Гар положил руку на пульт.

— Безусловно, я не возражаю. Но, знаете, ничего

хорошего не жду. Предчувствие такое. Точнее — есть некоторые факты, которые ничем не объяснишь, ни с чем не свяжешь... Хорошо, что сейчас появилась возможность кое-что уточнить, проверить предположения...

— Посмотрим,— нетерпеливо перебил его профессор.— Я начинаю.— И он включил периодические световые сигналы, через несколько минут перешел на сигналы когерентными лучами, затем прошелся по всем каналам радиодиапазона.

Немного подождав, вновь повторил все сначала.

Так продолжалось довольно долго. Глаза профессора возбужденно блестели, он, очевидно, представлял, как с минуты на минуту гости выключат защитное поле и перед глазами землян предстанет чужой корабль. Интересно — какой он конструкции? Издалека ли прилетел?

Время шло, на их сигналы никак не реагировали.

Но вдруг космический объект ожил, вокруг него запульсировали вспышки голубого сияния, и через мгновение, быстро набирая скорость, он устремился в открытый космос.

Минут через десять они догнали таинственных пришельцев, шли на параллельном курсе. Наконец Козуб сердито воскликнул:

— Нелепость. Они будут удирать, пока мы от них не отвяжемся. Надо поднять все машины нашей службы. Вне всякого сомнения, «гости» возвратятся. И если мы их опять заметим, а в этом я уверен, и если они вновь откажутся выйти на связь...

— Не горячитесь,— перебил его профессор.— Ведь нам еще ничего не известно.

— Вы сами не волнуйтесь, Виктор Никифорович, есть вещи, в которых я неплохо разбираюсь,— официально молвил Козуб, прекращая разговор.

Вот так произошла первая встреча землян с маргонами.

Вчера я был свидетелем одного случая. Состоялся суд чести над девочкой, которая будто бы оторвала травяному кузнечнику задние ножки. Никто не находил этому никакого оправдания. Огласили приговор, предстояло наказание — ее должны побить. Но вдруг один из мальчиков встал на ее защиту.

— Вы только подумайте, — крикнул он, — разве она могла оторвать кузнечнику ножки?! Вы посмотрите, какая она красивая и какие у нее добрые глаза! Она не могла этого сделать!

Антон Сухов позвонил, почему-то думая, что, как и в прошлый раз, дверь откроет старушка с морщинистым лицом. Но перед ним появилась сама Гиата. Она мило улыбнулась, увидав Антона.

Гиата была в рабочем комбинезоне и ледровом фартуке с пятнами какой-то розовой жидкости.

— Ты работаешь? — спросил Сухов.

— Я всегда работаю. И в любое время могу не работать. А почему ты спрашиваешь? А-а-а, тебя смутила моя одежда...

— А где мать и твой сын Серафим? — сам не зная зачем, уточнил Антон.

— Ты хочешь их видеть? Серафимчик уже спит. Я его уложила с полчаса назад. И мама отдыхает. Но я могу разбудить... если хочешь.

— Нет, нет, не нужно. Я просто...

— Вот ты какой. Спрашиваешь просто так. Ты любишь поговорить? — лукаво смотрела на него женщина. — Или зашел немного развлечься?.. Но это же не в твоём характере.

— Гиата, ты меня звала, вот я и пришел. Если ты работаешь, я не стану тебе мешать.

— Проходи в кабинет, Антон.

Только сейчас Сухов заметил на дверях красивые резные ручки. Многое здесь было сделано под дуб. Конечно, это синтетическая пленка, но очень искусно изготовленная. Помещение имело нарядный вид.

— Заходи. Мне очень хочется, чтобы тебя здесь ничто не смущало,— улыбнулась Гиата.— Ты ведь врач. Ты уже столько повидал за свою жизнь. Мы с тобой почти коллеги, я — биолог. Помнишь, я тебе как-то рассказывала о своей работе... Садись, пожалуйста. Вот в это же кресло, где ты сидел в прошлый раз. Мне кажется, ты из тех людей, которые очень быстро привыкают к необычным вещам и ситуациям...

— А где традиционный кофе? — пытался бодриться Антон.

— Сейчас я принесу. Серафим уже спит. Маме немного нездоровится, и мне неудобно беспокоить ее.

Гиата торопливо вышла. Антон остался сидеть в кресле, осматривал кабинет. Закрыв глаза, он подумал: «И зачем я пришел?» В глубине души ловил себя на мысли, что пришел только потому, что Гиата — очень красивая женщина...

— Ты не скучаешь? — Вошла Гиата, неся кофе на подносе.

— А коньяк?

— Будет, не волнуйся. А ты, оказывается, любишь этот напиток? — неожиданно серьезным тоном спросила Гиата, глядя Сухову прямо в глаза, словно от этого зависело что-то необычайно важное.

— Люблю ли я?..— удивленно переспросил Антон и вдруг вспомнил слова Гиаты.— Бесспорно. Я люблю все, что существует в этом мире. Ведь все существует в мире только для того, чтобы его любили.

— О, ты быстро проникся моей философией! — рассмеялась Гиата.

— Я не столько проникся, как решил, что много лучше все на свете любить, чем все — ненавидеть... Мне кажется, что и ты рассуждаешь так же. Не правда ли?

— Не совсем... Но близко по смыслу... Ты мне нравишься, Антон. Пей кофе. А вот и коньяк.— Она наклони-

нилась и достала из тумбочки бутылку, поставила ее на стол.— А откроешь ты. Ведь ты мужчина?

— По крайней мере считал себя мужчиной до последнего времени. С каждой минутой я все больше убеждаюсь, Гиата, что ты не безумная.

Гиата расхохоталась.

— Но до сих пор я не представлял себе существования таких... людей.

— Таких женщин — хотел ты сказать.

— Мне кажется, что такими, как ты, могут быть и мужчины.

— О-о! Откуда тебе это известно, Антон? Ты не ошибаешься. Действительно, такими могут быть и мужчины. И я очень хотела бы, чтобы мы с тобой понимали друг друга, причем — понимали даже без слов... А знаешь, Антон, откровенно говоря, я очень сомневалась, что ты придешь ко мне сегодня. Конечно, ждала, но не верила в твой приход. Но ты молодец. Я тут затеяла одну работу. Поможешь мне? Ты же медик. Нам не трудно понять друг друга.

— Посмотрим, Гиата.

— Садись, пожалуйста, поближе к столу. А я займусь своими делами. Ты приглядывайся. Сначала просто смотри, что я делаю... Эксперимент. Очень интересный эксперимент.

— В чем он заключается?

— Это очень трудно объяснить словами. Иногда лучше промолчать, чем говорить о сложных вещах примитивной речью. Правда? Со временем я тебе все расскажу. Короче — научный эксперимент. Я получила очень интересные результаты.

Над письменным столом в стене была, по-видимому, ниша за небольшими дверцами. Гиата открыла их, придвинула пристроенный рядом желобок, и в него из ниши выбежала одна ника — длиннохвостое серенькое существо, похожее на большую мышь. Гиата ловко подхватила ее за все четыре лапки, погладила за ушком и под-

несла к ее мордочке гибкий шланг от розового баллона. Сухов еще в прошлый раз заметил под столом три баллона, покрашенные в черный, розовый и серый цвета. Условное обозначение красок Сухов знал по операционной: углекислый газ, циклопропан, закись азота.

Ника быстро затихла, а Гиата, взглянув на Сухова, сказала:

— Усыпляю, чтобы не метались. Кровь разбрызгивают. А ты, я вижу, скупаешь. Мог бы и помочь. Это же твоя профессия.

— Не сказал бы,— буркнул Сухов.

— Ты чем-то недоволен?

Гиата положила сонную нику на большую препаратную доску, некоторое время рассматривала ее. Потом взяла большой ампутирующий нож.

Сухов даже заметить не успел, как тельце и голова ники лежали уже отдельно. Туловище Гиата небрежно смахнула в большую емкость для мусора, стоявшую рядом с письменным столом. Несколько крохотных капелек крови попало на ледровый фартук, и Гиата вытерла их зеленым платком, но вытерла кое-как — на фартуке добавились розовые разводы. Сухова удивило, что Гиата все это делает прямо за письменным столом в той же комнате, где она, очевидно, и спит. Почувствовав мысли Антона, женщина сказала:

— Нужно будет попросить специальное помещение для лаборатории... Я слышала, что вчера в том самом доме, где ты живешь, освободилась одна комната. Это правда?

— Какая комната? — переспросил Сухов, но невольно сообразил, что речь идет о квартире Натальи.

— Небольшая комната. В ней жила одинокая женщина... — пояснила Гиата.

— Да, и сгорела...

— Кажется, так... Но не это важно. Я сразу подумала, следует попросить именно эту комнатку для моей лаборатории.

— А почему ты работаешь не в институте?

— В каком институте? — усмехнувшись, спросила Гиата, приоткрыла дверцу в стене и ждала, пока выйдет еще одна ника.

— Но ты работаешь где-то?

— Я работаю дома, Антон. И ни с каким институтом свою судьбу и творческую энергию связывать не желаю. Я привыкла всегда чувствовать себя абсолютно свободной. Во всем!

— Может, ты и училась дома, по индивидуальной программе?

— Совершенно верно, — произнесла Гиата и подхватила вторую нiku за лапки, поднесла к ее мордочке шланг со струящимся наркотическим газом. — Ты очень догадлив, Антон. Я и вправду училась дома. Имею уже несколько научных открытий в области биологии и кибернетики...

Гиата привычным движением опустила нiku на доску, взяла нож, продолжая говорить с Антоном:

— Вполне возможно, что мы станем соседями, если мне выделят лабораторию в твоём доме... Она была старой?

Головка ники отделилась от тельца.

— Кто?

— Та женщина, которая сгорела.

— Да, она была старой.

— А почему она сгорела?

— Не знаю. Может, заснула с сигаретой?

— А-а, она курила. Хочешь закурить, Антон?

Гиата взяла маленькую ложечку и начала выбирать мозг из головки первой ники.

— Нет, я не курю. Когда-то курил, но бросил.

— А почему ты бросил курить?

— А ты куришь?

— Нет, — ответила Гиата, постукивая ложечкой о край металлического стаканчика, стряхивая остатки моз-

га.— Я не курю. Не нравится. Но иногда могу. Иногда даже вкус нахожу в этом.

Она еще раз зачерпнула ложечкой.

— Ты рад, что мы будем соседями?

Сухов промолчал, лишь удивленно посмотрел на Гиату.

— Симпатичные эти существа, правда? — спросила растроганно и, не ожидая ответа Сухова, продолжила: — Они такие кроткие, такие чистюли. И мозг у них очень приятный на вид. Вот попробуй,— она протянула Антону ложечку с мозгом.

Сухов отшатнулся.

— Зачем тебе все это?

— Я говорила — об этом долго рассказывать. И пока еще не время. Ты не сможешь понять всего. Одним словом, я использую мозг ники для приготовления одного препарата.

— Понятно...— сказал наобум, лишь бы ответить что-то.

— У тебя красивая жена?

— Что-о?

— Спрашиваю, красивая ли твоя жена?

Гиата, опорожнив головку одной ники, принялась за другую.

— Ты ее любишь?

Лицо и шея Сухова покрылись холодной испариной. Он достал носовой платок и вытер лоб, щеки.

— Самое время поговорить о моей жене...

— А почему бы и не поговорить? Мне интересно... Ты любишь детей?

— Да,— скупое ответил Сухов, еще раз вытер лицо и пожалел, что пришел к Гиате.

— Детей вообще или только своих?

— По-твоему, это существенное разделение? — отделался встречным вопросом.

— Существенное,— сказала Гиата.— Мне просто ин-

интересно, что в тебе доминирует — индивидуальные или общественные чувства.

— Сам не знаю, Гиата, что доминирует. И не знаю, зачем тебе это нужно.

— Мне сейчас ничего не нужно, кроме моих дорогих, милых, симпатичных ники. Какие прелестные существа! Правда же, Антон? — И она стряхнула следующую порцию мозга в стаканчик. — Они такие смирные, безобидные, ты просто не понимаешь, ты — сухарь, настоящий цивилизованный сухарь. Я вижу, ты не способен воспринимать красоту, не способен наслаждаться жизнью... А она так прекрасна...

Гиата заглянула внутрь маленького черепа, что-то там высматривая, и вдруг спросила:

— Антон, ты счастлив?

— ...

— Почему ты не отвечаешь? — Она улыбнулась так непосредственно, так мило и трогательно, что Сухов внезапно почувствовал тошноту, подступающую к горлу.

— Да, безусловно, я очень счастлив... Но, знаешь... — и как я мог забыть, — я обещал одному товарищу встретиться с ним. И виною этому ты, Гиата, — попытался Антон легкомысленно улыбнуться, и это ему удалось. — Загляделся на твои золотистые локоны и обо всем забыл.

«Что за вздор я горожу? Зачем? Теряю чувство реальности. С ума схожу... Нет, просто я ее боюсь. Должен скорее бежать. Сбежать?! Да!»

— Ты хочешь уйти?

«Сбежать и никогда больше не появляться здесь! Но она же сама придет. Мы будем соседями... О боже!»

— Да, меня ждут... Ты уж прости, Гиата.

Она закрыла за ним дверь, мгновение постояла неподвижно. Потом вернулась в комнату, подошла к столу, взяла металлический стаканчик с мозгом ники и с жадностью выпила его содержимое.

Иногда наступают такие минуты, когда чудится, что в мире все задумано вечным — и люди, и птицы, и деревья... Я знаю — это не так, но порою кажется, что люди гибнут только потому, что лишают жизни других.

Сухов лежал и никак не мог уснуть. Чем больше он убеждал себя в необходимости заснуть хотя бы потому, что предстоит напряженный операционный день, тем дальше убегал от него сон, оставляя в бездонной пропасти глухого отупения, когда голова, словно отделившись от уставшего тела, продолжает жить сама по себе, игнорируя все писанные и неписанные законы существования. Считал до тысячи... Проглотил три таблетки транквилизатора. Но к более действенным мерам прибегать не хотел.

«Еще минута-вторая — и я усну. Должен же я все-таки заснуть!»

Антон Сухов уговаривал и уговаривал себя, но все напрасно. Перед глазами, словно изображение на воде, колебались черты лица Гиаты Биос — красивого женского лица, на которое он смотрел с наслаждением и затаенным страхом одновременно. Он не мог объяснить себе причину своего страха, но страх этот жил, вопреки всяким причинам, не поддаваясь анализу, и от этого казался Сухову еще более мерзким и коварным.

«Кто она, эта женщина? Неужели просто-напросто больная? Вроде бы нет. Что ей нужно от меня? Нет сомнений: она упорно добивается чего-то. Взять, к примеру, наше странное знакомство, когда Серафим, вундеркинд — от горшка два вершка, — заставил, буквально заставил непонятным образом, зайти в гости к Гиате... Причудливый ряд не менее причудливых событий. И почему я потом не видел Серафима? Да и сама Гиата довольно странно относится к нему — сын ли он ей? Если нет, то кто же тогда?»

В мысленном представлении черты лица Серафима

почему-то начали постепенно удлиняться, обезображивая его, и, наконец, приняли подобие человекоподобного щенка, не обросшего шерстью, с умными, пытливыми глазами, но совершенно собачьего абриса. Сухов даже вздрогнул от столь неожиданного видения, а оно не только не исчезало, а наоборот, дополнялось подробностями. Из рта Серафима вывалился длинный и плоский собачий язык, слышалось частое собачье дыхание. На полуморде-полулице вспыхнула язвительная улыбка:

«Ну, Сухов, вот так ты сможешь? — И сложил язык трубочкой. — А вот так ни за что тебе не сделать! — Щенок начал махать большими ушами. — И вообще ничего путного ты, Сухов, не умеешь!»

Серафим громко рассмеялся, захлебываясь от собственного смеха.

«Какой же ты глупец, Сухов! — внезапно слышался голос Гиаты. — Я считала тебя мудрее. А ты оказался ничуть не умнее Натальи, твоей бывшей соседки».

«Она быстро сгорела, — серьезно произнес Серафим, вдруг принимая человеческий образ. — Она почти не мучилась».

Мурашки пробежали по спине Сухова. Припомнились слова пожарника в ту жуткую ночь — система противопожарной защиты оказалась заблокированной, выведенной из строя. А сама Наталья лежала на полу... Все вещи почему-то были выброшены из шкафа... Что-то искала? Когда начался пожар или до этого? Самоубийство?.. Антону не верилось. Он достаточно хорошо знал свою соседку. Время от времени они заходили друг к другу в гости. Наталья иногда консультировалась у Сухова как у врача, Антон частенько просил разрешения воспользоваться прекрасной библиотекой соседки.

Никогда Сухов не видел Наталью даже печальной, она прямо-таки излучала бодрость, необыкновенную энергию. Рядом с нею приятно было находиться, прият-

но разговаривать, словно вокруг нее действительно витали живительные лучи.

И в то же время не мог не думать Антон о том, что все пережитое старушкой вроде бы не могло способствовать такой, как называл Сухов, хронической радости бытия.

Родители Натальи трагически погибли в автомобильной катастрофе, когда ей исполнилось всего семнадцать лет. Муж ее был космоисследователем, он не вернулся из экспедиции Федора Драголюба на планету Центурия. Они тогда почти все ушли сознательно в рукотворный мир, в «черную дыру», из которой для них не могло быть возврата. В то время об этой экспедиции много писали, выходили отдельные книги, ставились спектакли. Наталья рассказывала, что почти сразу же после известия о «гибели» мужа к ней приходил какой-то писатель как к жене героя космоса. Ему хотелось расспросить все о муже, но Наталья отказалась о чем-либо говорить, объяснив коротко: «Я жду ребенка. Мне нельзя волноваться. Я ничего не буду вспоминать». Но дочка у нее родилась мертвой.

Для матери это было страшным ударом, после которого она два года находилась в психиатрической больнице на интенсивном стационарном лечении.

«Но зато потом я стала неисправимой оптимисткой,— смеялась Наталья, рассказывая Сухову о своей жизни.— Меня подлечили, выписали из больницы... Мне ничего не оставалось, как радоваться всему тому, что я ненавидела два года. Я не хотела жить в те жуткие для меня годы. Все вокруг было постылым. А потом я сама же смеялась над собой. Ведь жить намного лучше, чем не жить. Не так ли?»

Сколько Сухов знал Наталью, она была энергична, полна множества планов и идей. Она переводила со многих языков мира, писала стихи, выступала с лекциями от товарищества «Прогресс».

Одним словом, Сухов не мог поверить, что Наталья

сама ушла из жизни... Но утверждать однозначно, даже для самого себя, тоже не мог.

А Серафим продолжал смеяться и размахивать ушами:

«Наталья тоже не могла шевелить ушами. Она быстро сгорела. Она почти не мучилась. Правда же, Гиата?»

«Правда, Серафим. Такие, как она, никогда не мучаются. Они всему радуются», — сказала Гиата и вдруг истерически захохотала.

9

Андреш, поэт, которого я глубоко уважаю, никогда не думал, что его слова: «Искушение и возможность сбиться с пути для человека существуют до тех пор, пока он живет», — спустя некоторое время породят целую теорию. «Теорию разочарования». Суть ее вот в чем: человек не должен верить в искренность и неизменность каких-либо намерений, обещаний, иначе это рано или поздно непременно приведет к трагедии или к горечи разочарований. Я мог бы согласиться, что в этом утверждении есть определенная доля истины, если бы не знал, что подобный взгляд на жизнь некогда привел к утонченному цинизму и постепенному уничтожению духовной основы у целого поколения землян.

В страшную ночь, после того, как она похоронила сразу и маму и отца, ей приснился странный сон.

— Маргарита! Мар-га-ри-та! — как будто голос отца.

— Мар-га-а-а-аритаа-а-аа! — а это вроде голос мамы.

— Маргарита! — голос...

Чей это голос?

Такой знакомый голос, хотя она уверена, что слышит его впервые. Он вызывал в душе волнующее тепло и ощущение покоя. Вечного покоя?

«Покой. Беспокойство. Вечный покой. Смотришь вблизи — вышивка крестиком. Мама любила так вышивать. Смотришь издали — розы. Покой. Беспокойство. Вечный покой. Смотришь издали — кладбище. Подходишь ближе — цветы растут. Покой. Беспокойство. Вечный покой. На лепестках роз капли росы — прозрачнее твоих

слез. Вечный покой — ужасней отчаяния, безумнее твоего душераздирающего крика».

Кто меня зовет? Так трогательно...

— Мама?!

Тишина.

— Отец?

Тишина.

Но вот снова:

— Маргарита!

Чей же это голос? Где я сейчас? Сплю? Не похоже. Зеленая трава, сочно-зеленая, невозможно глаза не прикрыть — такая яркая. И цветы. Такие большие. И словно никогда не встречавшиеся раньше. Чье-то осторожное прикосновение к плечу. И тот же тихий голос возле самого уха:

— Маргарита.

Резко обернулась. Мужчина неопределенного возраста, в сером костюме и серой сорочке, с лицом землистого цвета стоял позади нее и вяло улыбался.

— Ой, кто вы?

Мужчина пожал плечами.

— Мы просто ходим по осенней степи и собираем цветы,— произнес он таинственно, будто сообщал великий секрет.— Но мы не знаем, кто посадил, посеял их. И не мы их сеяли. Мы смотрим, как над ними пролетают птицы, но не знаем, куда они летят. И вы не знаете, Маргарита?

— Не знаю... Они летят куда-то далеко-далеко...

Мужчина вдруг громко рассмеялся:

— Пусть себе летят. А у нас вместо крыльев — корни. Из дня в день, из ночи в ночь они прорастают все глубже.

И вдруг Маргарита заметила, что ноги незнакомца неестественно тонкие, стройные; серые башмаки, едва заметные в густой траве, словно прикипели к земле, срослись с нею.

— Вы шутите?

— Нет, я никогда не шучу. У нас действительно — вместо крыльев корни. Но вы не сможете видеть их вот так сразу. Для вас они невидимы.

— Но как же тогда вам удается?..

— Вы мыслите очень прямолинейно и упрощенно, — перебил ее незнакомец. — Корни не мешают нам ходить, летать, как раз благодаря нашим корням мы и можем ходить и летать.

— Вы можете летать?

— Разумеется. — Незнакомец плавно поднялся в воздух, на несколько минут завис неподвижно.

— А ваши корни, говорите, невидимы...

— Конечно, — подтвердил мужчина и опустился на землю.

— Как вас зовут?

— Называйте меня пока маргоном.

— Странное имя у вас. Никогда такого не слыхала. Хотя оно и очень похоже на мое.

— По сути, это не имя... Я — Мар. Так зовут меня другие маргоны. Понимаете?

— Вроде... немного понимаю... Вы издалека?

— Да, — серьезно ответил маргон. — Примите наше искреннее сочувствие в связи со смертью ваших родителей.

— Откуда вы знаете, что они... Что сегодня...

— Я все знаю. Все, что мне положено знать. А ваших родителей я знал лично. Очень обидно, что я прилетел к вам с некоторым опозданием. Вероятно, я смог бы помочь и этого не случилось бы. Очень досадно. Лишний раз убеждаюсь, что в жизни нужно всегда торопиться. — Человек в сером костюме почему-то многозначительно улыбнулся.

— Я даже не знаю, что с ними случилось. Сообщили мне по видеофону: прилетай, умерли родители! Я сразу же прилетела. Мне сказали, что они уснули и не просну-

лись. Соседи зашли утром — они всегда к моим заходили,— а родители спят. Вроде бы спят...

— Ну, крепитесь. Не нужно плакать. Ведь ничем теперь не поможешь.

— Не поможешь...

— Какая бесконечная степь, Маргарита. И трава такая мягкая...

— Да, как прикосновение маминых ладоней...

— Ну, хватит, хватит плакать. Не думал я, что вы настолько сентиментальны. У вас утонченная душа, Маргарита. Бесконечная степь. Красивая. И такой чистый, ароматный воздух. Правда? Хочется идти и идти... До самого горизонта. А горизонт убегает. И ты пытаешься его догнать. Но степь бесконечна...

— Как беличье колесо...

— Откуда вы об этом знаете, Маргарита?

— О чем?

— Аналогия с беличьим колесом меня растрогала и насторожила.— Маргон смотрел на Маргариту вопросительно и растерянно в то же время.

— Я ничего не знаю. Я просто чувствую.

— О-о Маргарита, я вам завидую.

— Почему?

— Ну... как бы вам сказать. Просто завидую, и все. Вот посмотрите.

— На что?

— Вон, прямо перед вами.

— Могила моих родителей? Почему? Откуда она здесь?

Маргарита бросилась бежать, запуталась в высокой траве, едва не упала. Маргон поддержал ее.

— Почему вы так разволновались? Мне казалось, что вам будет приятно сейчас увидеть могилу родителей.

— Приятно? Именно сейчас? В этой бесконечной степи?..

— Да. Но, может...— Маргон загадочно посмотрел на нее и вдруг выпрямился неестественно, вытянул руку до самого неба.— Может, вы хотели бы увидеть всю степь... Пожалуйста.— Маргон опустил руку и застыл, склонив голову.— Пожалуйста...

Маргарита осмотрелась вокруг — вся степь покрывалась небольшими обелисками. Подбежала к ближнему. Короткая надпись на металлической пластинке: «Николиан и Марта Биос...» Прочитать дальше не смогла, хотя и знала все на память. Расплакалась.

— Они родились в один и тот же год и умерли одновременно, в один и тот же день. Они были счастливы. Правда, Маргарита? И вот сейчас — вся степь ваша! Она усеяна вся могилами ваших счастливых родителей.

Она тихо плакала.

— Это слезы счастья,— заметил маргон.— Я многое могу сделать для вас. Но не все сразу... Сначала хочу открыть вам маленькую тайну. Вообще-то у меня совсем другой вид. Словом, сейчас вы воспринимаете меня несколько иначе... В действительности же... Вот смотрите...

Маргон вытянулся, замер. Вслед за этим его тело начало терять четкие очертания, стало дрожащим, студенистым, постепенно превратилось в пульсирующий с зеленоватым оттенком шар, из которого постепенно начали вспучиваться отростки, как у живой амебы под микроскопом. Они росли и становились похожими на щупальца спрута. Три толстых отростка у самой земли, три — на верхушке пульсирующего шара. Длинные, с присосками. Они неуклюже шевелились. А на самом шаре постепенно обозначились большие глаза и огромный рот с плотно сжатыми губами. Фантастическое существо, но Маргарите почему-то не было страшно, она ничуть не удивлялась. Все воспринимала как должное. И даже поймала себя на мысли: «Какой он красивый, этот маргон. Мар. Какое у него красивое тело. Оно, вероятно, очень мягкое на ощупь. И очень приятного цвета, с розоватым отсветом...» Как только она это подумала, маргон сразу же

принял человеческий облик: снова стоял перед ней в густой высокой траве стройный, в сером костюме, с улыбающимся лицом землистого цвета.

— Спасибо. Мне приятно, что я вам понравился.

— Вы читаете мои мысли?

— Не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь. Просто интересно.

— Я завидую вам, Маргарита.

— Мне? Вы такой могущественный... и вы мне завидуете? Не верю.

— Завидую я тому, что для вас еще осталось что-то интересное в мире... А не верите вы мне напрасно. Я всегда говорю правду.— Мар многозначительно посмотрел на Маргариту.— Вернее — что бы я ни сказал, рано или поздно становится правдой. Понимаете?

— Как будто понимаю...

— Вам хотелось бы иметь сына или дочь? — неожиданно спросил маргон, и этот вопрос не показался Маргарите странным.

— Дочку,— произнесла тихо, почти не задумываясь.— Безусловно, дочку.

— Хорошо,— ответил Мар.— Мы позаботимся. Единственная просьба — назвать ее Гиатой. Гиата Биос — очень приятно звучит. Правда?

10

Ведьмы и ведьмаки — это такие люди, которые с помощью некоторых снадобий и прохождения через двенадцать ножей превращаются в разных зверей и птиц, чаще всего в волков, свиней, сорок и копы сена, а также в других людей; превратившись же, они чинят добро или зло ближним своим, как им вздумается. И еще такие люди называются оборотнями.

Экстренное заседание Высшего Совета Земли состоялось в голубом зале, предназначенном для многочисленных собраний. Однако приглашенных было всего одиннадцать

человек. Все свободно разместились за специальным круглым столом. Сидели немного смущенные в пустом большом зале, ожидая председателя Высшего Совета — Ирвина. Никто не мог понять, зачем он решил собрать их именно здесь, а не в своем кабинете.

— Дорогие друзья, уважаемые коллеги, ученые! — обратился к присутствующим, заняв свободное место за столом, Ирвин. — Я понимаю, что сказанное мной вызовет у вас немалое удивление. Тем не менее призываю самым серьезным образом выслушать информацию. Мой европейский заместитель товарищ Козуб обратил внимание на весьма удивительные явления, которые в последнее время начали распространяться по всей Земле. Речь идет о многочисленных случаях психозов, а также о массовом появлении на планете не просто вундеркиндов, а детей с фантастически ускоренным уровнем обмена и быстротой развития. Все это не может не волновать нас. Думаю, что более обоснованно и исчерпывающе доложит сам академик Козуб.

Поднялся Юрий Георгиевич Козуб, поправил рукой непослушную прядь волос:

— Уважаемые коллеги. Несколько дней назад мы заметили на околоземной орбите объект, замаскированный искривленным им пространством. Посмотрите на фотографии, спектрограммы и гравитограммы одного и того же квадрата. Вот гравитограммы, сделанные с борта «Роляра». Думаю, ни у кого не вызовет сомнения то, что объект искусственного происхождения. — Юрий Георгиевич медленно обводил лучом световой указки наиболее важные места на большом экране, куда проектировалось изображение. — Можно, конечно, допустить что-либо сверхфантастическое, к примеру, предположить неведомый науке фактор, приводящий к подобному искривлению пространства, но пришлось полностью отбросить подобную мысль, ибо после неоднократных наших попыток выйти на контакт неизвестный объект сначала перешел на более удаленную от Земли орбиту, а потом,

поняв, очевидно, что обнаружен, умчался в открытый космос. Это могло быть только осознанной деятельностью мыслящих. Не желая безосновательно обвинять в чем-либо представителей неведомой нам цивилизации, хочу, однако, сказать, что при добрых намерениях незначем прятаться, хотя и в этом, безусловно, могут оказаться варианты... Я убежден, что, даже допуская добропорядочные цели и поведение неизвестных, можно массовые психозы и появление вундеркиндов связать именно с пребыванием на орбите неизвестного космического объекта. А если это заведомые козни пришельцев? Кто они? Откуда? Каким образом их пребывание на орбите влияет на психику людей? За последнюю неделю я посетил видных психиатров и познакомился с историями болезней многих людей. Имею в виду именно те психозы последних лет, которые у разных больных схожи, как две капли воды. Разговаривал лично и с пациентами стационаров. Много интересного рассказали мне психиатры. Сейчас познакомлю вас с одной из фонозаписей. Это копия разговора врача с молодым инженером, который обратился за помощью. — Козуб нажал на пульт клавишу.

Из стереовоспроизводящего устройства необычайно живо донеслись голоса:

«Сколько вам лет?»

«Двадцать восемь исполнится через три месяца».

«А вид у вас — восемнадцатилетнего».

«Это меня не утешает, доктор. Мне нужно с вами посоветоваться. Можно иметь вид восемнадцатилетнего и выбиться из колеи, спятить с ума. А мне почему-то не хочется».

«Вы юморист. Это прекрасно. Работаете?»

«Инженер на «Тразоне». Седьмой цех».

«Трудно?»

«Глупости, извините, доктор. Дома трудно. Особенно по ночам. А на работе я отдыхаю».

«Вы серьезно говорите, что отдыхаете на работе? Я немного знаю ваш «Тразон». И седьмой цех знаю. Вы в смене Буркала?»

«Нет, мы вместе с Селинжером. Он тоже порядок любит, дело знает».

«Напряженная у вас работа. И ответственная. Хотя и кажется со стороны, что ничего особенного, а нервы в постоянном напряжении».

«Я вас понимаю, доктор, но я-то не со стороны. И поверьте мне, что после происходящего почти каждую ночь работа мне действительно кажется отдыхом».

«Вы женаты?»

«Нет. Мы с Луизой собирались еще в прошлом году объединиться, но после того, как со мной началось... Я сам оттягиваю. Я боюсь. Не знаю, чем все может закончиться».

«Вы, собственно, еще не рассказали мне, что с вами происходит, но смотрю я на вас и убеждаюсь, что вы абсолютно здоровый человек».

«Не нужно меня утешать, доктор. Я не пришел бы к вам, если бы... А Луизе я ничего не говорю, выдумываю, что в голову взбредет, тяну, пока сам не разберусь... Но вижу, самому не разобраться».

«Слушаю вас».

«Впервые он пришел ко мне года полтора назад. Точно не помню, но, думаю, это не так важно. Тогда я не придавал этому значения. Сон, да и только. Страшный сон. Чего только не приснится? Проснувшись, поворачивайся на другой бок и смотри себе следующий...»

Но в следующую ночь он снова пришел. И сказал то же самое, слово в слово...»

«Что именно?»

«Он сказал: «Привет! Ты меня хорошо слышишь?»

«Как выглядел ваш ночной визитер?»

«Худощавый мужчина в респектабельном костюме какого-то неопределенного цвета, землистое, морщини-

стое лицо. Во вторую ночь я тоже не испугался, только помню, что и во сне удивился, вновь услышав те же слова: «Ты меня хорошо слышишь?» Это надо же, думаю, чтобы сны так повторялись. Ничего не ответил тому худощему. Проснулся, выкурил сигарету. И в третью ночь опять он. Вроде бы шел я по степи, а он выходит из густой травы навстречу. И опять за свое: «Привет! Ты меня хорошо слышишь?» А меня словно слепень укусил, крикнул ему, мол, какого черта ко мне пристал. А тот усмехнулся: «Наконец-то ты заговорил. А мне казалось, что ты действительно меня не слышишь». Я понимаю, что это мне снится, но так ясно, как наяву все происходит. «Вижу, с характером ты. Трудновато нам с тобой придется. Но как говорится у вас: плохая рыбка — поганая юшка. А из тебя хорошую юшку можно сделать, — худой деланно засмеялся, положил мне руку на плечо и спросил: — Как тебе живется?» — «Спасибо, — говорю. — Кто вы такие?» — «Твои друзья. И запомни это раз навсегда. Заруби себе на носу, что мы желаем тебе лишь добра, иначе ты плохо кончишь, парень». Я тогда, помнится, рассмеялся истерично, будто расплакался, и проснулся».

«Следующей ночью он тоже приходил?»

«Да».

«Тот человек похож на кого-то из ваших родных?»

«Нет. Не похож».

«Не напоминает ли он вам кого-либо из сотрудников?»

«Нет! Нет! Он ни на кого не похож. Он вообще не похож на живого человека. Он похож лишь на искусно изготовленный манекен».

«Где вы видели манекен, похожий на того человека?»

«Нигде я не видел, доктор, манекен, похожий на того человека, но ко мне во сне приходит человек, похожий на манекен».

«Понятно. Рассказывайте дальше».

«Понимаете ли, доктор, мне больше не о чем рассказывать. Все это продолжается полтора года. Не думаю, что стоит рассказывать подробно мои ночные несуровости».

«Ошибаетесь, ваши мнимые образы, конкретные действия могут мне о многом сказать. Как вы себя чувствуете днем?»

«Чудесно. Я тороплюсь на работу как на праздник. Но с ужасом думаю о приближающейся ночи».

«Он приходит каждую ночь?»

«Нет. Но от этого не легче. Ожидание в «свободные ночи» изматывает еще больше».

«С Луизой вы часто встречаетесь?»

«Вообще-то часто... Но тут такое вот дело, доктор, с Луизой. Где-то через месяц тот... Извините, но я буду говорить о видении как о живом человеке...»

«Он не сказал, как его зовут?»

«Как-то я сам спросил его об этом, но он ответил уклончиво: «Называй меня просто маргоном».

«Так... Вижу, что у вас, дружок, все это очень похоже на модную ныне болячку».

«Что вы говорите, доктор?»

«Говорю, что все течет, все изменяется, но с новыми явлениями приходят новые болезни... Но поверьте мне, друг, по опыту знаю, что все это не очень серьезно. Рассказывайте, пожалуйста, дальше. Вы сказали, что примерно через месяц...»

«Да, через месяц тот манекенный человек...»

«Называйте его маргоном, и вам и мне будет проще. ...Что с вами? Простите, почему вы так смотрите на меня?»

«Он тоже просил называть его маргоном. Но я его маргоном не назвал ни разу. И не назову!»

«Вот как? Простите».

«Тот человек сам начал со мной разговор о Луизе.

Я спросил, откуда он знает о моей дружбе с Луизой. А он ответил, что все знает задолго до того, как оно произойдет, а какая-то Луиза для него — пустяк, безделица. Я вполне учтиво возразил, что не какая-то Луиза, а девушка, которую я люблю и уважаю. Знаете, во сне частенько впадаешь в патетику, и она не режет слуха... А тот человек лишь улыбнулся, будто оскалился, и вынимает из кармана фотографии: «Вот, посмотри на свою Луизу». Я понимаю, что это только сон, но мне не хотелось бы говорить о тех фотографиях».

«Да, безусловно, химерные видения...»

«Чрезмерно химерные... А потом он говорит: «Кстати, она больна, у нее спарасис». — «Она мне никогда не говорила об этом». — «Скажет, не волнуйся, она тебе скажет, когда уже не сможет скрывать». Я отвечал ему что-то, а сам, понимая, что это сон, лишь ждал, когда же проснусь... А потом тот человек говорит: «Я прекрасно понимаю, что тебе нужно от жизни. Оставь свою Луизу. Мы, благодетели великого космоса, сделаем для тебя все, что тебе нужно. Без Луизы... Ты сможешь иметь сына или дочь, кого захочешь. Они будут твоим непосредственным продолжением, твоими преданными друзьями... Скажи только нам, что ты сможешь их полюбить и содержать сам, без Луизы, и завтра же утром ты станешь счастливым отцом. Не волнуйся ни о чем, о деталях мы позаботимся сами, ни у кого не возникнет даже вопроса, откуда у тебя появились... появился младенец».

Юрий Георгиевич выключил фонозапись.

— Это лишь небольшой фрагмент. Но достаточно красноречивый. Для всех этих странных психозов характерно то, что воображаемый человек неопределенного возраста, худошавый, называющий себя маргоном, в конечном итоге предлагает «взять на воспитание», «усыновить», «родить», «найти» ребенка. Следует отметить, что каждый раз маргоны играли на самых лучших человеческих чувствах. Сейчас приведу несколько страничек-

копий из одной, далеко не случайной, истории болезни. За прошедшую неделю я познакомился с бесчисленным множеством людей, пересмотрел множество видео- и фонозаписей, и сейчас демонстрирую вам самые характерные, типичные, которые, по моему мнению, лучше всего подтверждают мою версию. Вот посмотрите эти строчки.

На экране появился текст:

«Санитарной машиной СГ-16-д-5 она была доставлена в стационар. Возбуждена, негативистична, делала много лишних движений, бредила, о себе ничего конкретного рассказать не сумела, но много рассуждала на общие темы, больной себя не считала, от осмотра категорически отказалась.

При дальнейшем обследовании соматических отклонений не выявлено. Больная много времени проводит в кровати. Неспokoйна, часто возбуждается, с подозрением оглядывает всех, кто ее окружает. В первый день лежала спокойно и шептала что-то неразборчивое, потом вскочила с кровати, надавала пощечин соседке и затем умиротворенная возвратилась в кровать. Она правильно называла дату, когда ее привезли к нам, однако не могла долго понять, где она, называла больницу институтом, школой, храмом, музеем, театром.

Каждый раз от обследования отказывается, неприязненно, искренне стыдится, но без малейшей неловкости и даже с удовольствием всегда стоит обнаженная перед группами студентов. На все их вопросы отвечает многозначительными намеками. Скажем, когда ее спросили, где она раньше жила, она сказала: «Жила? Жизнь — очень абстрактное понятие». Когда студент спросил, где она вычитала такую мудрость, больная не задумываясь заявила: «В семнадцатом веке, в семнадцатом дневнике, семнадцатая строка сверху». Отношение к врачам предубежденное, боязливое.

По словам самой больной, она может «вызвать» для беседы любого человека на планете, может «лечить гип-

нозом на расстоянии», может предсказывать будущее и тому подобное. То и дело больная к чему-то прислушивается, что-то шепчет. Сама себя считает исключительно одаренной личностью, почти гением, но «к сожалению, не может спасти планету от надвигающейся катастрофы. Гибель близка». На вопрос, о какой катастрофе она говорит, отвечает: «Увидите сами. Все равно изменить ничего уже нельзя. Мы проиграли. Все, что я могу вам сказать, только ускорит смерть». Больная часто жалуется, что на нее воздействуют какими-то волнами, и она вынуждена постоянно отгонять те волны и поэтому «у нее дрожат руки». Больная часто сидит, закинув ладонь на затылок, потому что именно так ей удастся лучше всего «защищаться от электронных волн, которые входят внутрь через затылок». Держится больная со всеми высоко, говорит преимущественно приказным тоном, порой становится откровенно циничной, эротичной... На втором месяце болезни она имитировала роды: принимала характерные позы рожениц, требовала, чтобы весь персонал приготовился, и кричала: «Я должна родить маргона!»

Юрий Георгиевич отключил проектор, экран погас.

— Если бы не последняя фраза о маргоне, эти строчки можно было бы принять за выписку из обычной истории болезни. Шизофрении. Но даже воспоминание о маргоне не самое важное... Я разговаривал с лечащим врачом. Произошла уникальная случайность, что среди сотен историй болезни, в основном однотипных, я натолкнулся как раз на эту и почему-то интуитивно заинтересовался личностью больной. Скажу сразу. Это Луиза Хенкель. Да, та самая Луиза, о которой говорилось в предыдущей фонозаписи. Санитарную машину за Луизой Хенкель вызвали случайные люди, которых удивило поведение молодой женщины, она стояла на берегу реки и кричала: «Алло! Алло! Говорите громче! Я вас плохо слышу!» Когда Луизу Хенкель насильно привезли в больницу, у нее нашли небольшую записную книжку, а в

ней что-то вроде дневника. Записи ее оказались для врачей лишним подтверждением ее болезни, а для меня... Вот посмотрите хотя бы одну страничку:

«...он опять приходил. Я уже боюсь засыпать. Иногда кажется, что схожу с ума. Боюсь встречаться с Игорем. В прошлом году мы договорились пожениться, но я сознательно оттягиваю срок, жду, чем все это со мной закончится... Прошлой ночью он мне говорил: «Скажи Игорю, что ты больна спарасисом. Должна же ты как-то проверить его чувства. Если он испугается этого, то какая же тогда у него любовь». Я не могла не согласиться с ним во сне... Какой это ужас, реальное и воображаемое сливается для меня воедино...»

— Вот такая запись,— продолжал Юрий Георгиевич.— Лично для меня она поставила точку в спорах о природе неопознанных психозов. Бессмысленно искать физические, химические, иные факторы. Имеем дело с коварным сознательным вторжением. Почти каждый больной называет своих «посетителей» «маргоном» или «маргонами», а в конкретном случае с Игорем и Луизой наблюдаем типичную провокационную игру. Надеюсь, нет необходимости что-то еще объяснять или в чем-то убеждать?

Юрий Георгиевич, замолчав, обвел взглядом присутствующих.

— И еще одно. Увеличение числа вундеркиндов в последние годы тоже следует связать с пребыванием на земной орбите неведомого объекта. Думаю, в этом вопросе тоже возражений не будет. Личностями вундеркиндов мы обязаны заняться самым серьезным образом, активно, но как можно тише и спокойнее, с максимальной решительностью и пониманием возможной их агрессивности и вообще трудно представить чего еще. Об усилении патрулирования по всей Солнечной системе и о немедленном создании специальной комиссии говорить тоже не приходится, это понятно. У меня, товарищи, все. Что скажете по этому поводу?

Пусть принесет вам счастье темно-синяя шея Шамбху! Когда Парвати припадает к груди своего мужа, то обвивает его шею влюбленными взглядами, будто петлей!

— Тебе не кажется, что мы совсем разленились? — Дирар вздохнул и медленно скатился с полукруглого сиденья, облежавшего его тело.

— Отдыхать не только приятно, но и необходимо. Отдых — непременная часть и продолжение работы. К тому же, откровенно говоря, с каждым годом я все меньше возлагаю надежд на успех.

— Напрасно, все прекрасно задумано.

— Но слишком медленно развивается. На этой планете нам никак не везет. Лично мне все это опостылело. Эти проклятые «гомо сапиенсы»!

— Вызвать тебе замену? Ты устал?

— С чего мне устать? От пятилетнего безделья? — Мар громко рассмеялся и беззаботно сплел все верхние шупальца вместе, смеялся долго и неудержимо, так, что его всегда бледно-зеленое тело порозовело и все три глаза закрылись пленкой.

— Ну и чудака же ты! Я не сказал ничего смешного.

— Безусловно,— согласился Мар и тут же успокоился.— Не смеялся бы я тогда, если б ты сказал что-либо остроумное. Зачем смеяться, когда и так смешно? А вот когда какой-то Дирар хочет тебе окончательно испортить настроение, можно и посмеяться. Над ним. Не так ли, коллега?

— Ты действительно переутомился. Нервное истощение...

— Ну вот что. Если ты вызовешь замену, я тебя верну наизнанку. Понял? Эта замена станет твоей заменой! Я скажу, что ты не выдержал чрезмерных положительных эмоций.

Они слишком хорошо знали друг друга, чтобы обижаться в спорах.

— Ну, согласись же, Мар, что все-таки наш эксперимент проходит вполне удачно.

— Ты кого убеждаешь? Меня или себя? Я уже распух от наших неудач и просчетов.

— Ты не прав. Никаких неудач я не вижу. Просто очень затянулся эксперимент... С землянами ужасно трудно работать.

— С ними просто невозможно работать! — вдруг истерично закричал Мар. — Я начинаю терять контроль над своими поступками после каждого перевоплощения, после каждой встречи с ними. Большинство землян научились читать мои мысли. Это меня просто обезоруживает. Я уже не знаю, кто на кого больше воздействует — мы на них или они на нас?

— Оставь, ты всегда склонен преувеличивать. Никто из землян понятия не имеет о нашем с тобой пребывании на орбите.

— Пять земных лет! — кричал Мар. — Ничего себе — пребывание! Преувеличение!

— Не вопи!

— Дуралеем следовало тебя назвать, а не Дираром! Будто на собственной шкуре ты ничего не чувствуешь. Быстрой и блистательной победы не состоялось. Наших каров не берут, по крайней мере в том количестве, которое могло бы обеспечить наш успех. Меня всего выворачивает после каждого перевоплощения, а ты хочешь, чтобы земляне узнали о нашем пребывании здесь! Не уверен, обошлось ли недавнее происшествие. Вне всякого сомнения, нас заметили, хотели вызвать на контакт. Теперь они начнут еще усерднее вести контроль. И вполне возможно...

— Нет, они не станут атаковать. Ведь мы не проявляем никаких признаков агрессивности. — Маргон зловеще рассмеялся. — Никакой агрессивности. Кому-то из нас нужно выйти и тщательно прозондировать, что они о нас, оставшихся невидимыми, подумали...

— Четвертый у Гиаты еще не обозначился?

— Кажется, еще нет. Крепкий орешек. А Гиата гениальна. Не так ли? Она его приручит.

— Так говоришь, будто его приручение что-либо кардинально решит. Не верю я в возможность быстрого его приручения, а чтобы выйти на его брата, который в Высшем Совете, нам и жизни не хватит.

— Замолчи, болван! Иначе я доложу Чару о твоей полной деградации.

— Попробуй, попробуй. Хотел бы я посмотреть на тебя после этого. Ну ладно, хватит. Просто мы оба вконец обленились.

— Нашей вины в этом нет. После того, как нас заметили, нам просто необходимо было затаиться на некоторое время. Вот мы и отлеживались без дела. И не нашли ничего лучшего, как поссориться.

— Кажется мне, что мы несколько беспечны. Перед этой планетой мы практически безоружны.

— Не думаю. В случае, если не окажется выхода, можно даже выйти на контакт. Но сейчас для нас единственным законом жизни является приказ нашего Чара. А он однозначно требует сохранить в полной тайне наше пребывание на орбите.

— Чар далеко, а мы, к сожалению, можем рассчитывать только на собственные силы.

— Безусловно. Очень жаль, что земляне находятся на высокой ступени развития. Не было бы никаких проблем, если б они пребывали в дикости. Но что поделаешь... Мы малость запоздали в наших поисках.

— Да и кары появились у нас сравнительно недавно. А без них очень трудно колонизировать планеты, даже населенные дикарями. Ну а с карами мы справимся и здесь. Пройдет не более года-полтора, вот увидишь, все произойдет так же, как и на Дираузе — тихо и мирно расширятся владения Чара, наши владения.

— Да, если мы удачно выполним программу, до конца дней своих ни в чем не будет у нас недостатка.

— Конечно, пока не прилетят наши. А когда они освоятся, то и здесь придется ограничиться заслуженным Бункером Счастья.

— Можно опять отправиться в поиски новых миров, для расширения владений Великого Чара. Согласись — пока что-то ищешь, до тех пор и счастлив.

— Мы с тобою уже постарели. Успеть бы пустить корни здесь.

— Напрасно так рассуждаешь. Да что впустую болтать. Скоро мы встретимся с Гиатой и Ровичем. Да и всем остальным следует больше уделять внимания. Тем более после нашего вынужденного безделья. К Гиате, пожалуй, я выйду в ближайшее время. А может, ты?

— Деградируем мы с тобой. Разленились. Слишком вжились в образ землян, земной антураж. Сами едва в землян не превратились! С огнем играем.

Дирар рассмеялся, оттолкнулся сразу тремя нижними конечностями и под самым потолком сделал красивый пируэт:

— Нужно бы еще немного уменьшить гравитацию, не возражаешь? — спросил из-под потолка. — Ты же знаешь, как мне нравится состояние невесомости.

— Оставь эти разговоры! — закричал Мар. — Я терпеть не могу, когда не ощущаю массы своего тела. Я перестаю тогда сам себя уважать.

12

Дегенерат с чувством собственного достоинства.
Что может быть ужаснее?

Она была в простом пестром халате, распахнутом на груди, улыбалась, что-то дожевывая, когда Сухов открыл на сигнал свою дверь.

— Приятного аппетита,— пошутил Антон, удивленно рассматривая одетую по-домашнему Гиату.

— Спасибо. Привет! Как видишь, мы уже соседи. Почему не приглашаешь войти?

— Да, безусловно, входи.

— Жена дома?

— Нет. Никого нет.

— Жаль. Мне хотелось бы повидать твою жену. Вот возьми для детей.— Гиата ткнула Сухову два батончика «Мечты».— А дети где?

— Они пошли в театр. У Витасика каникулы... А я отсыпаюсь после ночного дежурства.

— Я тебя разбудила? Прости,— долго застегивала пуговицу халата.— Поверь, я не знала, что ты отдыхаешь. Пойдем, посмотришь мою лабораторию. Я уже все привела в порядок и очень довольна.

— Гиата...

— Ты словно боишься меня.— Она рассмеялась так чарующе, что Сухов заставил себя улыбнуться, чтобы не показаться совсем негостеприимным.

— Я очень устал, Гиата. И хочу спать.

— Вот не думала, что ты такой соня. Не поспал одну ночь и уже раскис. Пошли. Мне нужна твоя помощь.

Антон, ругая себя в душе за слабоволие и внутренне протестуя против бесцеремонного вторжения этой женщины, все же послушно буркнул:

— Я сейчас,— и обреченно добавил: — Только переоденусь.

— Зачем? К чему такие формальности? Чувствуй себя со мной совершенно свободно. К слову — это на будущее — пусть тебя не удивляют всяческие предложения и мои авантюры. Скажем, я могу спросить тебя, не хочется ли тебе переспать со мной, или — не хочешь ли ты сменить работу, или... в общем — что угодно... Воспринимай все это как обычный вопрос. Прости, но такой

у меня характер. Я очень импульсивна и непосредственна. Когда меня что-либо заинтересует или в голову придет забавная мысль, я не могу ждать ни минуты, тут же должна удовлетворить свое любопытство. Так пусть тебя ничто не удивляет. Договорились? — Гиата лукаво улыбнулась.

— Договорились.— И тоже улыбнулся. Насколько смог непринужденно.

Комната Натальи стала неузнаваемой. Прежде всего бросалось в глаза множество картин на стенах. Сухов посмотрел и с удивлением отметил, что на каждой из них изображено одно и то же чудовище: зеленая голова с тремя глазами и жуткими щупальцами. Гиата, перехватив его удивленный взгляд, сказала:

— Все я сама нарисовала. Это маргон.

— Маргон?

— Да. Он часто приходит ко мне во сне. Вроде бы страшный, а на самом деле такой добродушный. Я очень его люблю. С нетерпением жду каждого вечера, чтобы заснуть и увидеть его. Но он почему-то не всегда приходит.

— А зачем так много одинаковых картин?

— Одинаковых? Ну что ты, Антон, разве не видишь — он на каждой картине разный. Не смотри на меня как на сумасшедшую... Хочешь, я его попрошу, он и к тебе придет?

— Нет. Благодарю. Не хочу,— ответил Сухов вполне серьезно.— А где Наталья библиотека?

— Что?

— Куда ты девала все книги, которые были здесь?

— Остался один хлам, а не книги. Все сгорело. А библиоскопы, сам знаешь, не выдерживают высокой температуры.

— Да, знаю. А жаль...

— Что жаль?

— Жаль, что современные библиоскопы не выдерживают высокой температуры...

— А знаешь, Антон, мне не жаль. Зато мы теперь соседи.— Гиата на мгновение стала непохожей сама на себя, даже волосы приобрели непривычный коричневый оттенок.— Мне запомнились слова одного человека. Как-то на старом кладбище он сказал, глядя на древние, вытесанные из камня кресты: «Нас не станет, а эти камни будут стоять». А потом мы подошли к могиле его матери, с современным миниатюрным надгробием. Я спросила: «А почему вы не поставили мраморной плиты своей матери, чтобы стояла тысячу лет?» А он посмотрел на меня с чувством превосходства и сказал: «Зачем? Нас не будет, а камень будет? Так что — мы хуже камня? Пусть и его не останется после нас». Я спросила: «А память?» Он глянул искоса: «А память — вечна», — изрек он. Мне вдруг стало страшно, а потом легко-легко. И я до сих пор не могу понять, что со мною произошло в тот миг... Но что-то случилось. Антон. Мне кажется, что именно с той минуты я стала такой, как вот сейчас. А какая я сейчас? Скажи, Антон.

— Что я могу тебе сказать?

От его слов Гиата будто пробудилась от сна, смешно тряхнула головой, поправила рукой прическу, и в глазах ее засветились привычные Антону холодный огонь и деланная кротость.

— Какая странная, ужасная, бессмысленная смерть Натальи,— произнес Сухов, глядя прямо в глаза Гиате.

— Тебе ее жаль? Старую, никому не нужную Наталью тебе жаль? Чудак. Если так ко всему относиться, то в результате будешь жить на груде мусора, на груде старого хлама. Ей давно уже было пора... отойти,— спокойно заявила Гиата.— А у меня теперь здесь настоящая лаборатория. И совсем рядом с тобой...

— Жилсовет знает о твоём переселении?

Гиата совсем спокойно ответила:

— Безусловно, знает.

Сухов не мог объяснить причины своих сомнений, но не мог заставить себя поверить хотя бы одному слову этой женщины.

«Нужно сегодня же позвонить, а лучше самому зайти в жилищный совет. Там хотя бы скажут мне, кто эта женщина. Биолог? Безумная или действительно ученая? Да, сегодня же нужно поговорить. Или сначала посоветоваться с Миколой?»

— О чем ты задумался, Антон? И почему ты спросил меня о жилсовете? — Гиата смотрела на него лукаво и сосредоточенно, а Сухову вдруг стало не по себе, он почувствовал, что Гиата прочла его мысли.

— Ты же сама прекрасно знаешь, о чем я думаю...

Гиата рассмеялась.

— Антон, мне нужна твоя помощь. Слышишь?

— Да.

— Очень прошу тебя, отрежь голову вот этой симпатичной нике. — Гиата указала взглядом на стол, где лапками вверх лежало серое существо. — И выбери мозг в тот серебряный стаканчик, что стоит рядом. Ладно? А я тем временем быстренько приготовлю нам что-нибудь вкусненькое. Что ты любишь, Антон? Острое или пресное? Холодное или теплое?

«Погань!» Сухов даже губы крепко сжал, чтобы и намека на слово не вырвался. Но Гиата тут же замерла, на миг окаменела и затем, чеканя каждое слово, тихо заговорила:

— Кажется, я ничем не провинилась перед тобой. Своих жизненных принципов не навязываю. Прежде чем осуждать кого-то, оцени собственную жизнь... Мне досадно, Антон, что ты оказался трусом, — и неожиданно для Сухова Гиата вдруг приветливо улыбнулась. — Но подойди и поцелуй меня. Ты меня очень обидел. Жаль, что я, пожалуй, ошиблась в тебе...

Существует такая детская игра: зеленое, к примеру, называть черным, стол — арбузом, а руку — ухом или ногой... Продолжая разговор, каждое предложение усложняется новой путаницей, но играющему не следует забывать, что он чем назвал, ибо кибернетическое устройство фиксирует любую ошибку. Игра развивает память, по крайней мере так утверждают те, кто ее придумал. А придумали ее, между прочим, те, кто давно уже ни в какие игры не играет. Я несколько раз развлекался с детьми, которым эта игра очень понравилась, и ловил себя на мысли, что мне как-то неловко от того, что все видят, где зеленое, где черное, но каждый притворяется, что не видит ничего, кроме того, что сам выдумал.

Антон Сухов переступил порог жилища брата и измученно улыбнулся:

— Здравствуй. Ты, наверное, спать уже соби-
рался?

— Да нет, что ты! Я всегда поздно ложусь, читаю перед сном, пока не отключусь. Раздевайся. У тебя что-то случилось?

— Да нет. Хочется поговорить. Ты уж извини.

— Ты чем-то взволнован? — Микола обнял брата, потом включил все светильники, но Антон недовольно поморщился:

— Не нужно столько света. Глаза даже режет.

Сели за стол.

— Я у тебя заночую, ладно? Не хочется ехать домой, завтра в клинике с утра начинается уникальный эксперимент, а от тебя туда рукой подать. Хорошо?

— О чем ты говоришь! Конечно же, хорошо... Веронике сказал, что останешься у меня?

— Веронике? — отчужденно переспросил Антон, встретился с братом взглядом и долго смотрел, ничего не понимая. — Я могу позвонить ей отсюда. Но она не ждет. Когда операция затягивается, я, случается, остаюсь ночевать в клинике. И часто забываю позвонить. Все в порядке...

— Ты сейчас с работы?

— Нет. Понимаешь ли, в последнее время... Я так устаю в последнее время... Ты же слышал, безусловно, что сейчас повсюду творится?

Микола, стараясь казаться непринужденным, удивленно поднял брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Позавчера вызвали «Скорую» и забрали прямо от операционного стола нашего анестезиолога. Психоз... Все чаще и чаще слышу этот диагноз. Ты не можешь не знать об этом.

— Да, кое-что слышал,— уклончиво произнес Микола.— А что с вашим анестезиологом? Расскажи.

— Все это очень грустно и вовсе неинтересно, Микола. Ну ладно... Митрофан внезапно закричал: «Нет! Нет! Я на работе! Оставьте вы меня в покое или нет?!» Одновременно кричал и смеялся на всю операционную, потом непристойно ругался и хохотал: «Ну, дают жару, ой не могу! Ну, дают!» А затем со смехом набросился на одного из хирургов, щекотал его и грозился: «Я тебя выведу на чистую воду, маргончик! Меня не обманешь! Я тебя давно узнал!» Мы все кинулись на него, связать хотели, но он раскидал нас, как котят, и с высоко поднятой головой вышел из операционной, заявив тому хирургу во всеуслышание: «Ты ко мне ночью приходи, как всегда, поболтаем, а то привязался, нахал, во время операции!» Мы заперли его, когда он вошел в раздевалку, и вызвали машину. Я его очень хорошо знал. Мы с ним часто вместе стояли на операциях, дружили с ним. Микола, что это такое? Последнее время... Что это за маргоны, что с языка у всех не сходят?

— Мы призраками не занимаемся,— беззаботно рассмеялся Микола. А у самого мурашки побежали по спине, но он ничем не выдал своего состояния. На мгновение возникло желание рассказать брату о неизвестном космическом объекте, замеченном на околоземной орбите, но воздержался, вспомнив решение Высшего Совета:

«Действовать исключительно силами Совета, без приглашения, чтобы не вызвать паники и недоразумений среди населения». — К тебе ж они не приходят по ночам? — похлопал Антона по плечу.

— Ко мне еще нет. Но к моей знакомой... У нее вся стена увешана картинами о маргонах.

— Твоя знакомая сейчас, вероятно, в психиатрической клинике, а тебе, Антон... — начал назидательно Микола, но брат перебил его:

— Моя знакомая сейчас живет по адресу: Фибуля 16, квартира 18, и занимается научной деятельностью, если это можно назвать так...

Микола отметил про себя, что это дом брата.

— Как зовут твою знакомую?

— Гиата Биос. И, кстати, она никогда не попадет в психиатрическую клинику. Если она и безумная, то это ее обычное состояние.

— Вот как? — Микола разволновался, но сумел скрыть это от Антона. — Ты давно знаешь Гиату Биос? Расскажи мне. Может, я и смогу тебе что-нибудь посоветовать.

— Давно ли я ее знаю? Нет, совсем недавно, и познакомились мы с нею очень странно. Мы ехали на машине вместе с Митрофаном, с тем самым анестезиологом, которого позавчера забрали в психиатричку, а у обочины магистрали стояла женщина с ребенком на руках. Мне почему-то захотелось их подвезти. Митрофан еще высмеял меня, мол, напрасно рыцарствую, но мы остановились, и она села в салон. А потом начались причуды. Дитя верещало у нее на руках, у меня же в тот день было прекрасное настроение, и я начал развлекать мальчика. Говорил, что заберу его к себе, если не перестанет плакать, ну, сам знаешь эти дорожные шутки: на портфель ему показывал, мол, в него и посажу, портфель-то большущий. А женщина та, Гиата, начала подыгрывать: ей, дескать, не нужен такой каприза, заберите его себе. Взял я малыша на руки, а Гиата тут же по-

просила машину остановиться, выскочила из салона... Я опомниться не успел, как ее и след простыл. Вот так мы с нею познакомились. Точнее, познакомились мы в тот же день, но несколько позднее. Мы с этим мальчуганом, его Серафимом зовут, тоже сразу вышли из машины. Но догнать женщину не смогли. Она исчезла, как сквозь землю провалилась. У меня волосы дыбом встали. Серафим повел меня в парк, погулять. А потом привел меня к Гиате, но так привел, будто я сам пришел. Давай, говорит, зайдем в какую-нибудь квартиру, попросим иголку с ниткой, а то у меня пуговица оторвалась. Я и повел его, как мне казалось, в первый попавшийся дом, позвонил наобум в какую-то квартиру, а в этой квартире и жила Гиата Биос. Представляешь? Вот как мы познакомились.

— А кто она?

— Говорит, что биолог. Но нигде не училась. Домашнее воспитание. И сейчас нигде не работает. Не хочет, видишь ли, «связывать свободу своей научной деятельности ни с каким институтом». Экспериментирует с ники, головы им отсекает.

— Сколько ей лет?

— Пожалуй, как и мне, или моложе немного. Микола, она не сумасшедшая, но она... Все это очень страшно и не так просто. Я интуитивно чувствую. И этот ее Серафим, вундеркинд...

— А на стенах, говоришь, картины? С маргонами? — Микола все еще пытался хотя бы намек на улыбку на лице сохранить. — А какие они, маргоны?

— Зеленые, стервы, с отростками неопределенной формы, иначе чем щупальцами не назовешь... Психоз это, Микола. Какой-то жуткий массовый психоз.

— Ты переутомился, Антон, но... Я прошу тебя, если будешь еще бывать у этой Гиаты, попробуй расспросить ее о маргонах, о ее Серафиме. Любые мелочи могут оказаться полезными.

— Вы занимаетесь этим? — обрадовался Антон.

— Психозы, если их следует называть так...— начал Микола, но тут же и умолк.— Не волнуйся. Я уверен, что очень скоро удастся докопаться до первопричины.

— Микола, расскажи мне все, что ты знаешь. Я буду молчать, клянусь. Я должен хоть что-нибудь узнать наверное. Иначе, чувствую, и сам с ума сойду. Расскажи!

Микола посмотрел на брата устало и сочувственно:

— Я и сам определенно ничего не знаю, Антон. К сожалению...

14

Все это было в действительности. Но оказалось неправдой. Ибо должно было стать совсем другим. Но никто не знал, каким именно все должно быть. Каждый из очевидцев может лишь утверждать, что в ту зиму выпал очень глубокий снег, а сильные морозы держались недолго, сменившись вдруг оттепелью, ранней весной, которую сменило лето, однако и оно отлетело вскоре с пожелтевшей листвой, чтобы заложить начало новому жизненному циклу. Каждый из очевидцев может лишь утверждать, что в том году носилось в воздухе нечто нематериальное, как желание улыбнуться, и многие действительно улыбались робко, даже громко смеялись, но не каждый день, ибо какое-то таинственное предостережение невольно заставляло задумываться над тем, что же тогда было и каким оно должно быть.

— В чем дело, Дирар? Ты слышишь, как они плачут?

— Воют. Голодные.

— А что случилось, Дирар?

— А ты больше бы спал на центральном пульте!

— Мог бы и разбудить. Не создавай лишних проблем. Что случилось? Почему кары так плачут? Почему они голодные?

— Неисправность автоматической кухни. Это твоя вина.

— Что-нибудь серьезное?

— Не знаю. Беларар ремонтирует. Но они все сдохнут, если ремонт затянется.

— Нужно попытаться накормить.

— Интересно, как ты себе это представляешь? Жить надоело?

— Неужели нельзя ничего придумать?

— Придумай.

— Вообще-то меня давно беспокоила эта затея нашего Чара. Зачем нужно было закладывать в генетическую программу каров потребность разрывать зубами каждого, кто захочет накормить их?

— Накормить — значит, приручить. Отсюда и дальнейшее. Чару у таких, как ты, ума не занимать.

— Можешь не разоряться, он тебя сейчас все равно не слышит.

— Чар все слышит и все видит. Но если бы он и не слышал, я все равно скажу, что Чар в твоих советах не нуждается. Он сам знает, что делает. Накормить — означает приручить. А что это за оборотень, которого можно приручить. Если нужно, он и сам приручится до поры...

— Пускай Чар все видит и все слышит, но я тоже хочу нормально существовать. Он далеко, а земляне — близко! И они меня разлагают! Каждая встреча с ними для меня как капля отравы. А нас всего двое. И меня это бесит!

— Успокойся. Прекрати истерику.

— А что с теми выродками делать, если Беларар не отремонтирует вовремя систему автоматического кормления?

— Не знаю. Должно быть, уничтожить. Или просто ждать, пока сами сдохнут. Что тут придумаешь путного?

— А потом опять выхаживать новых? Эти почти доросли уже до запуска на Землю.

— Сам говорил — нам некуда спешить. Воспитаем новых, поумнее этих.

— Все они одинаковы.

— А кормить их я не пойду!

— Никто тебя и не заставляет. Но... А может, попросим Беларара каким-нибудь образом симитировать автоматическое кормление. А то и вправду жаль терять эту группу каров. Они нам неплохо удались.

— Как жалобно плачут. Если не накормить, то скоро сдохнут. Они еще молодые и очень чувствительны к голоду. Пока развиваются. Только недели через две мы сможем вживить им универсальные энергоблоки. Все это время кормить их нужно стационарно.

— Пошли к Беларару. Он сумеет помочь. Он превосходный робот.

— Включи освещение. Терпеть не могу сумерек.

— Изнежился ты за прошедшие здесь годы.

— Сорок семь узлов тебе на третий щупалец.

— Можешь обойтись и без ругани, даже мысленно. Не то я тебя вгоню в тридцать два на тридцать два, если не перестанешь меня обижать.

— Ладно, пошли к карам.

— Подожди, я включу свет, этот переход так захламлен, без щупалец остаться можно.

— Как они воют. Это уже слишком. Если не удастся накормить, сейчас же и уничтожим.

— Осторожно, не торопись заходить в зал. Нужно вызвать Беларара и обо всем договориться здесь. Пусть лучше те недоростки ничего не слышат. Молоды и глупы еще, могут неправильно нас понять.

— Сто седьмой! Приказываю выйти в тамбур сектора номер три! Сто седьмому приказываю выйти в тамбур третьего сектора!

— Включи аварийный сигнал. Нам давно пора заняться текущим ремонтом. На нашей Базе многое уже приходит в негодность.

— Сто седьмой! Приказываю немедленно выйти!

— Вызывай сто восьмого! И не вздумай сам заходить. У меня недоброе предчувствие.

— Сто восьмой! Немедленно выйти в тамбур.

— Там что-то случилось.

— Не каркай.

— Без сомнений... Беларар сразу вышел бы после вызова. Сам знаешь.

— Вызывали сто восьмого?

— Да, Брунар. Что там со сто седьмым? Почему не выходит?

— Очень неприятный случай, маргоны. Я даже не успел доложить... Это произошло только что. Я вытягивал сто седьмого, когда вы меня вызвали. И я бросил его, теперь уже от него ничего не осталось. Он имел неосторожность имитировать автоматическое кормление. А они его разорвали. Ведь это же кары! С ними нельзя расслабляться, а Беларар был слишком чувствительным роботом. Я ему не раз говорил, такие, как он, долго не живут. И оказался прав. Кары разорвали его на мелкие куски. Что прикажете делать?

— А что тут прикажешь? За сколько ты сможешь наладить автоматическое кормление?

— Точно не знаю. Трудно сказать. Беларара теперь нет. Такого мастера нет.

— Понятно. Значит, каров нужно немедленно уничтожить.

— Послушайте сто восьмого!

— Что ты хочешь сказать?

— Я понимаю, что я обыкновенный робот, но... Мне кажется, не следует уничтожать каров. Жаль энергии на их аннигиляцию. А если не аннигилировать — будет смрад. Предлагаю заслать эту группу каров на Землю недозрелыми. Они уже очень похожи на земных собак, и никому в голову не придет ничего подозрительного. Жаль, конечно, что они не смогут теперь стать полноценными карами. В конце концов, можно считать это экспериментом. Вполне возможно, что некоторые из них сумеют дозреть на Земле, если удачно перейдут на режим самостоятельного питания.

— Ты толковый робот, Брунар. Спасибо за удачную мысль. Энергию нам действительно нужно беречь. А если не аннигилировать — смрадом заполнится вся База. Молодец Брунар. Очень интересный эксперимент. Пускай теперь на Земле ломают головы, как из собак вырастают люди. Паника поднимется. Если выживут хотя бы несколько. Большинство их, конечно, погибнет. Нужно доложить Чару. Думаю, эта идея ему тоже понравится.

15

Биокиберы плачут в следующих случаях:

1. Засорились правый или левый лакримальные каналы.
2. Появилось несбалансированное увеличение эманационного потенциала между седьмой и девятой клеммами церебрального коллектора.
3. Потеря электрзаряда на сорок седьмом тразоне левой группы.
4. Увеличение сопротивления в системе базилики.
5. Общая перегрузка блока памяти.

Сухову снилось, что он вышел на улицу и некоторое время брел бесцельно, ожидая, пока его не осенит определенное решение. Донимала жара... Возле автомата с эклектонами — очередь. Будь поменьше людей, Антон с удовольствием выпил бы кружечку прохладного напитка, но не хотелось останавливаться надолго. Это оказалось бы нестерпимым, мозг требовал, чтобы тело двигалось, пусть даже без определенной цели.

В последние дни Антон Сухов чувствовал себя неважно. Внутреннее напряжение граничило с истощением. Работа, Гиата, недоразумения с Вероникой, к которым он вроде бы давно привык... Все его теперь раздражало, выбивало из колеи, наполняло необычным, совсем не знакомым до сих пор страхом существования.

Заставил себя посидеть на скамье в сквере.

Городской привычный шум. Машины. Голоса прохожих сливаются в общий говор, слух выхватывает из этого хаоса звуков отдельные фразы:

— ...и ты на все так спокойно смотришь?

— ...жара, как во времена моей юности.

— ...ну что мне остается делать? Чужим умом не проживешь...

— ...но рядом ни одного порядочного кустика нет, а я и говорю, давай вот здесь, только поскорей...

— ...а он не хочет взлетать. Что поделаешь? Я ему все потроха новыми тразонами заменил, а летать так и не хочет...

— ...он — последнее мурло, с такими я не играю...

— ...в наш магазин курочек привезли...

— ... ха-ха-ха... Сам ты не умывался...

Вдруг Сухов ощутил слабое прикосновение к своему левому ботинку. Резко отдернул ногу. Посмотрел. Большой лохматый пес сидел рядом и глядел на него изумительно. Антону поначалу даже показалось, что он ему улыбается, вывалив большой красный язык. Потом пес улегся и положил морду на ботинок Антона, умилившись Сухова своей доверчивостью.

Антон наклонился, чтобы погладить лохматого, и неожиданно встретился с ним взглядом. Его охватила оцепенение. Показалось, что на него смотрит Гиата. Все тело словно налилось расплавленным свинцом, выталкивающим остатки сил и мыслей. Почудилось, что теряет сознание. Но одновременно накатилась волна непреодолимой злобы: к себе, к Гиате, к непостижимым химерам жизни. Захотелось изо всех сил пнуть пса ногой. И тот сразу напрягся, вскочил на лапы и хищно оскалится, словно поняв желание Антона. Вот-вот он вопьется зубами в его ногу. Однако, словно взвесив что-то в уме, лохматый медленно отошел, то и дело оглядываясь с превосходством и презрением.

Антон Сухов почувствовал, как увлажнились глаза. Несколько слезинок скатились по щекам. Стало тоскливо и страшно. Он жил в мире, который он перестал понимать. Но заново понять не было никакого желания,

потому что внутренний голос подсказывал: это понимание только усилит фатальный страх. Сухов плакал. Плакал во сне...

16

Рассказывают, что во время одной из своих депрессий Вольдемар Ежур хотел повеситься, но в этот момент в кабине наступила невесомость.

Он сказал, что придет в семь вечера, а пришел в пять. И пожалел, что явился совершенно не вовремя. Зачем видеть то, что тебе известно и так, что чувствуешь каждой клеточкой своего существа. Чувствуешь, но... Когда Антон тронул ручку входной двери и понял, что дверь на замке, ему подумалось: мог бы и погулять, на работе закончить кое-что, наконец посидеть с друзьями или зайти к Гиате... Правда, при воспоминании о Гиате Сухова передернуло.

Нажал кнопку сигнала, предвидя, что это лучше, чем открывать самому. Ключи всегда имел с собой. За дверью тишина. Подождал. Сухов даже подумал, что Вероники, возможно, нет дома. Но не успел он достать ключи, как щелкнул замок.

— Это ты, Антон? Привет! Как хорошо, что вернулся так рано. А мы здесь скучаем.

— С кем это ты скучаешь?

— Иван зашел. Он сумел достать нам рыбок. Просто ужас, какими жестокими растут дети! Не так ли, Антон?

Сухов промолчал, переступил порог.

— У тебя ничего нет вкусенького? — тихо спросила жена. — Даже неловко перед человеком. Хотя бы бутылочка «Колы».

— Обойдется. Привет, Иван. Как жизнь?

— Привет.хлопотно, но все в порядке. Вот достал новых рыбок. Пришлось побегать, Антон. Но это пустяки. Посмотри, какие красавицы. Тоже натуральные, как и те, что сдохли у тебя.

— С меня причитается! — галантно улыбнулся Сухов, сдерживая себя. Ему не нравилось в Иване все: и лицо, и тембр голоса, и взгляд. Но...

«Сдержанность — залог мудрости. Кто это сказал? Когда-то слышал или читал. Сдержанность...»

— О чем ты говоришь, Антон?! Когда ты лечил меня, не думал же я: чем буду обязан тебе.

«Я лечил его. Действительно. Но я и тогда прекрасно понимал, что лечу вполне здорового человека. Дело в том, что тогда я был рад каждому пациенту, а Иван... Какая противная физиономия. Тонкие усики, как два червяка под носом. Иван, надо отдать ему должное, обеспечил мне успех, иными словами — карьеру. И за это я должен платить сдержанностью? Как хочется сказать что-нибудь дерзкое, даже ударить наотмашь. Или во мне заговорила архаичная ревность? Ведь мы с Вероникой давно уже чужие, и потому мне абсолютно все равно, с кем она... Как там у Сандра? «И теперь никогда не испытать вам волнующего до безумия трепетного желания вновь ощутить таинство самого простого прикосновения. Никогда. Уже никогда. Никакая имитация заботы, интеллигентности, рассудительности не в силах оживить то старое фото, на котором вы стоите красивые и молодые, когда можно было вам поверить и даже доверить тот трепетный огонь, сближавший вас, который вдруг потух...» Что от моей любви осталось? И кому нужна моя ревность?»

— А сейчас ты почему-то говоришь о чем-то причитающемся, Антон, — Иван непринужденно улыбнулся. — Это я твой вечный должник. Ты сделал меня здоровым человеком.

— Пустое, — отмахнулся Сухов.

«Он противен мне, как тот нарисованный маргон... А не маргон ли он?» — кольнула коварная болезненная мысль.

— Ты устал, Антон? Сложные операции?

«Сколько сочувствия в голосе Вероники».

— Сложные,— вяло подтвердил Антон и уселся в кресло напротив аквариума.

— Тебе нравятся новые рыбки? — Вероника положила ему руку на плечо, и Сухов вздрогнул, ему захотелось отстраниться. Но вида не подал.

«Зачем выказывать характер? Они лишь посмеются надо мной в душе. Вероника как-то сказала: «А разве посещения Ивана как-то сказываются на наших с тобой отношениях?» И то верно. У покойников глубокий сон. Лучше сидеть, отдыхая, и вспоминать стихи Сандра. «И пролетают самолеты, далекие серебристые сверчки, а мы, как сказочные гномики, за окнами своих убежищ смеемся, плачем, и вот так как будто незаметно пролетает жизнь гномиков-волшебников... Над нами — самолеты, и небо, и звезды, а уж выше — никого, а над «ником» — снова мы, разводим руки, как крылья...»

— Красивые рыбки. Правда, Антон?

— Да.

— А вот у этой великолепный хвост. Роскошный. Спасибо, Иван. Я... Мы тебе очень признательны.

17

В мире есть вещи, которые понимаются лишь однозначно.

Председатель жилищного совета поднял взгляд и долго смотрел в глаза Сухова-старшего, как бы желая найти в них что-то недоговоренное, скрытое. Казалось, что у Платона Николаевича к ученому некоторое предложение.

— В определенном смысле я могу вас понять. Ваше удивление и ваш интерес... Дело в том, что я знаком с Гиатой.

— Вы давно ее знаете? — спросил Сухов.

— Сравнительно недавно. Но, надеюсь, вы согласи-

тесью со мной, что для того, чтобы по-настоящему узнать человека... Одним словом, хочу сказать, что не обязательно пуд соли есть всю жизнь. Не так ли?

— Так вы согласны со мной, что Гиата Биос — человек очень...

— Очень странный она человек, — решительно перебил его Платон Николаевич. — С этим просто нельзя не согласиться. Но, впрочем, у вас гораздо большие возможности, — утомленно произнес председатель жилсовета. — Поэтому вам, простите, больше оснований утверждать — больная она или здоровая. А я, увольте, в вундеркиндах не разбираюсь.

Чеканя каждое слово, Сухов-старший заявил:

— Нет, думаю, она не больная, ибо больных людей председатели жилсоветов не боятся.

— Вы ошибаетесь. Я не боюсь ее. Но мне, честно говоря, трудно определить свое отношение к Гиате Биос.

— Почему?

Но что мог ответить Платон Николаевич? Рассказать, как Гиата пришла к нему в первый раз? Пришла домой. Рассказать, как он зачарованно любовался ее золотистыми волосами, стекавшими волнистыми ручьями на плечи? О пьянящем аромате ее тела? О ее огромных колдовских глазах?..

— Понимаете ли, жизнь меня научила, что не следует быть слишком категоричным в своих утверждениях. По крайней мере, не стоит торопиться высказывать их категорично.

— Поверьте, я пришел к вам не сгоряча. Надеюсь, вы это понимаете.

— Да. Но поймите и меня — я ее не боюсь. Все значительно сложнее. В конце концов, она очень интересная, сказал бы, даже привлекательная женщина.

Микола Сухов неожиданно для самого себя рассмеял-

ся. Он никак не ожидал, что беседа перейдет на тему об отношениях между мужчиной и женщиной.

— Простите, но мне... сложно сейчас говорить...

— А от вас никто этого не требует! — воскликнул Сухов.— И меня ни в коей мере сейчас не интересуют ваши отношения с Гиатой Биос. Я пришел не лично к вам, а к председателю жилищного совета и требую серьезного разговора.

— Вы напрасно горячитесь. Вас удивляют ее эксперименты?

— Да. И все ее поведение, мне многое рассказывали. И то, в частности, что она вселилась в помещение трагически погибшей старой женщины. С вашей помощью вселилась. Очень быстро вселилась. И все основания имею подозревать, что смерть той женщины не была случайной. Скажите, кому нужны «научные эксперименты» Гиаты? Представляют ли они хоть малейшую ценность для науки? Вы можете мне это объяснить? Знаете ли вы это?

— Человек хочет иметь кабинет для научной деятельности. А она, Гиата Биос, для меня не просто житель нашего города, она как акселерат-вундеркинд требует от меня особого внимания, ведь ей всего три с половиной года от рождения! Представляете? Так что же вы от меня хотите? Три года, а она уже не только вполне взрослая и красивая женщина, но и личность, она увлечена научными поисками. Я понимаю, вся эта акселерация может привести к очень грустным последствиям, но я не видел и не вижу никаких оснований отказать ей в желании иметь собственную лабораторию. А поинтересоваться, должно быть, и вправду стоит... Давайте создадим квалифицированную комиссию, и пускай она займется серьезным анализом деятельности Гиаты.

Пауза затянулась. Сухову стало стыдно. Он не знал и впервые услышал, что не только Серафим Гиаты, но и она сама — акселераты-вундеркинды.

Ты помнишь ночь? Ночь зарождения амебы...

Сказать определенно, что он услышал какой-либо звук, Антон Сухов не мог. Ему лишь показалось, что донесен входной сигнал, и настолько явственно, что Антон поднялся из-за стола, дочитывая абзац в монографии «Особенности биохимических реакций у хирургических больных при длительном режиме искусственного дыхания». Работу эту Антон читал не впервые, находя каждый раз что-нибудь новое и интересное для себя, а когда не находил, довольствовался тем, что ему хочется найти свежую мысль в новейшем и очень серьезном исследовании. Однако ощущение того, что кто-то вот-вот вновь включит сигнал, ощущение, что кто-то стоит у двери его квартиры, было настолько реальным, назойливым, что Сухов все же подошел к входной двери, но открывать не спешил.

Он с неудовлетворением взглянул на себя в зеркало. Ночь. Поздняя ночь. Дети и жена спят. Все нормальные люди давно спят. Нормальным людям ничего не мерещится. Он довольно долго стоял, думая о своем, научно-методическом. Но вот Антон осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Никого. Определенно — никого. Да разве могло быть иначе? Пора отдыхать. Нужно вообще сменить режим жизни. Явное переутомление.

Он уже закрывал дверь, когда послышал тихое повизгивание. Опустил взгляд — щенок. Маленький рыжий щенок. Беспомощное живое существо.

Сухов колебался — зачем им щенок? Лишние хлопоты. Дети ухаживать не будут, им только бы поиграть. А у него и Вероники времени нет.

Щенок опять заскулил — жалобно, настойчиво.

Антон, ни о чем больше не думая, наклонился и взял в руки маленький лохматый клубочек. Щенок поднял на него мордочку, высунув красненький язычок, причмокнул, благодарно уставился.

— Откуда ты такой?

Щенок как-то не по-собачьи пискнул.

— Как же тебя назвать? Рыжиком или... просто Приблудой?

— Тяв-ав!

— О, да ты уже с характером,— улыбнулся Антон.

Он внес песика в свою комнату, постелил на полу в уголке свой старый плащ, поставил рядом мисочку, крошил хлеба и полил вчерашним бульоном.

— Спать, дружок, спать! Весь завтрашний день я буду занят, и куда мне тебя утром девать, просто ума не приложу. Но ничего, что-нибудь придумаем. Правда же, Рыжик? Правда, Приблуда? — погладил песика за ухом.— Спать. Говорят, что утро вечера мудреней.

Щенок слушал все, что говорил Антон, будто бы понимал каждое слово. Он, подняв мордочку, преданно и внимательно смотрел, готовый подчиниться любому приказу.

— Хочешь есть?

Приблуда подполз ближе к мисочке, полакал немножко, а потом вновь поднял взгляд, словно спрашивая: можно есть еще или нельзя? Сухов с улыбкой смотрел на него. Затем нашел тюбик с пастой «Уни». Собачке паста понравилась.

— Смешной ты, Приблуда. Такой комичный. Ну, спать!

— Тяв-ав! Ав!

А утром Антон с удивлением заметил, что щенок заметно вырос за ночь. Бросилось в глаза и то, что цвет шерсти заметно посветлел, стал уже не рыжим, а соломенно-желтым. (Таким был и Антон в детстве. Мама рассказывала.) И продолговатые черты собачьей мордочки вроде притупились. Однако в первое утро Сухов только удивился своим наблюдениям, объяснив все переутомлением и буйной фантазией.

Он налил воды в мисочку, попросил Веронику, которая выходила на работу обычно чуть позднее, чтобы

не сердилась за то, что взял Приблуду в дом. Жаль стало живое существо. И детям будет радость. Вероника, к удивлению Антона, не возмутилась и восприняла появление Приблуды просветленным, кротким взглядом.

— Такой милый песик. Он будет скучать, пока никого не будет дома. Но мы как-нибудь все устроим. Правда, Антон?

Во взгляде Вероники — тепло и покладистость. Как в прежние времена. Правда, взгляд ее сейчас был обращен не на Антона, а на щенка, тем не менее всплыло в памяти давнее, волнующее. Захлестнула на миг томительная нега. И все же Сухов встрепенулся и с металлическими нотками в голосе проворчал:

— Мне пора бежать. А ты не обижай Приблуду. Я постараюсь сегодня прийти пораньше. Если удастся.

Вероника оставила его слова без внимания. Склонилась над рыжеватым щенком, ласкала его. Антону даже захотелось самому стать таким же рыжим, лохматым и бездомным.

Вечером Сухов убедился — собачонка действительно растет очень быстро. И не просто растет. Приблуда изменялся. Менялся цвет шерсти, менялся абрис мордочки.

— Что же из тебя вырастет, Приблуда?

— Тяв-ав-ав!

Юпитер приволок пульт дистанционного управления, вытащив его из укрытия, известного только ему. Пульт он оставил посреди комнаты, сам сел возле ножки стола, подобрав хвост поближе к себе, замурлыкал от удовольствия и зажмурил глаза.

Антик увидел пульт, как только Юпитер появился на пороге комнаты. Неимоверная радость заполнила все его маленькое игрушечное тельце. Он еще сможет действовать! Пусть совсем немножко, может, всего несколько минут, но сможет двигаться! Разговаривать!..

А потом наступит вечная тьма.

Он не чувствовал ни капли страха, только радость. Вот сейчас пульт заметит Витасик. Он тоже обрадуется. Вот сейчас. Еще чуть-чуть подождать. Витасик вставит штеккер в гнездо и...

— Я приветствую вас! — воскликнул Антик из всех сил и рассмеялся, но вдруг почувствовал, что силы оставляют его: тяжело даже руку поднять в приветствии, невозможно произнести ни слова.

Антон сидел в кресле с закрытыми глазами. Но не спал. Даже не дремал. С ним происходило непонятное. Сознание металось, не находя выхода из одновременно овладевших им безотчетного ужаса и неведомого ранее, жестокого своей неизбежностью чувства внутреннего обновления. В самой глубине существа пульсировали, ища освобождения, остатки сил бунта и самоутверждения. Все это повергало Сухова в панику, вызывая удушьющую волну отворачивания к самому себе.

Антон не услышал радостного восклицания Антика: «Я приветствую вас!» Но тут же открыл глаза и порывисто поднялся с кресла.

Витасик плакал, склонившись над Антиком на ковре посреди комнаты.

— В чем дело, сынок?

— Он... Он уже... уже не действует... Он умер.

— Кто?

— Антик. Ты же видишь, Антик умер.

— Не плачь. Мы возьмем тебе другого, — тихо утешал его отец и, как лунатик, подошел к окну.

Сердце бешено стучало в груди. Хотелось повторить жизнь сначала. А перед глазами стояли лица Гиаты и Серафима.

Осенние клены за окном расставались со своими большими желто-горячими листьями.

Вдруг Сухов почувствовал резкий толчок в ногу. Это Приблуда ткнул его носом и поднял вверх морду. Антон посмотрел на него и оцепенел — взгляд щенка напомнил ему, как и в недавнем сне, взгляд Гиаты Биос. И не

просто напомнил, а казался зеркальным отражением. Он плотно зажмурился, вытер пот со лба.

...На следующее утро Сухов наскоро оделся и побежал на работу, словно в панике сбегаая из дома.

Витасик с Аленкой подошли к маленькому песику, гладили его.

— Какой ты забавный. Как хорошо, что ты к нам приблудился. Мне с тобой почти так же хорошо, как с Антиком. Даже лучше, потому что ты живой, хотя и не умеешь разговаривать.

— Тяв! Гав!

«Я с самого появления на свет знал их язык. Но я боялся, что мне так и не посчастливится пожить... Я оказался неполноценным, и единственное, что заложено во мне в полной мере,— это желание жить. И я еще живу. Может, мне все-таки удастся стать настоящим каром — во всем похожим на людей и одновременно во всем отличающимся. Какое это счастье, знать, кем ты станешь завтра, послезавтра, знать, ощущая свое предназначение, свой развитый ум взрослого существа в маленьком тельце щенка...»

— Ты просто чудненький. Как же тебя назвать? Папа называл тебя Приблудой, а нам не нравится.

— Гав!

— И тебе тоже не нравится? А как же тебя назвать?

«Я чувствую, как осыпается моя шерсть под их маленькими ладошками. Чувствую, как расту с каждой минутой, как меняются очертания моего тела...»

— Ну, мне нужно идти, песик. Аленку в садик отвести, а потом перед школой обещал с товарищем встретиться. Завтра у нас контрольная по математике...

— Вечером мы с тобой поиграем,— весело перебила Аленка.

«И знаю, каким я стану завтра. Каждую минуту, каждое мгновение я становлюсь *собой*. Сходит с меня моя рыжая шубка, моя шерсть. Прекрасно! Пусть отправляется в мусор».

Возвратившись вечером домой, Вероника не сразу сообразила, откуда взялись рыжие клочья на полу, на столе.

— Витасик! — позвала она. — Аленка!

Но детей не было дома. Вероника, не раздеваясь, достала из стенного шкафчика пылесос, — включила его, и тут ее осенило — ведь это шерсть Приблуды. Побежала заглянуть в комнату Антона, где на старом плаще она оставила щенка. Но его там не было.

— Странно, — произнесла вслух и сразу вспомнила рыбок в аквариуме с отрезанными хвостами. Опять ребята что-нибудь натворили? Или Приблуда с Юпитером не ладили? Но не мог же Юпитер так общипать его? Заметила, что кота тоже нигде не видно. А он всегда важно встречал ее у двери, когда Вероника возвращалась домой. Что же произошло?

— Юпитер! Юпитер! Кис-кис-кис...

Приблуду Вероника нашла через несколько минут совершенно случайно. Песик спал на шкафу. Хотя песиком его назвать теперь было невозможно.

Вероника испуганно отпрянула и брезгливо сморщилась. Она стояла на стуле, держа шланг пылесоса, и недоуменно смотрела на голое, без шерсти, существо. Оно спало. Ребра под розовой кожей ритмично поднимались и опускались от дыхания.

Не сразу, а постепенно в душу закрадывался панический страх. Вероника выпустила щетку пылесоса. Стояла бледная, обескураженная. Потом дотронулась до чудовищного существа. Приблуда вздрогнул, открыл глаза и порывисто, как это обычно делал Антон, сел. Именно сел, а не встал на лапы, передние конечности свесил вдоль туловища.

— А-а-ав, — сонно подал голос.

— Что случилось? — хрипло выдавила из себя Вероника. Сказала это непроизвольно самой себе, но тут же поймала себя на мысли, что обратилась она к Приблуде. Даже мурашки пробежали по спине.

Приблуда спрыгнул со шкафа на пол, приземлившись на все четыре лапы, и это несколько успокоило Веронику. Она готова была убедить себя в том, что ей просто померещилось сидящее на шкафу существо, сидящее, как человек, поджав ноги.

— Авава! — сказал Приблуда.

Веронике показалось, что тот улыбается.

— Что? Что ты хочешь? Что с тобой произошло? Как все это понимать? — бормотала Вероника.

— Авава. Вава.

Жуткий гул в голове выводил Веронику из себя, тело налилось слабостью, к горлу подкатывалась тошнота.

Уродливое чудище подошло к пылесосу и правой лапой... Веронике вдруг привиделось, что лапа Приблуды чем-то напоминает человеческую руку... Правой лапой существо нажало на клавишу.

Гула в голове как не бывало. Вероника поняла, что перестал гудеть пылесос. Тошнота постепенно начала проходить.

Стараясь не смотреть на Приблуду, Вероника вышла с пылесосом к мусоропроводу, с отвращением выбросила огромный клок рыжей шерсти.

Когда Вероника вернулась, Приблуда сидел на ковре среди комнаты, по-восточному скрестив ноги, морда его почти не походила уже на собачью, вся застывшая без движений фигура напомнила древнего идола.

Веронике показалось, что она совершенно теряет чувство реальности. Галлюцинации?

Но Приблуда махнул правой «рукой» и сказал:

— Вавар-р-р-р. Вевер-р-рон. Вевер-р-р.

Он вновь улыбнулся, разинув свою противную пасть. И тут же разом обмяк, будто увял, повалился на левый бок и закрыл глаза. Веронике показалось, что он умер, но Приблуда дышал. Ровно, глубоко дышал. Он уснул.

Одновременные чувства жалости, омерзения и невероятного удивления не оставляли ее. Вероника отнесла

Приблуду в кабинет к Антону, положила в углу на плаш.

Поздно вечером принесли мертвого Юпитера. Антон еще не вернулся с работы. Вероника открыла дверь, предполагая увидеть мужа и собираясь сказать, как всегда равнодушно-традиционное: «Где ты был? Я звонила в клинику...», — хотя никогда она в клинику не звонила и ей теперь безразлично, где пропадает Антон после работы.

Но в тот поздний вечер, когда Приблуда так напугал ее, Вероника с нетерпением ждала Антона и в душе искренне злилась на него.

У двери стояли дети из их двора.

— Простите, это ваш кот? — печально сказал русоволосый мальчик. — Я знаю, это Юпитер. — И затем мальчик заговорил быстро-быстро: — Мы нашли его за трансформаторной будкой. Мы случайно нашли его. Мы не виноваты. Мы не знаем, что с ним случилось. Мы все любили Юпитера. Он был очень умным котом. Мы не виноваты. Мы нашли его за трансформаторной будкой. Он мертвый. Вот он.

Юпитер расслабленно, как пушистая тряпка, лежал на руках мальчика.

Из комнаты выбежали Аленка и Витасик.

— Возьми, Витасик, Юпитера. Мы не виноваты. Он мертвый.

Аленка расплакалась, сдерживая рыдания, побежала в ванную.

У Юпитера оказалось прокушенным горло. Маленькая, едва заметная ранка на шее под шерстью, окрашенной кровью.

Антон Сухов появился дома очень поздно. Жена и дети уже спали.

Он тихо вошел в свою комнату, включил свет, прикрыл за собой дверь и, повернувшись, остолбенел.

За его рабочим столом сидел... Серафим.

Антон почувствовал, что его охватывает химериче-

ское, жуткое состояние, как при знакомстве и встречах с Гиатой.

— Как ты оказался у меня?

— Как я оказался у тебя?

— Да.

— А ты не помнишь? Ты сам внес меня в эту комнату. Ты назвал меня Приблудой. Просто я немножко вырос с тех пор.

Темные круги поплыли перед глазами Сухова. Он пытался что-то понять.

— Ты не Серафим?

— Не знаю. Ты хочешь назвать меня Серафимом? Хорошо, я буду Серафимом. Спасибо тебе, что взял в свою комнату. Я бы погиб от голода, если б еще с час полежал под дверью. Спасибо.

— Кто ты? — прошептал Сухов пересохшими губами, садясь на краешек дивана. — Как ты... Если ты и вправду... тот рыжий щенок... Как ты попал к моим дверям?

Антону Сухову не то что страшно стало — зловещий ужас сковал его.

— Как я попал? Я не знаю. Но что-то припоминается. Я все припомню. Завтра. Или чуть позже. Я чувствую, что все припомню. А сейчас давай спать. Но я хотел бы лечь с тобой. Можно? Мне не хочется спать на твоём плаще.

— Со мной?

— Да. Можно?

— Гм-км... Сейчас я постелю. Подожди немного.

Антон вышел из комнаты медленно, степенно, но как только прикрыл дверь, бегом на цыпочках кинулся в комнату Вероники. Не включая света, тронул ее за плечо, укрытое тонким одеялом. Она сразу проснулась.

— Антон? Наконец ты пришел. Ты всегда так поздно приходишь... — В ее голосе, к большому удивлению Сухова, нет ни раздражения, ни обиды, прозвучали полузабытые нотки... Как в пору их молодости. Это удивило

Антон не меньше, чем появление в его кабинете Приблуды-Серафима. По крайней мере, услышав до удивления мягкий голос Вероники, его волнение из-за Серафима поубавилось.— Антон, ты знаешь... Тут у нас такое-о случилось. Я даже не знаю, как и рассказать тебе. Подумаешь, что я с ума сошла.— Вероника села в кровати.— Ты заходил уже в свою комнату?

— Да.

— И видел Приблуду?

— Да.

— Испугался?

— Расскажи мне сначала, что произошло у вас.

— Я пришла с работы. Первое, что заметила,— это ключья рыжей шерсти по всей квартире.

И Вероника рассказала все по порядку. И о Юпитере, которого нашли дети с прокушенным горлом и с небольшой дыркой в черепе.

— Ты давно его видела?

— Кого?

— Приблуду.

— Говорю же тебе, что он уснул и я положила его в твоей комнате. Это было вечером, в шесть.

— И после этого ты не заходила в комнату?

— Я боялась, Антон. Очень боялась. Я даже дверь в твою комнату закрыла на ключ. И детям запретила входить. Все так фантастично, Антон. И я так боюсь.

Вероника долго не могла попасть ногами в пушистые тапочки, стоящие на полу рядом.

Ручка двери казалась непривычно холодной.

Серафим сидел за Антоновым столом и забавлялся карандашом, что-то рисовал на одном из листков бумаги.

— Кто это?

Вероника застыла на пороге, лицо ее сильно побледнело, а светло-сиреневая ночная сорочка придавала ему оттенки потустороннего, нереального мира.

— Кто это? — повторила неслушающимися губами.

— Не бойся, Вероника,— включился в разговор Серафим и оглянулся.

Сухову показалось, что за прошедшие несколько минут он еще подрос, возмужал.

— Это он? — смогла лишь прошептать Вероника.

Сухов кивнул.

— Как же это, Антон? Как же это?!

И вдруг Вероника, охваченная неодолимым ужасом, безумно закричала, захлебнулась собственным криком и бросилась бежать, но сразу же запуталась в длинной сорочке, упала в коридоре. Лежала, не пытаясь подняться. Тело ее содрогалось, как от рыданий, но глаза были сухими. Когда Антон подбежал к ней, она опять страшно закричала, и он зажал ей рот ладонью.

— Детей разбудишь.

А она смотрела на него блуждающими глазами и, когда он убрал руку, лишь бессмысленно повторяла:

— Как же это, Антон? Как же это?

— Я понимаю не больше тебя,— Сухов старался сохранить на лице маску беззаботного спокойствия.— Я тоже ничего не понимаю. Но ты успокойся. Разве так можно? Рано или поздно мы во всем разберемся. Другие разберутся. Успокойся.

Открылась дверь, и появились заспанные личики Аленки и Витасика.

— Что с мамой?

— Ничего. Спите, дети. Мама просто очень испугалась.

— Это я ее напугал! — послышался вдруг резкий голос Серафима.— Но я не хотел пугать, одно мое присутствие... Простите, что я стал причиной этого. И большая благодарность за то, что не дали погибнуть от голода, холода, как у вас говорится. Спасибо. И особенно вам, Вероника. Давайте знакомиться.— Серафим обратился к детям, которые как маленькие галчата разинули рты, стоя на пороге детской комнаты.— Ваш муж, Вероника, и ваш папа, дети, решил назвать меня Серафимом. Итак я — Серафим! — Он протянул руку для

приветствия сначала Веронике, сидевшей на полу и смотревшей на все затуманенными глазами, потом Витасику с Аленкой.— Кстати, Витасик, не найдется ли у тебя лишних штанишек и рубашки? Видишь, я совсем голый,— Серафим похлопал себя по животу и звонко рассмеялся.— А сейчас нужно спать. Время уже позднее. Пошли, Антон. Ты обещал лечь со мной. Или я обещал лечь с тобой? Короче, мы оба обещали друг другу спать вместе.

Вероника через силу пыталась встать с пола. Сухов помог ей подняться, но ноги плохо держали ее.

— Антон, нам нужно поговорить. Помоги мне дойти до кровати. Мне плохо. Сильная слабость.

На кровать Вероника просто упала.

— Ты назвал его Серафимом?

— Да.

— Взял и назвал? Ты даже не удивился, не испугался. Как это понимать? — Вероника всхлипывала, часто дышала, как загнанный зверь.— Ведь ты знал, что так случится? Ты знал?! — она вдруг снова закричала.— Ты делаешь из меня идиотку!

— Я ничего не знал. Напрасно ты... Я тоже очень испугался сначала. Но... Этот, не знаешь, как и назвать его, очень напомнил мне одного мальчика, одного удивительного вундеркинда, которого зовут Серафимом. И когда я вошел в комнату, мне показалось, что именно тот самый Серафим пришел ко мне. Понимаешь? Я обратился к нему, прежнему моему знакомому, назвав по имени. А он и говорит мне: если хотите, то зовите меня Серафимом. Вот и все... И напрасно ты...

— Я сойду с ума, Антон. Весь этот год у меня шиворот-навыворот. Я больше не могу. Думала, что все образуется. Ведь я когда-то любила тебя. Это действительно было. Мне страшно, Антон. Юпитера он загрыз! — внезапно закричала Вероника, и сама себе закрыла рот рукой, а затем продолжила шепотом: — Я уверена, что он его загрыз. Твой Серафим.

— Оставь...

— Не мог же я без настоящей пищи гулять целый день. Я расту.— Серафим стоял в дверях комнаты, сложив руки на груди, маленький, но по-взрослому сложенный мальчик, голый: — Я расту, вы сами видите. И мне многое нужно. Если бы я... Честно говоря, другого выхода у меня не было. А Юпитер — очень старый кот, старая кровь, старый мозг... Не понимаю, чего ради горевать. Ничто не вечно в этом мире. Зато у нас появилась счастливая возможность общаться. И поверьте мне, вы еще поблагодарите судьбу. Вот я немного подрасту и смогу стать вам очень полезным. Вот увидите, как славно мы с вами заживем. При условии, понятно, если... не будем торопиться.

— Мамочка,— послышался умоляющий голос Витасика из соседней комнаты.— Мамочка, можно мы с Аленкой придем спать к тебе? Мы так по тебе соскучились...

Серафим решительно подошел к Антону:

— Пошли и мы спать. Нам с тобой еще нужно немного поговорить. А они пускай успокоятся.

— Вероника, перестань волноваться. Со временем все станет на свои места. Все станет понятным. Любые химеры всегда имеют вполне реальные объяснения. Постарайся заснуть.

— Уходи! Убирайся со своим Серафимом! Мне с тобой еще страшнее! — прошипела Вероника, но Антон не обиделся и никак не отреагировал на ее грубость. Он сам едва держался, чтобы не сорваться и не закричать, подобно Веронике, не забиться в пароксизме безумного страха.

Когда они вошли в кабинет, Серафим сказал:

— Запри дверь. Я уверен, что нас могут подслушивать.

Сухов запер дверь на ключ, пытаясь не выдать своего состояния.

Сухов достал из стенного шкафа постель. Движения его казались спокойными, предельно расчетливыми, и

именно поэтому, кто знал Антона, смог бы догадаться, что он очень сильно волнуется. Серафим наблюдал за ним, сидя в кресле за столом.

Вдруг он воскликнул:

— Ну, хоть ты успокойся наконец-то? Чего ты испугался? Понятно еще, что твоя Вероника вообще...— Серафим так искусно скопировал выражение испуганного лица Вероники, что Сухов искренне улыбнулся.— А ты, как вижу, только бодрись. Я очень признателен тебе за все. И настаиваю — поскорей успокойся. Возьми себя в руки. Ничего страшного не случилось. Привыкай.

— Расскажи-ка лучше, кто ты такой и каким образом попал к нам?

— Сначала ты должен успокоиться.

— Я совершенно спокоен.

— Не обманывай сам себя. А меня ни за что не удастся тебе обмануть. Я читаю твои мысли и чувствую твое состояние. Понимаешь? Я очень рад, что это не пугает тебя, Антон. Хотя тебе еще нечего утаивать от меня.

— Расскажи, как ты попал сюда.

— Откровенно говоря, я не знаю. Но многое ощущаю и помню... Точно так же, как интересный сон. Понимаешь?

Сухов вздохнул.

— Не расстраивайся, Антон, тебе хватит времени выспаться и отдохнуть,— сказал Серафим улыбаясь.— Тебе хочется знать, как я попал к тебе? Слушай. Мне помнится ночь, глубокая, темная, как колодец. На дне того колодца лежит мое имя. И легкое дуновение звездных мелодий колыбель мою в пространстве качало. Я помню ночь. Ночь зарождения амебы по повелению высочайшего творца. Прикосновенья помню рук железных к смятенному и теплomu лицу... Ну, как я импровизирую? Не правда ли — очень талантливо?! Я — вундеркинд. Хочешь, продолжу?.. Да, помню все, хоть ничего не знал я, запомнилась мне ночь, вобравшая в себя день первый, голод, страх и жажду — мне не забыть нигде

и никогда. Жуть космоса не стала мне преградой, я выжил — и к людям...

— Погоди, Серафим. Завтра мы с тобой встанем пораньше,— перебил его Сухов.— Утром, до начала моей работы, мы с тобой заглянем к одному моему товарищу, он сам биолог, профессор, известный ученый, ему будет интересно познакомиться с таким вундеркиндом, как ты... Возможно, ты даже останешься с ним... В их институте прекрасное оборудование, замечательные специалисты. Тебе необходимо пройти обследование.

— А вот этого я тебе не советовал бы делать.

— Что-о?

— Не советовал бы тебе избавляться от меня. Это не в твоих интересах, прежде всего. Будет очень жаль, если ты поймешь это слишком поздно... Юпитер мог бы тебе кое-что рассказать, если бы он был жив и умел разговаривать. Но, к сожалению или к счастью, те, на кого разгневался Серафим, уже не хотят ничего рассказывать, не желают делиться своей мудростью. Ты меня понял?

— Ложимся спать! — зло приказал Сухов.

— Ты действительно ничего не понял? — произнес Серафим и, внезапно приподнявшись с кресла, прыгнул легко и грациозно почти через всю комнату...

Оказавшись на плече у Антона и сразу же оседлав его, укусил за шею. Сидел, свесив ноги.

— Теперь тебе понятно? Но сегодня ничего не бойся. И вообще никогда ничего не бойся, если мы станем друзьями. Искренними друзьями! Договорились? А о себе я расскажу тебе завтра. Хорошо? Сегодня действительно следует уже спать.

Выключили свет и легли. Но заснуть Сухову, понятно, не удалось. Он лежал неподвижно с закрытыми глазами, глубоко и ровно дыша. Серафим прижался к нему своим маленьким тельцем. Сухов неимоверным усилием воли старался сдержать внутреннюю дрожь всего тела, опасаясь приступа истерических конвульсий. Внушал себе

умиротворенность и спокойствие... Но безрезультатно. Сердце бешено колотилось. В голове стоял гул, словно в ней включили мощный трансформатор. Серафим несколько раз за ночь тихо спрашивал:

— Почему ты не спишь?

Но Сухов ничего не отвечал ему.

— Не хочешь со мной разговаривать? И спать не хочешь? Ну, как знаешь, Сухов.

Утром Серафим спросил:

— Мне кажется, что ты согласился со мной. Правда? Мне не нужно никакого медицинского обследования? Оставь мне что-нибудь поесть, да побольше, а сам иди на работу. Я тебя буду ждать. И не вздумай надевать глупостей! — сказал поучительно, даже пальцем погрозил.

Антону нестерпимо захотелось размахнуться, стукнуть вундеркинда и наподдать еще ногой. Но сдержал себя. Посмотрел лишь искоса, почувствовал ли Серафим его порыв, или его способность читать чужие мысли небезгранична. Сухову показалось, что Серафим ничего не заметил. Это его несколько успокоило.

— Ладно,— сказал он.— Поесть найдешь сам в холодильнике. Да на плите Вероника всегда что-нибудь оставляет. Ты, я вижу, такой, что не пропадешь. До вечера.

19

— Разрешите быть смелым! — воскликнул мальчик. В его голосе слышалось столько детской наивности, что мало кто мог сдержать улыбку. Но его отец почему-то помрачнел.

Во время операции Сухову стало плохо. Перед глазами поплыли фиолетовые круги, затем красные, а потом начала наваливаться серая пелена забытья. Сухов успел отойти от операционного стола, сесть на стульчик и потерять сознание. Коллеги с трудом привели его в чувство.

Другие бросились искать ему замену, опасаясь за больного, оставшегося на столе. Пока нашли хирурга, сумевшего заменить Сухова, прошло минут десять. Но все обошлось.

После третьего укола раствора Грасса Антон Сухов, наконец, открыл глаза.

— Простите, хлопцы... Что со мною?..

— Как себя чувствуешь? Отвезти тебя домой или полежишь немного в родной клинике?

Ложиться в палату Сухов отказался, но и возвращаться домой...

— Я малость посижу здесь. А там видно будет. Ладно?

Он колебался: может, прямо сейчас рассказать кому-нибудь о странных превращениях щенка? Понимал, что говорить об этом можно не с каждым. Следовало уведомить компетентных специалистов. И прежде всего нужно связаться по видеотелефону с братом, пусть он решает, какие службы поднять на ноги. Высший Совет Земли должен знать об этом прежде всех. Но в то же время Сухова не оставлял страх. И за себя, и за детей. Вдруг вполне реально почувствовал прикосновение зубов Серафима к своему затылку... Начал убеждать себя, что можно еще подождать, что следует еще немного посмотреть, как будут развиваться события, сориентироваться. Может, сами собой улягутся страхи, разрешатся проблемы? Пройдет и презрение к себе? Но подсознательно чувствовал, само собой ничего не произойдет. «Почему я сейчас такой? — спрашивал мысленно себя. — Как послушная кукла. Я — послушная кукла. Юпитера нашли за трансформаторной будкой. День солнечный. Все вокруг как в кривом зеркале. Трудно дышать... А дома ждет Серафим. Нужно позвонить Миколу. Немедленно. Кружится голова. Нет, подождать. Страшно...»

— Я поеду домой, хлопцы. Простите. Все будет хорошо.

— Ты переутомился, друг. Посиди несколько дней дома, отдохни как следует. Не будь таким неистовым в работе, хватаешься за все сразу.

По дороге домой в машине-такси у Сухова пошла носом кровь.

«Если бы это случилось несколько минут раньше, меня не отпустили бы из клиники, госпитализировали,— подумал Сухов.— И, пожалуй, так было бы лучше. Дома Серафим. Насколько он вырос? Без присмотра... Страшно подумать...»

Подойдя к своей двери, Антон долго стоял в нерешительности, он опасался заходить, боялся увидеть то, что и представить себе трудно.

Однако ничего не случилось. И Серафим почти не изменился, хотя и подрос заметно, но никаких метаморфоз с ним не произошло.

Серафим вышел к Сухову из его кабинета, одетый в старый костюм Витасика, с книжкой в руках.

— Молодец, Антон. Сегодня ты не поздно. А я читаю. Заинтересовался «Диалектикой существования». У тебя неплохая библиотека. Мне нравится у тебя.

— Ты что-нибудь ел?

— Да. Спасибо. Я прекрасно позавтракал. Я съел твою Веронику.

— ...

— Ну, какой же ты тонкокожий. Да пошутил я просто. Все в порядке с твоей Вероникой. Витасик в школе. Аленку я сам в садик отвел...

— Ты отвел?

— А чему ты удивляешься? Или недоволен? Мог бы и сам отвести дочку в садик пораньше,— произнес Серафим, точно копируя интонации Вероники.

— А как Вероника восприняла это?

— Вероника? Она уже не боится. Она даже полюбила меня. С Вероникой мы ладили. Не волнуйся. Пошли к тебе в кабинет, нам нужно серьезно поговорить. Что это у тебя? Вот здесь, на щеке... кровь?

— А-а... Во время операции... Забыл вытереть.

Серафим громко рассмеялся:

— Ну и даешь ты, Сухов! Хирург-кровопийца! И на губе вон кровь. Вытри. Но ты молодец, Сухов. Пришел рано, и я тобой доволен.

Взяв Антона за руку, Серафим повел его в кабинет.

— Садись, Антон. Вчера ты хотел услышать, откуда я свалился на твою голову. Сейчас я тебе все расскажу. Но слушай внимательно, не торопись с выводами. И... верь каждому моему слову, иначе сказанное потеряет всякий смысл.

— Продолжишь читать свою поэму? — довольно грубо перебил его Сухов. — Я помню ночь, и колыбельку, и колодец... Так, кажется?

— Напрасно иронизируешь, — чеканя каждое слово, произнес Серафим. — Это лишний раз доказывает то, что земляне пребывают на низком уровне развития. Вот так, Сухов. Надеюсь, ты все же понял из моих слов, что я существо неземное. Но создан подобно землянам.

Сухов опустил в кресло за столом и отметил про себя, когда он сказал вундеркинду о крови на щеке, которая осталась якобы после операции, то Серафим не заподозрил обмана.

— Ты не слушаешь меня? — удивленно спросил малец. — Почему?

— Устал очень, — постарался спокойно сказать Сухов.

— Сложная была операция?

— Да. Очень сложная, — Сухов поднял глаза на Серафима. Их взгляды встретились... Представляя операционную, он внушал себе спокойствие. Стараясь поверить в собственную ложь.

«Если я перестану волноваться и не буду оформлять мысли словами... К черту все внутренние монологи! Серафим не должен догадываться, о чем я думаю...»

Понятно, что и эти мысли Сухова не материализовались в слова, хотя думал он именно так. Он заставлял себя не думать как раз об этом. И ему легко удавалось

понимать себя без слов. Похоже было на то, будто он пьет воду не глотая. Вода льется в рот, хочется глотнуть, но ему известно — этого делать нельзя, вода приятно холодит, стекая в желудок.

— Так слушай меня, Сухов. Ты даже не догадываешься, насколько все это серьезно для тебя. Если б ты только знал, то не сидел бы сейчас, как мокрая курица. Нет, серьезно, Сухов, почему ты такой бледный? Ты плохо чувствуешь себя?

— Устал очень.

— Так, может, отдохнешь?

— Нет. Все в порядке. Рассказывай, Серафим, дальше. Остановился ты на том, что ты — существо неземного происхождения, хотя и создан по подобию землян...

— Да, Антон. Я действительно помню ту ночь, когда меня создали. По крайней мере, мне кажется, что помню себя даже одноклеточным. Вокруг — какая-то мерцающая темнота, живая темнота. — Серафим, зажмурив глаза, говорил приглушенно, заговорщически. — Я чувствовал, понимал ту темноту всем своим существом, всем телом. Она была доброй, та ночь, ночь моего рождения. Клетка разделилась, и поначалу мне казалось, что я стал существовать в двух особях, но очень быстро понял — мы настолько зависимы и связаны друг с другом, что составляем нерасторжимое целое. А потом каждая из этих клеток поделилась, затем следующие... Я очень быстро привык к собственной множественности. Антон, дай мне, пожалуйста, лист бумаги и карандаш... Благодарю... Итак, я постепенно рос. И вот однажды, в какое-то мгновение ночь взорвалась — и я прозрел. Скажу откровенно, я не был от этого в восторге, каждая клеточка болела, все во мне протестовало. Но мне предстояло развиваться дальше. — Серафим говорил и одновременно рисовал что-то на бумаге. — Знаешь, Антон, как странно и неприятно сознавать собственные тщедушие и уродство. Огромная голова, хвост... Конечно, если бы не дано мне было знать, каким я должен стать через

несколько месяцев, то, безусловно, смирился бы со всем и казалось бы мне, что более совершенное существо и выдумать трудно. Но я-то понимал — все во мне уродливо. Часто закрывал глаза, только бы не видеть себя подольше, а потом насладиться переменами, происшедшими за несколько часов...— Отложив карандаш, Серафим протянул Антону рисунок.— Вот посмотри, Сухов, понравятся тебе такие существа?

На рисунке изображено нечто походившее на спрута или кальмара, но щупальца располагались по три — сверху и снизу.

— Очень милое созданище... Это ты таким был?

— Нет. Таким я не был. Но скажи честно, что ты подумал бы, если бы встретился с таким вот, но только живым?

— А где же твоя способность читать мои мысли?

— Мне хочется, чтобы ты сам сказал это вслух. Чтение твоих мыслей требует много энергии.

— Я тебе уже сказал: очень милое созданище.— У Сухова по коже побежали мурашки. Он прекрасно сознавал — все это не сон, не бредовые виденья, но воспринимать Серафима и его болтовню серьезно никак не мог.

— Короче говоря, Сухов, вот так выглядят те, кто создал меня. Вообще-то они могут приобретать любые формы, превращаться в кого угодно, но на самом деле они именно такие, как я нарисовал. Они — вершина совершенства... Но, знаешь, мне нужно хорошенько поесть, а потом мы закончим разговор. Скажу только, что называют они себя маргонами. Они прилетели из невообразимой дали. Они очень разумные, мудрые существа. Они хотят осесть на Земле, хотят поднять землян на высший уровень развития. И ты, Сухов, должен помочь мне, помочь маргонам... Ну, пошли есть!

Серафим жадно глотал, не разжевывая, куски мяса, изделия химкомбината пищевых продуктов. Он ел и никак не мог наесться. Впивался зубами в пищу и рвал

ее, как дикий зверь. И слегка улыбался. Но улыбка его наводила ужас.

— Спасибо, Сухов! — воскликнул наконец Серафим.— Итак, продолжим. Маргоны — это далекая высококоразвитая цивилизация, которая стремится помочь землянам в их развитии.

— Прости, Серафим, мне странно и смешно, даже дико, но... Я просто вынужден говорить с тобой, как с совершенно взрослым, умным существом. Скажи мне, почему маргоны, эти благодетели с большой дороги, ведут переговоры с землянами через таких, как ты? И, кстати, кто ты такой? Что-то я никак в толк не возьму. И если ты хочешь, чтобы я хоть что-нибудь понял, то должен говорить конкретно и ясно.

— Еще конкретнее и еще ясней? — Серафим двусмысленно улыбнулся.— Очень странный ты человек. Даже мысли твои читать трудно.

— Это потому, что читать нечего,— пробурчал Сухов, вновь ощутив то состояние, будто пьет не глотая.— Когда кто врет, я и сам прекрасно это чувствую. Состояние человека чувствую. Но хватит разглагольствовать... И пусть тебя не удивляет, что очутился ты именно перед моими дверями. О маргонах известно мне, пожалуй, побольше, чем тебе,— сказал и пристально посмотрел на Серафима, ожидая его реакции.

Как и предполагал Антон, Серафим насторожился.

— Не понимаю, о чем ты...

— Чего ты, собственно, не понимаешь? Я сказал вполне определенно, без всяких намеков.

— Что ты знаешь о маргонах?

Сухов припоминал все свои разговоры с Гиатой, ее картины на стенах.

— Тебе хочется услышать о маргонах от меня? — спросил Антон с иронией.— Так слушай! Они... зеленые. Форму их тела ты нарисовал правильно,— продолжал явно издеваться над Серафимом Антон, удивляясь, как это ему удается.

— Да, они и вправду зеленые,— пробормотал в растерянности вундеркинд.

— Но временами их окраска может несколько меняться и...

— Появляются розовые оттенки,— быстро перебил Серафим, видимо, опасаясь, как бы Сухов не заподозрил его в недостаточной осведомленности.

— Вот видишь, и я немало знаю. Знаю, наконец, что ты не маргон,— сказал Сухов, внимательно всматриваясь в лицо вундеркинда — не ошибся ли?

Серафим отвел в замешательстве взгляд в сторону.

— Да. Я не маргон. Я — кар. Дитя их разума. Я — рабочий, исполнитель их воли.— И вдруг Серафим расплакался.— Ты не представляешь, Антон, как мне было страшно неделю назад. Неимоверный голод терзал! Ты знаешь, что такое настоящий голод?! Я знаю!

Они стояли посреди кухни. Серафим прижался к Сухову и плакал. Антон четко ощутил — всего какой-то миг отделяет его от безумия. Но, собрав всю волю, переборол внутреннюю слабость, понял свое преимущество в этом невообразимом диалоге. И это его успокоило.

— Я мог умереть. Заснуть и погибнуть... Но спасибо...

— Мне спасибо,— тихо, но властно произнес Сухов. Чувствуя искренность слез Серафима, смелее и увереннее перешел в наступление.

— Да-да, тебе спасибо, Антон.

Серафим крепче обхватил колени Сухова, его тельце вздрагивало от рыданий.

— Я н-не знал... Я... я не мог знать. Что я мог знать? Мне... мне просто снилось, что я все знаю. В меня лишь заложены какие-то знания...

— Какая-то программа,— строго перебил его Сухов.

— Ты — маргон! — с благоговейным трепетом тихо произнес Серафим.

Сухов многозначительно насупил брови и строго уставился на вундеркинда, как на пациента, не выполняющего указаний знаменитого профессора.

— Прости, кажется, это ты хотел мне рассказать о далеких пришельцах и их желании помочь людям в развитии. Не так ли?

— Прости... Прости меня. Я уже ничего... Спасибо тебе... Не дай мне погибнуть. Мне хочется жить. Спасибо...— твердил он, смешавшись.— Если бы ты мог знать, как страшно умирать от голода, умирать, не выполнив своей программы, своего назначения. Меня выбросили за борт, красиво выбросили... Они боялись, что мы... что я буду, разлагаясь...— Серафим закусил губу.

«Что я болтаю?! Болтаю на свою гибель! Он же маргон! А у меня язык отнимается. Что это со мной?! Я совершенно не знаю, что мне делать. Я вне себя... Сухов — маргон...»

— Успокойся, Серафим. Все образуется.

— Только не убивай меня.

— Да успокойся же. Лучше расскажи мне еще о чем-нибудь.

— Что ты, Сухов, хочешь услышать? Я все скажу.

— Ты знаешь Гиату Биос?

— Не знаю. Правда. Я не знаю ее. Кто она?

— В чем твоя миссия на Земле? — грозно спросил Антон.— Мне кажется, ты многое забыл и ведешь себя слишком беззаботно.

— Мое наз... моя миссия? Ну... как и у каждого кара.

— Неужели? — Сухов заставил себя пренебрежительно усмехнуться.— Придется проверить, что ты вообще знаешь, кроме импровизации про ночь, колодец и колыбель. Итак, я слушаю тебя.

— О чем ты хочешь услышать, Антон?

— Не скули! Живо: земное назначение каждого кара. Повтори слово в слово. Мне кажется, что у тебя не голова, а решето, Серафим.

— Слово в слово? — переспросил вундеркинд, и Сухову на мгновение показалось, что он хватил лишку, сказал что-то не так. Но успокоил себя, решив: инициатива пока в его руках, исчез страх, теперь им руководила бур-

ная отвага. У него хватит способности забить мозги этому дитяти разума маргонов.

— Да, слово в слово. Имею в виду — четко и однозначно.

— Каждый кар, соответственно с ситуацией, принимая то или иное обличье,— быстро затараторил Серафим, судорожно всхлипывая при вдохе,— должен разграничивать всех землян на две категории: на тех, кто сможет работать на маргонов, и на тех, которые работать на маргонов не смогут... Первые остаются жить под постоянным надзором и контролем каров, вторые — уничтожаются, соответственно с ситуацией... их мозг и кровь используются для питания вновь создаваемых каров...

— Так. Все правильно,— прервал его Сухов, неимоверным усилием воли сдерживая дрожь в голосе.— А конкретно твое задание?

Серафим долго, сосредоточенно молчал, изучающе глядя на Сухова.

— Да. Припомни. Иначе я не гарантирую, что все закончится для тебя нормально.

— Мое задание?

— Да! Да! Чем ты отличаешься от других каров?

— Чем я... я отличаюсь? Ты об этом знаешь? Чем... Чем...— бессмысленно повторял Серафим, и вдруг опять расплакался: — Не убивай меня... Я хочу жить. Не я виноват, что во мне дефект. Я очень старался, но не могу. Дай мне еще поесть. Только придумай, Сухов, что-нибудь настоящее, ты же знаешь, что мне, как и всем растущим карам, нужен мозг и кровь. Тогда я стану каром. Вот увидишь! Я стану! Антон, еще одного Юпитера... Хотя бы... Возможно, только этим я и отличаюсь... Я не могу до сих пор принимать живительную энергию маргонов... Пока не могу! Мне нужны мозг и кровь... Красная кровь... Пожалей меня... Помогите...

— Ну ладно, пошли ко мне в кабинет. Я сделаю тебя настоящим каром.

Сухов опасался лишь одного — вдруг наркотический

препарат, который он имел дома для хозяйственных нужд (преимущественно для мытья кистей и пульверизаторов после ремонтно-художественных авралов Вероники), окажется недостаточно действенным. Откуда ему знать, какой организм у каров? Стоит только Серафиму догадаться... Из комнаты не выйдешь. И позвонить никуда не успеешь. Одолеть своего с виду тщедушного противника Сухов не надеялся. Представились почему-то поединки с ядовитыми змеями, хищными зверями; подобные передачи Антон любил смотреть. И сейчас воображение буйно рождало лишь драматические картины... Надежда теперь — на «средство для отмывания малярных кистей». Но подействует ли оно?

— Давай побыстрей. Я вижу, что уже пора, — многозначительно говорил Сухов. — Спустя несколько минут ты станешь настоящим каром. Несложная процедура — и ты сможешь получать энергию от самих маргонов.

В кабинете Антон открыл флакон фторотана, плеснул на вату и протянул ее Серафиму.

— На, подыши немножко. Ложись вот здесь и дыши. И разговаривай со мной. Все время разговаривай. Рассказывай обо всем, что будешь чувствовать.

Серафим послушно взял вату и поднес ее к носу.

— Как неприятно пахнет, — сказал он, но вдохнул глубоко. — Что это такое?

— Я потом расскажу тебе... Не будем терять время. Здесь содержится и мозг, и кровь — все, что тебе нужно. Скоро ты станешь настоящим каром, и тогда мы с тобой побеседуем. Договорились?

— Да. Спасибо тебе. Я знал, я чувствовал, что Дирар говорил мне правду. А он говорил: «Не бойся, малец, все будет хорошо. Мы позаботимся о тебе. Жаль, что должны выкинуть тебя за борт. Но все будет хорошо. Вот увидишь».

— Дыши, дыши. Глубоко дыши.

— Да. Я дышу. Интересное ощущение. Будто я отрываюсь ото всего, зависаю в воздухе. И лечу...

Антон еще раз плеснул из флакона на ватку.

— Говори, все время говори. Слышишь меня?

— Слышу... Как тебя звать на самом деле? Ты давно на Земле?

— На Земле я давно. А мое настоящее имя тебе сейчас... Дыши глубоко... Сейчас для тебя другое важно... Дыши...

Серафим закрыл глаза и улыбался.

«Это мое счастье, что фторотан подействовал. Пройдет еще несколько минут, и он уснет. Я позвоню... и этот ужас закончится».

— Я лечу. Я проваливаюсь в черный колодец. Я рождаюсь вновь, нахожу свое имя,— Серафим громко смеялся, открыв глаза, а Сухов еще раз подлил фторотана.

«Ну, еще немножко. Дыши поглубже. Сейчас пройдет стадия возбуждения... Давай, давай, Серафимчик, дыши глубже».

— Я лечу. Спасибо тебе. Я хочу жить. И сейчас даже перестал думать о маргонах. Я живу, я лечу. Я свободная птица, высоко в поднебесье. Как тебя звать, Сухов? Ха-ха-ха-а... Спасибо. Лебеди летят в глубокий, бездонный колодец. Летят... Спасибо. Ночь, вобравшая в себя день. Лечу, оставив позади голод! И страх позади! Теперь все позади!

— Ты проснешься настоящим каром.

Но Серафим никак не засыпал. Лежал с улыбкой на губах.

Антон Сухов был на грани реального и неведомого... вновь наплывало беспмятство. Перед глазами расходились темные круги. Что-то теплое стекало по губам. Антон коснулся губ ладонью и увидел на ладони кровь. Он быстро отвернулся, чтобы вытереть кровь незаметно. Но Серафим успел заметить:

— Маргон?! Что я вижу? Красная кровь? И белые лебеди... Ты обманул меня, Антон?!

В несовершенной памяти Серафима вспыхивали вполне реальные ассоциации.

«Он не маргон. Он меня обманул. Он меня уничтожит. Красная кровь. У маргонов — зеленая! Я лечу. Белые лебеди в черный колодец... Я пою... Он приходит... Кто? Последний шанс! Хватит ли сил высосать его мозг? У него вкусная красная кровь. А я лечу. Он меня обманул! Хватит ли сил?»

Серафим вскочил, вату с лица швырнул через всю комнату. Но движения его стали плохо координированными, он покачнулся и снова упал на диван. Сухов с флаконом фторотана навалился на кара всем телом, прижал его и лил фторотан прямо на лицо, стараясь экономнее расходовать. Серафим изо всех сил сопротивлялся, фторотан расплескивался, затекал в глаза, в нос. Вундеркинд кричал, хлопал глазами и вертел головой, но с каждой минутой становился более вялым, успокаивался, и когда, наконец, он обмяк, Сухов почувствовал смертельную усталость.

Серафим оказался очень сильным.

Антон продолжал поливать фторотаном лицо кара. Опасался передозировать, но еще больше боялся, что тот вдруг очнется и перегрызет ему горло. На этот раз «больному» лучше не приходиться в себя. Когда Антону показалось, что кара перестал дышать, он метнулся в кладовку: на верхней полочке лежал солидный моток канпроновой веревки. Антон чуть не упал со стула, доставая ее. Бросился опять в комнату. Серафим лежал в прежней позе.

Антон начал тщательно связывать его, туго обматывая маленькое тельце.

Серафим едва дышал.

Наконец Сухов завязал последний узел и, зачем-то схватив Серафима, подбежал к видеофону. Бросив кара на пол, торопливо набрал номер центральной справочной службы:

— Простите, как связаться с Высшим Советом Земли?

— Какой отдел вам нужен?

— Не знаю, дайте любой номер...

Девушка любезно назвала ему номер и тут же спросила:

— Какой конструкции у вас аппарат?

— Сорок два В-Д-Р. А почему вы спрашиваете?

— Нажмите розовую клавишу на центральной панели.

— Благодарю. Я не знал... Забыл...

Антон Сухов нажал клавишу. Почти сразу же на экране появилось лицо худощавого человека:

— Европейский филиал Высшего Совета слушает.

Сухов уставился в экран, не имея сил произнести ни слова.

— Слушаю вас.

— Приезжайте, немедленно приезжайте! — бормотал Антон и скороговоркой назвал адрес. — Мой брат Микола Сухов... Сообщите ему...

Серафим на полу слегка пошевелился.

— Что у вас произошло?

— Я не знаю. Ничего не понимаю... Но приезжайте... Вооруженные! Миколу скажите обязательно! Разыщите его!

— Вот как?! — поднял брови дежурный на экране.

Пока отключилась связь, Антон успел еще услышать: «Седьмая спецбригада — срочный вылет!»

Серафим открыл глаза, впился в Сухова невидящим взглядом, но буквально несколько секунд спустя он стал осмысленным, злым, и тут же на лице появилась хищная улыбка:

— Ну так что, Сухов? Ты, верно, думаешь, что поймал меня?

«Интересно, слышал ли Серафим мой разговор?»

— Но я не все тебе успел сказать. Очень жаль, что мы не стали друзьями. Жаль. Но я тебя предупреждал...

Сухов бросился в кабинет, взял еще флакон фторотана, не очень торопясь, открыл его. Руки дрожали, губы застыли в испуганной, но победной улыбке.

Когда он вернулся в коридор к Серафиму, тот уже освободил правую руку от пут. Антон с ужасом заметил, что тело кара удлиняется, становится тоньше, голова стала продолговатой, плоской, как у ящерицы.

Пока он стоял, ошарашенный увиденным, кар освободил вторую руку. Флакон фторотана выпал из рук Антона, но не разбился, фторотан тонкой струйкой вытекал на пол, наполняя воздух специфическим сладковатым запахом.

Сухов совсем растерялся, не знал, что предпринять. Понимал, что теряет драгоценные минуты...

Седьмая специальная бригада прибыла через пять минут.

Входная дверь в помещение была распахнута.

Антон Сухов лежал в коридоре. На шее и на затылке у него были небольшие ранки, из которых сочилась кровь. Воздух наполнен парами фторотана.

В квартире никого больше не было.

...В скверике перед домом, на детской площадке, в кабине пластиконового геликомобиля сидел мальчик лет шести и напевал песенку: «Как весело живется нам в поле среди трав...»

Когда в распахнутую пасть санитарной машины уложили тело Антона Сухова, тот мальчик подошел с другими детьми и спросил:

— Что это с дядей Антоном?

Ему никто не ответил.

20

— Невообразимые создания космоса — люди, слабы, но неодолимы, смертны, но вечны! — патетично воскликнул академик, однако тут же умолк. На его лице была печать скорби.

Служба Околосолнечного Пространства наконец вновь заметила зону искривления. Все пункты наблюдения находились в состоянии полной готовности. Заметить

в сотнях километров от Земли практически невидимый объект — дело трудное.

Таинственных пришельцев зафиксировали одновременно три патрульные машины. За несколько дней до этого на расширенном заседании Совета пришли в конце концов к единому решению: при обнаружении зоны искривленного пространства и в случае отказа неведомых существ вступить в контакт — без колебаний использовать все средства для уничтожения объекта.

Машины Высшего Совета окружили колеблющуюся, как марево, шаровидную зону. Всеми имеющимися сигналами требовали выйти на связь, но неведомые существа не отвечали.

...Мар с Дираром находились в крайне угнетенном состоянии. Они знали о решении Высшего Совета Земли и надеялись лишь на то, что землянам не удастся их обнаружить, по крайней мере так быстро. Они постоянно переходили с орбиты на орбиту, меняли скорость и траекторию... И вот настало время немедленно решать — как поступить? Надеяться на помощь или хотя бы совет Чара не приходилось: времени не осталось. Что им могли посоветовать на расстоянии пяти световых лет? Вступать в неравный бой? Выйти на связь и согласиться на контакт? Бессмысленно. Им также известно, что земляне догадывались о происхождении вундеркиндов, о причине массовых психозов. Согласиться на контакт означало в лучшем случае, как считал Дирар, стать живыми экспонатами одного из земных музеев.

— На Дираузе было веселее,— мрачно произнес Дирар.

— Не вспоминай. Мы тогда были намного моложе... А теперь я совсем не знаю, что нам предпринять.

— Попытаться сбежать? Насовсем сбежать!

— Сведя на нет дело столько лет? Никто нам этого не простит.

— Отсюда надо убираться. Не говорю же я, что воз-

вращаться домой. Чар действительно не простит нам такого.

— Не в нашем возрасте бежать от самих себя.

— Не паникуй, нам хватит энергии еще на многие годы.

— Это нашему ореху хватит энергии, чтобы лететь и питать нас. А где возьмем энергию для того, чтобы жить? Я не смогу просто есть, пить и спать! Живет лишь тот, кто стремится к победе! Вон они — живут! — со злобой смотрел он на экран внешнего осмотра.— И жить будут! Такие всюду и всегда будут жить!

— Так что же нам придумать? — лепетал в страхе Дирар.

— Есть один прекрасный выход.— Мар поднялся и подошел к центральному пульту.— Красивый, эффектный выход и очень...

— Что ты надумал? — завопил Дирар.— Не имеешь права! Не имеешь права распоряжаться и моей жизнью! Я запрещаю. Я хочу жить!

— Простой и эффектный выход...— Мар не обращал ни малейшего внимания на крики Дирара...

На глазах у всех шар дрожащего пространства неимоверно ярко вспыхнул голубым сиянием, которое на мгновение заполнило все вокруг. На экранах внешнего обзора всех машин появились контуры громадного расколотого ореха: несметное количество более мелких частей разлетелось во все стороны.

Больше двух часов «Роляры» вылавливали все эти предметы. А тем временем другие машины готовили «расколотый орех» к спуску на Землю. Во время предварительного осмотра чужого корабля выявлено много аппаратуры неизвестного назначения, а также целый сонм существ, которые по строению тела могли быть отнесены к трем самостоятельным группам: два мягкотелых существа с тремя нижними и тремя верхними конечностями в форме щупалец, серо-зеленого цвета; девять существ, очень похожих на первых, но заметно

мельче их и твердотелых, девяносто семь мягкотелых существ, разнообразных по строению, но все они похожи на формы земной жизни — рыбообразные, собакообразные, птицеподобные и человекоподобные.

После самоуничтожения неведомого космического объекта Земля наполнилась слухами о множестве фантастических смертей: люди умирали внезапно, в самых неожиданных местах и позах, усыхая на глазах. Всего таких случаев зарегистрировано 139 779. Это погибали кары, лишенные постоянной энергетической поддержки из космоса. Как стало известно после всестороннего изучения неизвестного объекта, каждый кар имел вживленный в биологическое тело универсальный энергетический блок, который питал организм кара лучистой энергией определенной частоты от генератора, расположенного на борту околоземной базы маргонов. Причем блок этот мог использовать любой вид энергии, к примеру — солнечной. Но маргонам необходимо было держать всех каров в зависимости от себя, обеспечивая их жизнедеятельность со своей базы. Вундеркинды-акселераты, быстро развиваясь сами и беря на воспитание новых каров, должны были сформировать абсолютно зависимое от маргонов могучее жестокое ядро.

...Платон Николаевич, председатель жилищного совета, включил сигнал вызова, но в помещении никто не отзывался. Дверь оказалась незапертой.

Члены комиссии зашли друг за другом, настороженно осматривая все вокруг.

То, что они увидели, не укладывалось в сознании. Первое, что бросилось в глаза, — маленький ребенок. Мальчик лет шести лежал ничком на полу. Максим Чердак, профессор биологии, взял его на руки, и все застыли, взглянув на лицо ребенка: оно напоминало воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

Гиата Биос сидела на стуле, положив руки и голову

на стол. Будто заснула. Когда до нее дотронулись, ее тело покачнулось и упало на пол. Пожалуй, даже не упало, а шурша опустилось. словно сбросили со стула зеленоватое платье Гиаты.

Лежала она вверх лицом, и страшно было смотреть на ее морщинистое, высохшее тело.

Сухов-старший, осунувшийся, желтый, с черной траурной ленточкой на правом лацкане форменной куртки, тоже являлся членом комиссии.

— Вы были правы,— тихо сказал Платон Николаевич.— Необходимо было значительно раньше вмешаться...

Сухов ничего не ответил, остановился над телом Гиаты, достал из кармана камеру видеозаписи. Максим Чередай взволнованно бормотал себе что-то под нос.

Микола Сухов неторопливо фиксировал все, что казалось стоящим внимания. Провел камерой панораму по стене, на которой действительно, как и рассказывал Антон, висело десятка два фантастических картин.

Анджей Фолькс и Григ Барбитуров самым тщательным образом обследовали ящики стола, полочки, шкаф и с удивлением отметили, что среди химических реактивов преобладают соль, сахар, крахмал. Бесчисленное количество графиков на рабочем столе производили впечатление старательно выполненных, но совершенно случайных лекальных кривых, связанных между собой разве что законами орнаментовки.

Когда тело Гиаты взяли на руки, чтобы перенести в машину, казалось, что оно соткано из воздуха — таким легким оно было.

21

— Моя мама научилась читать мысли. Папа на работе, а мы с мамой дома сидим, и она рассказывает мне, о чем сейчас папа думает. Я тоже хочу так научиться.

— А мой папа пишет новую книгу о том, что контакты с маргонами оказались удивительным катализатором роста человеческих возможностей. Мама говорит, что он и сам очень поумнел за последние годы.

В прошлом месяце Сухову исполнился сто один год. Эта симметрично выглядящая цифра, особенно если нуль вывести продолговатым, а единички сместить книзу, напоминала ему форму прежних «Роляров», скоростных патрульных машин.

Последнее время Микола Сухов ловил себя на том, что часто, сидя за столом в кабинете своей маленькой холостяцкой квартиры, непроизвольно вырисовывает на любом бумажном листке, а то и просто пальцем на запыленной темной полировке продолговатый бублик в обрамлении коротких единичек: память о ста и одном прожитых годах, о быстрых вездесущих «Ролярах», память о брате.

С каждым годом воспоминания одолевали Миколу Сухова и казнили немим укором... Будто приходил брат и долго молча смотрел ему прямо в глаза, без осуждения и даже без просьбы о помощи, но с такой тоской во взгляде, которую никто и никогда не в силах развеять. На брате серый строгий костюм. Антон почти всегда ходил в серых костюмах. Светло-желтая сорочка. Казалось, он сейчас скажет: «А ты мог мне помочь. Я твой брат. Я понял бы тебя правильно. Но теперь уже поздно, Микола. Вот разве что напишешь обо всем, что случилось. Можно даже домыслить то, чего никогда не было, но могло произойти». Академику Сухову кажется, что брату хочется сказать именно эти слова, и еще ему хотелось бы услышать: «Я понимаю тебя, Микола, и не сержусь, не обижаюсь... Просто все так нелепо сложилось...»

Но брат молчит, его фигура меркнет, расплывается, словно краски при закате солнца.

КАМЕННОЕ ЯЙЦО

1

— Генетикам давно известна неопровержимая истина,— внушительно произнес профессор, глубокомысленно наморщив высокий лоб,— что все живые существа, у которых в природе нет смертельно опасных врагов, обречены на вымирание.

Вдруг какой-то худющий лопоухий студент из первого ряда звонко воскликнул:

— А динозавры существовали на Земле сто пятьдесят миллионов лет!

— Да, и динозавры... Они давно вымерли.

— Однако, представьте только, жили сто пятьдесят миллионов лет! — не унимался студент. — Я думаю, профессор, будь у них серьезные враги, динозавры вымерли бы намного скорее.

— Дорогой коллега, это прекрасно, что у вас собственная точка зрения, собственные мысли. Это меня радует, но не мешайте, пожалуйста, читать лекцию.

С работы он возвращался усталый. Вроде бы ничего особенного и не произошло в тот день. Обычная конторская суета, телефонные звонки и бумаги-бумаги, указания шефа и уважительные поклоны подчиненных, но почему-то чувствовал такую усталость, будто отработал неделю без перерыва. Едва плелся от метро, зевал, то и дело останавливался, опираясь на каменный парапет, но преодолевая слабость, продолжал идти, чувствуя, что иначе может уснуть. С неба сеялась противная морось, серая и нудная. На площади Великого Кверкуса виднелась на фоне туч величественная фигура из камня в длинной рясе, в высокой фуражке с длинным козырьком. Обошел монумент вокруг, недолго посидел на громадной букве «я» выложенного на земле древнего лозунга: «Остается жить тот, кто умеет приспособливаться». Сладко зевнул и снова заставил себя встать. Тяжелый портфель оттягивал руку. В душе — ни единого желания, кроме неодолимого стремления — спать. Тянулись в голове вялые мысли о домашних делах, обязанностях и потребностях. Но хотелось лишь одного — поскорей до-

плестись до кровати и провалиться в царство блаженного забытья.

Поднялся лифтом на свой этаж, прежде чем позвонить, тронул ручку замка, и дверь открылась.

— Это ты? — донесся из кухни голос Дины.

Он пробурчал что-то невнятное, стараясь, однако, сохранить в голосе доброжелательные нотки, чтобы не рассердить жену. Ей нельзя сейчас волноваться, осталось уже недолго... Едва удержался, чтобы не отругать — опять не заперла двери, совсем не думает о собственной безопасности. В последнее время куцехвостые зашевелились, по квартирам, правда, не слышно, чтоб шастали, но кто знает, чего от них ждать можно, освоятся как следует да и начнут квартиры чистить.

— Закрывай скорее. Сквозняка!

— Да закрываю уже,— промямлил он и хвостом толкнул дверь.

Завр медленно разделся, повесил мокрую шляпу на вешалку, снял плащ. Споткнувшись о свой портфель, поставленный на пол, взял его и направился в кухню. Дина любила, как ему казалось, чтобы он вечером после работы посидел с нею, рассказывая новости, советуясь. Жена с серьезным видом выслушивала Завра, задумчиво кивала головой, то и дело перебивая его репликами, вроде: «Так-так, это ты правильно ему ответил, пусть знает, что у тебя свои убеждения, что ты и сам умеешь приспособливаться не хуже других». Ему давно надоел этот вечерний ритуал, но в то же время и привык к нему.

— Добрый вечер. Я сегодня так устал.

— Голоден?

— Нет... Но что-нибудь съел бы.

— Тебя ждет твой любимый омлет.

Завр наклонился и достал из портфеля коробочку с лекарством.

— Вот я принес для тебя... Это нужно... Говорят, это

лучшее средство, чтобы скорлупа яйца была крепкой, чтобы оно не разбилось во время...

— Ой, Завр, не говори об этом... мне нельзя волноваться. Доктор сказал, что я очень впечатлительная особа. Стоит мне только представить, как повезут мое яйцо, бросят его...

— Не бросят, а положат, моя дорогая, в теплый, стерильный песок.

— Ах, оставь... Как подумаю, мне становится дурно.

— Ну, прости, прости, больше не буду. Но этот препарат ты обязательно должна принимать. Мало ли что может случиться. Никогда не угадаешь, где подстерегает беда. Нужно ко всему получше подготовиться.

— Прошу тебя, замолчи! А лекарство давай, я приму его сейчас же. Спасибо!

— Внимательно прочитай инструкцию, там все написано... Ты такая красивая сегодня...

— Правда?

Завр утомленно смотрел из-под слипающихся век на Дину. Она была раздета. В помещении тепло, а гостей они не ждали. Вообще не любили гостей. Завр смотрел на ее стройное темно-зеленое тело, красивую, но, честно говоря, глупенькую головку на длинной грациозной шее, на короткий, но удивительно сильный, будто вылепленный и ограненный рукою мастера, хвост.

— Конечно, правда, моя дорогая. Разве я тебе когда-нибудь врал?

— За такое вранье я на тебя ни за что не обижусь.

— Вот и хорошо...— Завр сладко зевнул.— Как ты себя чувствуешь?

— Уже, наверно, скоро... Доктор сегодня сказал.

— Гордись, это твое... наше первое. Принимай лекарство, мне оно нелегко досталось.

Дина манерно прищурилась, склонила голову в наигранной задумчивости.

— Ты что-то говорила про омлет.

— Да-да. Прости,— она подошла к электроплите, раздраженно достала из духовки большую сковороду, поставила на стол.— Приятного аппетита.

— Спасибо.

Она медленно вышла из кухни, остановилась перед зеркалом в коридоре, с явным удовольствием осмотрела себя, потом, пройдя в гостиную, села на диван.

«Пускай Завр в одиночестве уплетает свой омлет. Как мне надоел этот омлет. Меня тошнит от одного этого слова. Какая гадость... А мужчинам только и подавай омлет. А он же из яиц... Конечно, нельзя быть такой впечатлительной, но как он может есть такую мерзость? И не вывернет же его наизнанку? Но я тоже должна приспособливаться и к своему идиотизму, и к его блажи...»

Дина раскрыла коробочку, проглотила одну таблетку, потом начала читать инструкцию. Вдруг она заверещала:

— За-авр?! Что ты мне принес? Как это понимать?! — вскочила и неуклюже засеменила на кухню.

— Что ты принес мне? Как это понимать? — Дина швырнула коробочку с лекарствами на стол, а листок инструкции ткнула под нос.

Завр спокойно пробежал глазами строчки плотного текста, затем усмехнулся:

— Ах, прости, моя дорогая, это я перепутал. Так устал сегодня. Это я сам принимаю. Прости.

Он протянул руку к портфелю и достал точно такую же коробочку:

— Вот, держи, это уже твои.

Дина сердито достала сразу две таблетки и кинула в рот, с обиженным видом села к столу и принялась изучать инструкцию. Наконец сказала заученно:

— Спасибо... Что нового на работе? Почему ты не рассказываешь?

— Круговерть обычная... — улыбнулся иронически.

«Моему идиотику нравится сидеть со мной после работы и философствовать. Если не выболтается, то не заснет, пожалуй. Все мужчины — большие дети. Ну, давай, давай, рассказывай, я тебя слушаю».

— Неужели нет новостей?

Выдержав паузу, Завр солидно произнес:

— Сегодня мне опять звонил Кверкус.

Дина настороженно замерла, но муж надолго замолчал, словно дремал с открытыми глазами.

— Да разве с твоим характером быть другом святого? — сторожко заметила Дина. — Ты никогда не станешь святым, — заявила со слезами в голосе.

— Напрасно ты так, — обиженно поднялся из-за стола Завр, налил в кружку узвара из большого графина, раздраженно отхлебнул. — Хочешь, откручу тебе сейчас голову, моя дорогая, и глазом не моргну. Ты меня просто не знаешь. И посмотри на мой хвост, его кончик уже совсем коричневый. Не зря я принимаю специальные... Короче, не все тебе нужно знать...

— Можешь открутить мне голову? Ты?! — Дина смотрела на него с чувством превосходства. — А как же тогда наше первое яйцо? Не ты ли хотел маленького?

— А без головы ты уже ничего не сможешь?

— Ты большой шутник, Заврик. Здоровья тебе полный короб!

— Благодарю, моя дорогая... — Он допил узвар, поставил кружку на стол. — А мне, к слову сказать, очень пошла бы форма святых. Но сейчас я должен немножко отдохнуть. Разбуди меня, пожалуйста, часика через...

— Хорошо, любимый, но прежде ты встрясешь ковер, потом сходишь в магазин, я скажу, что нужно купить, а потом можешь лечь, и я обещаю разбудить тебя... как только ты заснешь.

По небу с пронзительным воем пронеслись скоростные самолеты.

— А она и спрашивает: «Это вы ко мне обращаетесь или сами с собой разговариваете?» А бабуля как закричит: «Сама с собой? Обижаете! С чего бы это я сама с собой говорила?! Я вот с этим прекрасным молоденьким огурчиком беседую». Ох и комедия!

Профессор замолчал, будто окаменел на кафедре:

— Напрасно, уважаемые коллеги, некоторые из вас так привольно чувствуют себя на моих лекциях. Я даю много дополнительной информации, которой нет в ваших учебниках.

— Говорил тебе, тише надо... На экзаменах он нас погоняет. Давай попишем немного... Вон Андрей царапает, и головы не поднимает.

— Думаешь, он конспектирует? Чертиков рисует. У него отец сам профессор...

— Вот стерва, лопухий. И зачем такому умнику учиться? Вот Светка, моя землячка, ты ее видел, ладная деваха во всех отношениях, со мной поступала. На первом же сочинении и срезалась. А этот разумник...

— Не размахивай руками, давай послушаем, что там профессор гордит.

Морось прекратилась, но вечерние сумерки все равно были серыми. Тусклые фонари на столбах лишь оттеняли гнетущую тьму вечера. Завр со злостью накинул ковер на заборчик из тонких труб, начал неторопливо колотить по нему выбивалкой.

— Уф-ф... Поспишь тут, если хвост не протянешь... Уф-ф... Аж тошнит, как ее от моего омлета... Уф-ф... Скорее бы уж она свое яйцо... Уф-ф... Ты никогда, говорит, не будешь святым...

Завр оглянулся на кончик своего хвоста, но вокруг все, как и он сам, было серым.

— Уф-ф... А их форма мне к лицу... Уф-ф... Еще отец мне об этом говорил... Уф-ф... И форма головы у меня, как у святых...

— Привет, Завр! Ты это сам с собой разговариваешь?

Обернувшись, Завр увидел Эрга, сослуживца, с которым и жил по соседству.

— Это ты, Эрг? Привет.

— Семейный фронт не забудет своих героев,— язвительно осклабился Эрг.— Пыли не место в наших легких. Кто хочет получше приспособиться в жизни, прежде всего должен приспособиться к своей жене. Правильно поступаешь, Завр, только рановато — если бы среди ночи выбивал, все соседи по достоинству оценили бы твой труд...

— Помолчал бы...

— Молчание — это тишина, а тишина признак отсутствия движения, там же, где нет движения, как говорит наш Великий Кверкус, исчезает желание и необходимость приспособляться, а это уже потенциальная смерть. Не так ли, Завр?

Глаза Эрга в лучах фонаря светились розовым цветом.

— Философ...— вяло усмехнулся Завр.— Все равно от смерти никуда не денешься.

— Давай, Завр, я помогу тебе вытрясти этот красивый и дорогой ковер. Разомнусь малость. В толк не возьму — ты его бьешь или он тебя... Дорогая вещь. Давно приобрел?

— Это Дина...

— За твои деньги. Кто твоя Дина?

— Тебе-то что?

— Интересно просто, мы же с тобой работаем вместе, да и живем рядом.

— Сейчас она дома сидит. Мы отважились маленького завести. Вынашивает. А работала дежурной в конторе Пора.

— Не шибко, дружок, а коврики вон какие покупает...

— Это отец ее когда-то...— сердито перебил его Завр. А Эрг распалился, размахивал руками, а хвостом от волнения выбивал на дороге барабанную дробь.

— Чего ты нервничаешь?

— А ты всегда спокоен? Тебе, вижу, в пору святым

быть — образцовое спокойствие и самообладание. У тебя идиллия? Знаю я эти идиллии!

— Оставь меня в покое, Эрг. Мы с тобою не лучше их.

— Что? Дурной ты! Детей просто жалы! У меня их трое!

— Я понимаю тебя... Наши жены малость тщедушны...

— Что? Пошел ты ко всем чертям, если так думаешь! Это слабость хищника, паразита! Это тщедушность гангстера!

— Послушай, Эрг, чего ты так горячишься?.. Захотел помочь мне — спасибо. А я давай помогу тебе отнести домой твою огромную сумку. И... разреши мне немного поспать в твоем кабинете... Ладно? А ты можешь отдохнуть у меня. Я сегодня ужасно устал...

— Устал оттого, что не знаешь, зачем живешь, — уже спокойнее пробурчал Эрг.

— А ты знаешь?

— Знаю... Но, понимаешь ли, всему этому никак не подберу словесного выражения... Знаешь, почему солнце всходит и светит, к чему каждый твой шаг, а потом вдруг вроде бы ничего не знаешь... Понимаешь меня? — Голос Эрга стал удивительно умиленным, даже не верилось, что минуту назад он раздраженно кричал.

— Понимаю... Так можно я отдохну у тебя?

Эрг посмотрел на Завра сосредоточенно и ответил, чеканя каждое слово:

— Не советую. Твоя вынашивает, ей нужен абсолютный покой. Да и меня ждут дома, — и похлопал фамиллярно Завра по шее.

Завр смотрел вслед Эргу, растворявшемуся в сумерках, и стало ему очень грустно, и не имела та грусть никакого словесного выражения. И показалось ему вдруг, что он уменьшился, совсем на немножко, но уменьшился,

и чувство это обрадовало его, припомнились крылатые слова Кверкуса Девятнадцатого: «Каждый наш шаг приспособления приводит к совершенству и, следовательно, должен приводить к нашему измельчанию. Это должно нас только радовать. Будущее — перед мелкими видами. Даже если мы станем мыслящими блошками, мы будем жить, а другие исчезнут. Большими в этом мире могут быть только самолеты и танки. Наши самолеты и танки!»

3

— Послушайте, уважаемые коллеги: святой Макарий сказал однажды: «Дьявол, мне досадно, что не могу одолеть тебя. Я все делаю, что и ты делаешь. Ты постишься, и я не ем. Ты не спишь, и я глаз не смыкаю. В одном лишь я уступаю тебе — в покорности».

— Давай, пиши, а не то на экзаменах он тебе...

— Обойдусь без его святого Макария. Жаль, что Светка не поступила. Сидели бы сейчас рядом...

— Она, видать, глупа как пробка, твоя Светка.

— Сам ты дурной. Такая красивая девка, просто куколка.

Святой Ракамель с детства имел коричневый оттенок тела. Но этим утром он был практически черным. Он с удовольствием укрылся бы еще одной черной рясой, чтобы никто не видел его в тяжелом похмелье, проспался бы и выдохнул святое бесовское зелье, но вынужден бодриться. В этот день он дежурил.

Тревожно зазвенел телефон. Святой Ракамель от неожиданности испуганно вздрогнул, поднял трубку:

— Слушаю вас.

В трубке слышалось лишь взволнованное дыхание.

— Святой Ракамель слушает! — повторил сердито и хотел уже бросить трубку, дрожавшую в руке возле уха, но звонивший отозвался.

— Вас беспокоит Триста седьмой Завр. Мне хотелось бы с вами поговорить.

— Со мной лично? Может, не сегодня?

— Если можно — сегодня. Не по телефону.

— Приезжайте, — вздохнул святой Ракамель. — Вы знаете наш адрес?

— Спасибо, знаю.

Положив трубку, святой Ракамель щелкнул тумблером, включающим связь с охраной ворот, и хрипло выдавил из себя: «Сейчас придет ко мне Триста седьмой Завр. Проверьте личность. Если все в порядке — обыскать и пропустить». Потом он тряхнул головой, стараясь прогнать тяжесть похмелья, но только сморщился болезненно, показалось, что голова сейчас треснет. Машинально поправил под рясой тяжелый «ватер» в кобуре. Прикосновение к оружию вроде бы помогло, голова стала меньше болеть, а тело взбодрилось — движения стали увереннее.

Когда Завр открыл двери, святой Ракамель сладко зевал.

— Приветствую вас, сын мой. Садитесь. Я сегодня едва держусь на ногах — всю ночь воздавал молитвы, просил Творца нашего не отречься от нас... Садитесь же. Я слушаю вас.

Завр сел к столу напротив святого Ракамеля, мгновение помолчал, разглядывая золотистую канитель вышивки на рясе: «С нами наш Творец!»

— Я начну сразу о деле... Прежде всего, простите великодушно, святой Ракамель, за бесцеремонное вторжение...

— Проще, сын мой, без лишних церемоний, — проворчал Ракамель и, скрестив руки на животе, вновь почувствовал приятную твердость «ватера».

— Меня приглашали к вам... Мне хотелось бы уточнить некоторые подробности... А впрочем, я пришел сказать, что...

— Кто вас приглашал, сын мой? — перебил Ракамель.

— Наш Великий Кверкус!

— Вот как? Этот факт говорит сам за себя. Но, простите мое любопытство, за какие святые дела наш Великий Кверкус решил обратиться именно к вам?

— Великий Кверкус знает меня очень давно. Они с моим отцом вместе учились...

— Понимаю... Простите... Так какие подробности вас интересуют? Впрочем, точнее об этом может ответить только наш Великий Кверкус. Надеюсь, я могу спросить: достаточно ли сильно в вашей душе желание посвятить себя святому делу борьбы с куцехвостыми колдунами?

— Можете во мне не сомневаться. А когда я смогу встретиться с самим святым Кверкусом?

— Через три часа он будет в своей келье-кабинете.

— Благодарствую. Я зайду через три часа.

Святой Ракамель облегченно вздохнул, оставшись один.

4

— Иван Петрович, я где-то читал, что один венский епископ — Гаспар Нейбек, в церкви святой Варвары изгнал из шестнадцатилетней девицы 12 652 черта. Говорят, протокол этого чуда, подписанный самим прелатом, сохранился в венских архивах.

— Да, коллега, если не ошибаюсь, именно этому епископу принадлежат слова: «Величайший грех — это отсутствие грехов». Меня весьма радует, что вы многим интересуетесь, много читаете... В какой группе вы обучаетесь?

— Вот зануда этот Андрей, профессора перебивает, нахал. Моя Светка никогда бы этого себе не позволила.

— Рад вас видеть. Садитесь, сын мой. Очень приятно, что я не ошибся в вас. Говорят, что вы начали коричневеть? Покажите-ка мне. Верно. Совершенно коричневый кончик хвоста. Очень приятно. Но, скажу вам откровенно, он у вас был почти коричневым с самого детства, а ныне... Я подозреваю... простите, поздравляю вас. Поверьте, мне очень приятно. Но разве мог я ошибиться?

Мы с вашими покойными мамой и папой были настоящими друзьями. Я тоже был когда-то зеленым. Может, помните?..— Кверкус неудержимо, хотя и наигранно, рассмеялся. Завра несколько насторожила и в то же время расслабила простота и такая непосредственность Великого Повелителя Империи.— А вы были любопытным, трогательным ребенком. Вы просто не имели права не покоричневеть в конце концов...

— Я и вправду могу надеяться стать святым? И смогу влиться в когорту совершеннейших приспособленцев? Правда? Благодарствую. Но...

— Понимаю вас. Я сам превыше всего предпочитаю конкретность. Вы сейчас работаете в конторе Филапора? Не так ли?

— Так. Экономист в конторе Филапора.

— Прекрасно.— Повелитель Империи крутнулся на вертящемся мягком стульчике, замер на мгновение, окинул взглядом полочки картотеки, привычным движением выхватил небольшой бланк.— Так. Прекрасно. У вас большой штат. И очень много куцехвостых колдунов среди ваших конторщиков.

— Среди наших божьих одуванчиков?

— Погодите, святой дружок... Да-да, уже святой... Но, вижу, вы еще не все понимаете, не все чувствуете... Свою работу следует любить каждой клеточкой... Слушайте внимательно. Существуют потенциальные колдуны. А они, святой Завр, намного коварнее и для Империи опаснее явных, известных нам. Именно этих скрытых врагов нужно бояться прежде всего и выявлять их во славу Творца нашего. Кажущееся отсутствие грехов, мой святой друг, и является величайшим грехом. Настоящему динозавру нет надобности скрывать свои святые грехи.

— Но среди наших...

— Не может быть никаких «но», мой друг. Повторяю еще раз. Вы среди святых не случайный динозавр, и я

не стану тратить время на излишнее мудрствование. Хочу заверить вас, что святой Ракамель, имея он такое право, находил бы куцехвостых среди ваших сотрудников, пока оставалась бы там хоть одна живая душа. Вы меня понимаете, надеюсь? Но святому Ракамелю такого права никто никогда не даст. У него нет чувства меры. Он слишком любит свою работу. И святую воду. Ради нее он готов работать до посинения. Он слишком предан святому делу. Надеюсь, вас не удивляют мои слова. Я не сомневаюсь в вашей преданности и не имею оснований считать вас святым дурнем.

— Благодарствую. Очень признателен за доверие. А как вы оцените мою предстоящую работу?

— Такие конкретные вопросы мне всегда нравились. Три сотни в месяц. Для начала. А там — посмотрим. О подробностях и секретах работы будет полезно поговорить немного погодя, когда вы, как говорится, малость расправите крылья и приобретете собственный опыт.

5

— Иван Петрович, простите, как вы думаете, могли ли динозавры эволюционизировать до уровня высокоорганизованных существ?

— Что вы имеете в виду, коллега?

— Динозавры в процессе эволюции могли бы приспособиться к новым условиям, стать значительно мельче, а не такими великанами, могли бы сравняться с новоиспеченными на нашей планете млекопитающими не только в размерах тела, но и по уровню организации?

— Вы, должно быть, знаете, уважаемый коллега, что одним из факторов исчезновения третьей части фауны мелового периода, по австралийскому палеонтологу Тэниусу, и является появление млекопитающих, которые пожирали яйца своих эволюционных предшественников. К слову сказать, динозавры в действительности приспособлялись. По материалам того же Тэниуса, еще один из факторов исчезновения динозавров — создание слишком толстой скорлупы яиц, ее не могли разгрызть млекопитающие, но не могли проклюнуть и дети динозавров...

— Это примитивное приспособливание. А как вы думаете, про-

фессор, могли ли динозавры дорасти до такого уровня... Одним словом, я имею в виду цивилизацию...

— Сложно ответить на этот вопрос. Законы природы порой жестоки и непостижимы...— Профессор великодушно усмехнулся.— Впрочем, и такой вариант эволюции теоретически возможен...

— Этот Андрей глуп, как мой племянник Кирилка. Сует всюду свой нос, как малыш... Как-то приехал к нам мой дядька, старый авиатор, а Кирилка и пристал: «Ты взаправду летчик? А на каких ты машинах летал?» Тот отвечает: «Я на всех машинах летал. Почти на всех, которые есть».— «А на тракторе ты летал?» Дядька хохочет, за живот хватается. А Кирилка говорит: «Давай играть?» —

— «А как мы будем играть?».— «Давай во всем мешать друг другу. Знаешь, как интересно будет!» Профессор свое долдонит, а этот кадр перебивает.

— Как ты себя чувствуешь, моя дорогая?

— Разве не видишь, что мне плохо?

— Дозревает?

«Если бы я не понимала, что он ни в чем не виноват. Завр просто не понимает меня, не чувствует. Просто не способен. Никто из них не способен чувствовать нас. Но и мы не понимаем их. Закон природы?»

— Дозревает.

— Я не слышу в твоём голосе трепетной радости материнства, моя дорогая. Я шучу.

— Ты просто плохо слушаешь. Или ты оглох совсем, мой дорогой? Тоже шучу.

— Меня радует, что ты сегодня в хорошем настроении. Кстати, отныне можешь считать меня святым.

— Сколько же мы получим за твою святость? — сразу же спросила Дина.

— Для начала три сотни в месяц...

— За триста вообще-то стоит и попробовать... А куцехвостые тебя не съедят? — спросила Дина и подумала: «Все равно дурнем и остался. Что за святой из тебя?»

— Не волнуйся... И прошу тебя не переводить все на сотни... Сейчас очень трудные времена. Мы с тобою должны быть уверены не только в своем завтрашнем дне, но и в будущем наших маленьких. Да и внуков хо-

телось бы увидеть. Не правда ли, моя дорогая?

— Правда, мой дорогой.

«Все равно ты — несусветный дурак». — И ты думаешь, святые помогут тебе внуков увидеть?

Завр неожиданно вспыхнул:

— Я не понимаю тебя! Ты что — слепая?

— Но, слава Творцу, и не святая.

— Подумай, моя дорогая, о жизни вообще, а не только о нас. Ты же прекрасно знаешь, что творится в последние годы. Вылупляются дети без хвостов, какие-то чудища. И появляются некие субъектики, которые не боятся нарушать заведенный нами порядок, выдумывают всяческие теории, подрывают веру в наш основной принцип — Принцип Активного Приспособления. Они порождают смятение и хаос в душах верноподданных. И мы все, понимаешь — все обязаны бороться с этим коварным явлением.

— За триста в месяц многого не сделать, — пробурчала Дина.

— Конечно. Хотя для начала это не так уж и мало. Но ты хорошо сказала: чтобы по-настоящему бороться, нужно борцам за святые идеалы и платить по-настоящему.

«Сегодня же позвоню Великому Кверкусу и посоветую ему малость охладить моего — уже святого — дурня, пусть не думает, что ухватил Творца за бороду. Неужели то, что его отец когда-то учился вместе с Великим Кверкусом, означает больше, чем... яйцо мое от Святого Великого Сорок Первого Кверкуса...»

6

— Каждая научная теория, новая мысль обречена, к сожалению, на сложный путь утверждения, мои уважаемые друзья. Все истинное тяжело пробивает себе дорогу, и лишь невежество спокойно, с ленцой царило на протяжении тысячелетий человеческой истории. По этому поводу хочу напомнить: немногим более, чем столетие отделяет нас от тех времен, когда в общегосударственных

масштабах писалось следующее: «Кто колдуна подкупит или же склонит его к тому, чтобы он кому-то зло учинил, тот понесет кару, как и сам колдун». Вы понимаете меня, коллеги? Я имею в виду совсем недавнюю беспросветность человеческой глупости, суеверий, невежества. О каком же истинном понимании мира, его закономерностей можно говорить, если психология людей находилась на таком уровне?

— Светка моя говорит, что будет ждать... Врачом, говорит, приедешь...

— И моя лепетала то же самое, когда меня в армию призвали. Через полгода замуж выскочила, даже письма перестала писать. А когда я приехал, ее дочке уже полтора года...

— Светка дождется... Врачом, говорит, приедешь...

— О, как я рада, Дана, что ты пришла, что вы пришли. Привет Хобр!

— А ты все цветешь, Дина.

— Шутите... Спасибо, но я теперь такая страшная...

— Садитесь к столу. Рад тебя видеть, Хобр. Вас с Даной рад видеть.

«Интересно, что их привело вдруг к нам, Хобра с Даной? Конечно же, не простое желание посидеть за вечерним столом. Хотя сегодня и выходной, но за те годы, что живем рядом с ними, было столько выходных, а тут вдруг вспыхнули симпатией.. Посмотрим...»

— Как ты себя чувствуешь, Диночка? Ты прекрасно выглядишь. Какая ты счастливая. И я когда-то была такой. Пошли, пошепчемся на кухне, не будем мешать нашим славным динозаврам по-соседски пообщаться, не будем обременять их своим обществом.

— Принесите что-нибудь закусить, а святые капельки у нас найдутся,— и торжественно достал из кармана большую плоскую бутылку.— Садимся, Завр. Я впервые в твоём жилище. Уж извини, что так получилось... Но, сам понимаешь, у тебя заботы и у меня... Давай-ка капельку святой отпробуем. Со святым грех святой не выпить. Это правда, что ты святым стал?

— Да, правда.

— Я рад за тебя. Я всегда чувствовал, Завр, что

в тебе есть высшее начало. Всегда чувствовал твою святость. Верил в тебя. Поздравляю. Давай по капельке.— Его зеленоватая десница немного дрожала, и Хобр, стараясь скрыть эту дрожь, беззаботно улыбался и болтал, болтал: — Я искренне рад за тебя. Среди всех моих друзей и знакомых ты — единственный святой. Это величайшая ответственность. Ты молодец. Рад за тебя. Я чувствовал, что так и произойдет. Могу только позавидовать. Я никогда не смог бы стать святым.

— Напрасно ты так, Хобр... Стоит только захотеть... Впрочем, я мог бы посодействовать...

— Ты серьезно думаешь, что из меня мог бы выйти святой? — Хобр развязно рассмеялся.— Спасибо, что ты обо мне так хорошо думаешь. Давай еще малость... Хочу тебе кое-что предложить, друг. Я, к сожалению, очень плохо разбираюсь в святых делах, но сейчас вокруг столько болтают о колдунах, что и я хочу внести свой вклад... Дело-то общее... Я понимаю, что мне далеко до твоего святого понимания, но осмелюсь посоветовать тебе... Я говорю о Криле. Уверен, что ты и сам о нем думал, ведь то, что он за штучка, все видят. Уже давно пора развенчать его колдовство...

— Ты о Криле?

— Конечно.

— Так это, кажется, твой начальник?

— Да, к сожалению, мой начальник. Но что я могу поделаться, если он перешел все границы... Мне его очень жаль, как живому жаль живого. Но его поведение давно... Да что я тебе говорю, ты и сам все знаешь, сам чувствуешь... Знаешь, как-то случайно приобрел я одну брошюрку: «Колдовство, его сущность и методы борьбы с ним», в популярном изложении. Очень интересно написано. Прочитал я ее и сразу о Криле подумал. Как будто о нем написано. Сам посуди — принципиально спокойный, малословный, замкнутый, святой воды и в рот не берет, не курит, много читает и подбивает к этому других... Ты представляешь, что у него в душе творится?

Представляешь, как он нас всех ненавидит? Не говорю уже о святых. Ему даже разговаривать с нами не хочется: Колдует себе потихоньку, а может, и не потихоньку. Но это уже вам разбираться.

— Криль — дисциплинированный и грамотный... Но, безусловно, что-то есть в нем отталкивающее. Однако кто сможет его достойно заменить?

— Я уже двадцать лет работаю в нашей конторе. И если нужно, заменю Криля. Говорю это с полной ответственностью. И могу обещать, что буду образцовым работником, и колдовать никогда не стану. Давай еще чуток?

— Давай, святое дело.

«Хочешь красиво съесть своего начальника? Ладно, пусть будет по-твоему. Но ты глубоко ошибаешься, что никогда не будешь колдовать! Следующий колдун из нашей конторы — это ты, Хобр! И обещает это тебе святой Завр. Не понравился ты мне, друг. Значит, станешь, рано или поздно, колдуном».

7

— Каноник Лоос в свое время говорил: «Борьба с ведьмами — это новая алхимия, это искусство превращать человеческую кровь в золото». Так можете себе представить, дорогие коллеги, на каком уровне развития находились наука и искусство того времени.

— Но не было ни водородной, ни нейтронной бомбы, не было трагедии Хиросимы и Нагасаки, — пробурчал кто-то из первых рядов, профессор вскинул взгляд на лопоухого студента, но тот неподвижно склонился над конспектом и что-то быстро-быстро писал.

— Да, я понимаю вашу мысль. Современные средства массового уничтожения людей ужасней методов инквизиции... Но, дорогие коллеги, надеюсь, ни у кого из вас не вызывает сомнения то, что развитие науки, прогресс научно-технической революции, социальное развитие человечества, я бы сказал, гражданское возмужание нашей планеты неизбежно приведут к окончательной победе идей гуманизма, коллективизма. Современные наука и техника — величайшая сила, и каждый житель нашей планеты не может не стремиться к тому, чтобы эта сила пребывала в добрых и порядочных руках...

И вдруг пронзительный девичий визг рассек тишину большой аудитории. Студентка в розовом платье в паническом страхе вскочила во весь рост на сиденье, кричала, стараясь что-то сказать, наконец замолкла, застыла как парализованная и лишь шептала, плотно зажмурив глаза:

— Динозавр... Маленький динозавр, маленький динозавр...

А паренек, сидевший рядом с ней, посмотрел на пол и рассмеялся:

— Правда! Маленький динозавр! — решительно наклонился и взял на ладонь небольшое зеленоватое существо.

Студентка в розовом платье приоткрыла один глаз, потом второй и с любопытством смотрела.

— Да это же простая ящерка, — сказал кто-то. Вокруг зеленого прищельца сгрудились студенты, каждый старался протиснуться вперед.

— Ничего себе ящерка! На задних лапках ходит. Где ты видал ящерку, что на задних лапах ходит?

— Чудеса, да и только... И не боится. Оглядывается спокойно по сторонам...

К студентам подошел и профессор. Все предупредительно расступились, давая ему дорогу. Следом за профессором испуганно пробиwлся лопоухий студент.

— Действительно, это обыкновенная ящерица, — удивленно констатировал профессор. — Но почему она ходит на задних лапах?

— Это я ее научил. Простите. Это моя ящерка. В моем портфеле для нее... для него — жилье. На этот раз он без разрешения вышел немного погулять... Простите его... меня то есть, пожалуйста.

— Он у тебя, может, и разговаривать умеет? — съязвил профессор.

— Умеет, — виновато признался лопоухий. — Я немного научил.

Великий Кверкус приходил в свою служебную келью всегда очень рано, прежде всех, но запирался, садился на табурет у самых дверей и читал святую книгу, общался к высшим святым таинствам, и одновременно внимательно слушал, что происходит за дверями. Приходили рядовые святые, а наисвятейший слушал, о чем они говорили — о жизни, своих делах, а порой и о нем, о Великом Кверкусе. Это было интересно. И очень полезно. Он всегда удивлял своих подчиненных величиим своей духовной силы, пророческим талантом, умением читать мысли окружающих.

В то утро святой Кверкус по обыкновению умиротворенно сидел со святой книжкой в руках и, прикрыв гла-

за, прислушивался к происходящему вне его кельи. Но, к его удивлению, все было тихо, святые молча разошлись, никто не выходил даже покурить. Кверкус едва не задремал. Вдруг кто-то решительно постучал. Он вскочил, отодвинул табурет, положил святую книгу на полку и машинально открыл двери. Успел лишь подумать, что делает глупость, большую глупость, которая может пролить свет на источник его духовной силы и основу его пророчеств. Однако было уже поздно. Оставалось принять самоотреченный ото всего суетного вид, с маской святого благообразия на лице.

На пороге стоял святой Завр.

— Доброе утро, Великий Кверкус,— Завр почтительно склонил голову.

— Доброе утро, сын мой. Заходи. Как ты узнал, что я сейчас здесь? — спросил строго, сдерживая удивление и недовольство.

Завр озабоченно посмотрел на часы и рассудительно ответил:

— А где же вам быть? Рабочее время...— Завр встретился взглядом с Кверкусом. Великий Святой едва скрывал высокомерную, снисходительную улыбку.— И какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что вы сейчас у себя.

— Хм, внутреннее чувство — это прекрасно. Это уже кое о чем говорит, сын мой. Садись. Слушаю тебя.

Завр с деланным спокойствием, как по привычке, положил на стол папку с бумагами, продолжая стоять.

— Вот здесь,— произнес важно после небольшой паузы,— материалы обвинения в колдовстве сотрудника конторы — Криля 112-го. Это первый избобличенный мною колдун, поэтому очень прошу вас лично просмотреть собранные мной материалы. Мне не хотелось бы ошибиться.

— Понимаю тебя, сын мой. Садись. Как жена?

— Спасибо...

— Мне кажется, она вынашивает ваше первое яйцо?

- Да. Вы все знаете, Великий Кверкус!
- Как она чувствует себя, сын мой?
- Все хорошо. Все должно быть хорошо.

— Я надеюсь. Большая ответственность ложится на тебя, сын мой. С появлением на свет нового существа, нового святого существа! Пусть тебя не удивляет, что я называю твоего еще не рожденного наследника святым. Дети святых должны быть святыми.

— Да...

— Я рад твоей сообразительности, рад, что имеешь развитое внутреннее чувство, сын мой. Так, говоришь, Дина хорошо себя чувствует?

— Мне кажется, она чувствует себя так, как и любое здоровое существо в ее положении.

— Прекрасно. Я рад за вас. И особенно за тебя, сын мой. Скоро ты станешь счастливым отцом. Это большая ответственность. И большая радость.

— Материалы на Криля 112-го я собирал и готовил очень усердно, пусть вас не удивляет такой короткий срок. Несмотря на то, что я управился за три дня, работа проделана огромная...— попытался вернуть разговор к начатой им теме Завр.

— Да-да, я сам просмотрю твои материалы и подпишу приговор.— Кверкус положил свою зеленовато-коричневую руку на папку, любовно погладил ее с садистским блеском в глазах.— Но прежде хочу сказать несколько напутственных слов, сын мой. Несложно выявить колдуна, а вот чтобы изобличить его красиво, профессионально, вдохновенно, святой должен приобрести определенное мастерство. Для этого нужно как можно больше знать окружающих. А ты своих сослуживцев, должно быть, знаешь как самого себя? Ладно, давай-ка посмотрим, что ты принес мне для начала, сын мой. Так... Прекрасно... Копия фотографии маленького Криля... Сколько ему здесь?

— Семь месяцев.

— Так, вижу, здесь написано. Очень интересно...

Форма головы, вне всяких сомнений, присущая колдунам. У взрослого Криля это почти незаметно, а на детской фотографии... Молодец. Это прекрасно, что ты приобщил фотографию к делу. Так, далее идет запись разговора с первой женой Криля, она называет его идиотом, ну это неинтересно, потом она говорит о его болезненной потребности уединяться, хотя бы в туалете, а это, пожалуй, определенный симптом... Впрочем, мой друг, форма головы свидетельствует обо всем. Это твоя находка. Не у каждого остаются фотографии детских лет и не каждый держит их так, чтобы кто-то мог увидеть и даже переснять их. Как это тебе удалось?

— Мне помог один работник нашей конторы. Хобр.

— О, слышал о нем. Старый пройдоха. Почти святое создание. Из-под земли любые доказательства достанет. И недорого за них возьмет.

— Он хочет занять место Криля.

— А что ж, Хобр давно заслужил. Нужно будет помолиться за него, наш Великий Творец должен ему помочь, если услышит наши молитвы.

Завр удивленно и пристыженно потупился. Оказывается, Кверкус хорошо знает и уважает Хобра. Что ж, колдуном Хобру не судилось стать. Странно. И очень досадно. Хобр явно отвратительный тип.

— Так, что тут у тебя дальше... Молодец, сын мой... Все по нашим обычным схемам, ты прекрасно чувствуешь специфику нашей святой работы... Неопровержимые доказательства причастности Криля к колдовскому, короткохвостому племени. Молодец, Завр. Прекрасное начало. Я не ошибся в тебе. С легкой душой и без всяческих колебаний я при тебе и подписываю приговор. Сожжение его, этого колдуна, назначаю через семь дней на Празднике Бессмертного Зуя. Вот и все. Число. Подпись. Печать. Давай же отметим твой первый успех несколькими глотками святой воды.

— Признателен за высокую оценку моей работы, Ве-

ликий Кверкус. Вы вдохновили меня. Вы привлекли меня к святому делу.

— Это верно, — с чувством превосходства улыбнулся Кверкус. — Кстати, скажи мне... — Кверкус поставил на стол два бокала, наполнил их из граненой бутылки, сам сразу же выпил и налил себе еще. — Скажи мне откровенно, тебе жаль этого Криля?

Завр удивленно поднял взгляд.

— Не понимаю вас.

— Понимаешь.

— Нет. Не понимаю, — упрямо, с напряжением повторил Завр.

— Выпей. И не становись в позу святого дурня, хватит с меня святого Ракамеля, — Кверкус приветливо улыбнулся. — Так жаль тебе Криля?

Завр в растерянности молчал.

— Твое молчание мне понятнее слов, — продолжал Кверкус. — Ты не можешь не жалеть его... Извини за нескладность сказанного... Не можешь, по крайней мере потому, что он первый колдун, выявленный тобой. Я скажу еще несколько напутственных слов, чтобы ты лучше понял и меня, и себя, и наше святое дело. Вне сомнения, как живые живому — пока живому — мы не можем не сочувствовать уважаемому Крилю, и не можем не понимать, что он мог бы просуществовать без каких-либо приключений до глубокой старости и умереть в славе и достатке. Но... мы не можем не знать того, что каждая существующая живая структура должна обновляться, очищаться и бороться. Одним словом — приспособляться. И не только внутренности должно освобождать живое существо каждое утро. Иначе наступит внутреннее гниение. Ускорится смерть. Ведьмы и колдуны, особы, замыкающиеся в себе, которые отмежевываются от мира, губят святую энергию святых созданий, переливают ее из пустого в порожнее, это отбросы, от которых должно освобождаться каждое поколение динозавров. Они мешают нам становиться мельче. И ска-

жем проще и откровеннее, сын мой, если бы их не было, то и святые не нужны были бы... Это наша работа, наша форма святого развития, наша жизнь. Без колдунов я не представляю своего существования. Я люблю их. Так, как ты любишь свой омлет, сын мой.

— Вы и об этом знаете?

— «Знаю» — это не то слово... Я просто читаю мысли и движения души... Это приходит с возрастом, сын мой. Понимаешь? Я люблю колдунов всех сразу и по отдельности. И мне, безусловно, очень жаль их. Я сочувствую каждому колдуну так, как живой может сочувствовать живому. И ты, сын мой, не утрать этой способности. Иначе жизнь твоя станет пресной, неинтересной, и даже противной, ибо только любовь освещает существование животворными святыми лучами. Вспомни, сын мой, свой любимый омлет, и подумай о тех яйцах, из которых он сделан... Ну? Ведь от этого ты не перестанешь любить омлет? — Кверкус сдержанно засмеялся, налил себе еще бокал, медленно выпил. — Это одна из мудростей активного приспособления.

— Я начинаю понимать вас... Спасибо за эти слова. Большое спасибо. Вы меня утвердили в том, о чем я смутно догадывался.

«Молодец этот Завр. Отчего это Дине взбрело в голову, что его нужно приструнить? Дьявольское наваждение? Радовалась бы, что нас двое у нее. А он — молодец. Станет настоящим святым».

8

— Хочу вам сказать, уважаемые коллеги, что о тех, кто сомневался в реальности существования ведьм и волшебства или кто осмеливался разоблачить обман, о тех говорили однозначно: «Находится под влиянием злого духа и заслуживает либо вечного заключения, либо смертной казни». И несомненно, мы можем не только догадываться, но и хорошо понять, в каком состоянии и в каком страхе жили прежде ученые, которые способны были постичь или хотя бы почувствовать всю глубину духовной пустоты и воинственного безумства..

- Интересно, как это Андрей сумел ящерку приручить.
- И придет же такое в голову!
- А может, он — чужак с приветом, как говорит моя Светка.
- Додуматься только ящерку приручить. Циркач. И зачем ему этот институт. Приезжал бы ко мне домой, там у нас в яру ящерки таких на всю жизнь хватит.

Завр позвонил и стоял спокойно и сосредоточенно, будто пришел не домой, а по крайней мере на заседание. Дина, бледная и испуганная, открыла ему. Но Завр не заметил ее состояния сразу. Похлопал жену по плечу и заговорил самодовольно:

— Можешь меня поздравить... А еще говорила, что из меня никуда не годный святой... Оказалось — прекрасный. Сегодня меня повысили в моей святости, моя дорогая.

«Последняя свинья этот Кверкус после этого. Будто я его не просила. Пообещал же... А теперь идиот мой вообще нос задерет...» — подумала было Дина, но вспомнила о снесенном яйце.

— Ты ничего не замечаешь?

— Что ты говоришь, моя дорогая?

— Неужели не замечаешь, что я немного похудела?! — истерично закричала Дина.

Завр удивленно и испуганно молчал. Наконец сообщил, о чем Дина говорит.

— Где оно? Ты вызвала машину?

— Не ждать же, пока ты меня надоумишь!

— Где оно! Покажи мне! — Он нежно обнял ее длинную и красивую зеленоватую шею. — Ты не забыла подогреть песок?

— Как ты мне надоед своим занудством. Не забывай подогревать свои лапы перед сном. А о своем... нашем яйце я как-нибудь и сама позабочусь.

— Где оно?! Покажи! — ринулся Завр в свою комнату. Дина рассмеялась ему вслед.

— Ты где ищешь? У себя в комнате? Уж не ты ли собирався снести яйцо?..

Завр нервно сбросил с ног обувь, заскочил в комнату Дины. Мягкий оранжевый свет от торшера падал на колыбельку с мелким (мельчайшим, какой только сумел достать Завр) песком, подогреваемым современнейшим устройством.

Завр долго, сосредоточенно, с гордым видом всматривался в очертания коричневого яйца в оранжевом нимбе.

— Так говоришь, машину ты вызвала?

Дина промолчала, презрительно взглянув на Завра.

— А яйцо коричневое! — тщеславно изрек тот. — Ты, надеюсь, обратила внимание на это? Наше... мое яйцо — коричневое! И скорлупа, я уверен, достаточно толстая, прочная. Безусловно, из нашего маленького вырастет настоящий приспособленец.

9

— Американский писатель Юджин О'Нил утверждал, что человека, который стремится лишь к тому, что может быть осуществлено, следует наказывать исполнением его желаний. Вдумайтесь в эти слова, коллеги. Большинство из вас — будущие научные работники, самоотверженные и храбрые искатели нового, борцы за все новое, вы должны, обязаны жаждать и устремляться в фантастические дали, должны ставить перед собой заманчивые и прекрасные цели, и только тогда жизнь ваша станет по-настоящему насыщенной смыслом...

— Прочь оптимистов! Из-за них жизнь становится безнадежной штукой, — произнес как бы про себя, но достаточно громко лопухий студент. — Это тоже сказал О'Нил.

— Да-да, уважаемый коллега, но в последний раз прошу вас не мешать мне, не разбрызгивайте свою эрудицию... Так на чем я остановился? Да, лишь тогда ваша жизнь станет по-настоящему насыщена смыслом и...

— Здорово он его отбрил! Говорит, не разбрызгивайте свою эрудицию. Вот моя Светка смеялась бы, услышав это.

Когда машина отъехала от дома, Дина долго еще стояла на балконе, всматриваясь в даль магистрали, где исчез санитарный транспорт.

— Заходи в комнату. Простудишься, — буркнул Завр

и сам тут же понял, что мелет вздор, на улице тихо, безветренно, дышать нечем. И в ответ готов был услышать что-нибудь дерзкое, но Дина обернулась к нему с улыбкой, ласково положила руку на плечо и до удивления кротко заговорила:

— Заврик, вот и мое первое... наше первое яйцо. Ты скоро станешь отцом. Ты рад? Счастлив?

— Да, моя радость. Я очень счастлив.— Завр чувствовал, что в его голосе мало радостных ноток, и внутренне приготовился выслушать Динины упреки и оскорбления, но она сказала:

— Спасибо, Заврик... Я так рада. За нас рада.

— Жаль, что нам нельзя было поехать вместе,— в тон ей ответил Завр.

— Ты же святой. Теперь тебе все можно,— кротко заметила она.— Ты еще не привык... Но я не обижаюсь на тебя. Но только неприятно, что они так небрежно обращались с нашим яйцом, как с чем-то неодухотворенным.

— Они знают свое дело...

— Хочется верить, Заврик... Но не забывай, что ты уже святой... Ты должен позаботиться.

— Думаю, все будет хорошо. Нужно молиться.

— И все же обидно, они такие грубые, бесцеремонные и бездушные...

— Это их работа, моя дорогая,— рассудительно произнес Завр.— Это для тебя наше яйцо необычайно, а им все равно — твое или еще чье-то... Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, Заврик. Пошли посмотрим телевизор, мы так давно не сидели вместе перед телевизором. Или, может, сначала поужинаем?

— Правда, хочется есть.

— Сейчас будет твой любимый омлет.

— Действительно, любимый. У нас в роду все любили омлет — и мой отец, и дед. Ты такая красивая сейчас.

— Спасибо. Ты тоже красивый. Сегодня звонила моя мама. Она никак не может успокоиться, как это можно отдать собственное яйцо в инкубатор. Она говорит: «Я тебя сама в теплом песочке на берегу Тире под солнышком переворачивала». Мама говорит, что я была прежде очень некрасивая, кривоногая и крикливая. А теперь посмотри, какие у меня стройные ноги.

— Угу, у тебя прекрасные ноги... Омлет сегодня малость недосолен. Конечно, мы и сами могли справиться, без инкубатора, но...

— И я то же самое говорила маме... В теплом песочке, под солнышком хорошо, а если песочек холодный? А она мне, представляешь, говорит — не вынашивай яйца зимой. Вот уж истинно — старый как малый. Я посмеялась. Мама, сказала ей, я сама разберусь, когда мне яйца вынашивать. Я свободное существо, в свободном мире. Инкубаторы — это прекрасно. Только дороговато, и обслуживание ужасное... Я не могу, Заврик, спокойно вспоминать ту морду... Как бы они не разбили его по дороге. В инкубаторе не должно случиться непредвиденного, и ты поезжай туда и скажи, кто ты есть. Непременно, Заврик. И я тоже должна привыкать, что ты у меня святой.

— Угу... У тебя красивая левая нога... Завтра же поеду и проконтролирую, чтобы все было хорошо... Я все сделаю, моя дорогая.

10

— Дорогие коллеги, Суейн считает, что 40—50 граммов алкалоидов — смертельная доза для динозавров, а такое количество их вполне могло оказаться в 200 килограммах ежедневного рациона. Танинов и алкалоидов не было в простейших и голосеменных растениях, которыми более ста пятидесяти миллионов лет питались динозавры...

— Позавчера мне Марек из педиатрического... Знаешь Марека?

— Нет.

— Рыжий такой задавала... Ну, тот, что меня как-то кретином обозвал на лекции по анатомии, куда я случайно попал...

— Нет, не знаю.

— Так этот Марек позавчера приходил навестить Клим, с которым я в одной комнате живу. И, представляешь, бутылку кефира опрокинул на мою кровать. «Ах, прости! Ах, прости!». Я его по морде так съездил, сразу перестал извиняться...

— Зачем ты так... Что он тебе, товарищ? Какое ты имеешь право бить его?

Завр вышел из машины на углу Инкубаторского проспекта. Специально не стал подъезжать к главному входу, хотел немного пройтись и успокоиться. Шагал важно, очень медленно, глубоко дыша прохладным осенним воздухом. Навстречу игривой походкой приближались две щеголевато одетые особы женского пола. Завр даже остановился, но чтобы не выдать своей заинтересованности, начал рыться в карманах, глядя, однако, в лицо одной из незнакомок. А они громко разговаривали:

— Он, дурачок, ждал, что я ему скажу: «Дорогой мой, я так без тебя скучала. Я так ждала тебя». Вот обалдуй. А я ему отвечаю: «Хочешь со мной переспать — пожалуйста, но не думай, что я буду пузыри пускать от умиления».

Обе весело рассмеялись. Завр смущенно посмотрел им вслед, а потом с негодованием сплюнул.

«Хорошо, хоть у меня не такая бестия...»

У входа в тридцать седьмой инкубатор его встретил дежурный.

— Слушаю вас. Вы к кому?

Завр сначала немного ступешался, потом расчувствовался, подумав про их с Диной яйцо, лежащее в инкубаторе, но быстро овладел собой, вспомнив, что он святой. Хотя и новоиспеченный, но святой, в новенькой черной рясе. Достал из кармана квитанцию, содержание которой знал наизусть, и, словно читая, сообщил важно:

— Наше яйцо номер 1331 было доставлено вам вчера вечером.

— Только вчера? — заученно ухмыльнулся дежур-

ный.— Это слишком рано. Никаких сведений я вам пока сообщить не могу. Вон, посмотрите списки тех, кто вылу-
пился вчера и позавчера. Но вас здесь нет и не может
быть.

— Но я хочу переговорить с главой вашего учреж-
дения.

— Да-да, безусловно. Пожалуйста, наденьте халат и
прямо по коридору до тридцатого кабинета.

— Он тесный для меня.— Завр сорвал с себя халат
и бросил его на пол.

Дежурный забежал в какую-то комнатку, выскочил
с новым, еще не надеванным, халатом.

— Вот этот будет вам в самый раз. Пожалуйста.

— Спасибо,— буркнул сердито Завр и степенно про-
шествовал к начальству.

Небрежно толкнул дверь ногой, да так, что пришлось
придержать ее, а не то саданула бы в стену, выдав тем
самым пренебрежение Завра к такому важному учреж-
дению, как тридцать седьмой инкубатор.

На его небрежное приветствие секретарша подняла
удивленный взгляд, но тут же потупилась, увидев перед
собой святого.

— Там свободно? — напыщенно спросил Завр, кив-
нув на следующую дверь.

— Да-да, пожалуйста. Дионизий ждет вас.

— Спасибо,— процедил сквозь зубы Завр, мысленно
радуясь, что секретарша в страхе назвала имя руково-
дителя. Одновременно проникая трепетным почтением
к самому себе.

— Добрый день, я — Завр триста седьмой,— заявил
громко, войдя в кабинет. И вдруг заметил, что он здесь
один. За огромным столом никого не было.

Пройдя по инерции несколько шагов, остановился.
Мысленно выругался.

— Слушаю вас,— раздалось внезапно.

Завр вздрогнул, не сразу сообразив, откуда прозвуч-
чал голос. Оглянулся на двери. Никого. И вдруг бо-

ковым зрением заметил за столом фигуру. Быстро повернулся — точно, сидит тучный динозаврик, снисходительно и в то же время заискивающе улыбается.

— Слушаю вас, уважаемый, — проскрипел вновь.

— Наше яйцо номер 1331 было доставлено к вам вчера вечером...

— Как вы сказали? — испуганно переспросил глава инкубатора. — Какой, вы говорите, номер вашего яйца?

— Одна тысяча триста тридцать первое!

Схватив трубку, Дионизий суетливо набрал номер.

— Зоран, это ты? Как дела? Благодарю. Как там вчерашние... Я имею в виду то самое — сложное. Зайди ко мне сейчас. Да, отец этого яйца сидит у меня. Зоран, ты должен все это рассказать в его присутствии... Что?.. Должен! Мы ждем тебя!

Дионизий со скорбным видом положил трубку.

— Сейчас придет главный врач. Он очень грамотный специалист, просто виртуоз своего дела, и такой усердный в работе... И так любит нянчиться с яйцами...

— А омлет он, случаем, не любит? — спросил Завр, заподозрив что-то недоброе.

— Простите, но мы делаем все, что в наших силах... Но не всегда, поймите, мы не всемогущие... Бывают случаи, когда мы бессильны... Я понимаю, вам очень тяжело, это ваше яйцо, частица вашей души...

— Конкретнее! — прорычал Завр. — Что с ним? Что с моим сыном?

— К сожалению... — пролепетал Дионизий. — К сожалению... Вот сейчас придет главный врач, он доложит обо всем, что уже случилось.

— Что-о?

— Понимаете ли, скорлупа вашего уважаемого яйца... Одним словом... нет, я должен начать по порядку... Как только наши бригады привозят к нам яйца, специалисты сразу же приступают к работе, каждое яйцо проходит самый тщательный, квалифицированный индивидуальный осмотр... И вот, во время осмотра было

выявлено, что ваше дитя... неживое. Нет, собственно, было еще живым, но... задыхалось. Скорлупа оказалась очень толстой, надежной, но слишком... Ребенок задыхался... Мы коллегиально решили делать операцию. Но, к сожалению...

— Было поздно? — проскрипел Завр.

— Да нет, поздно — не то слово... Вашему яйцу еще следовало дозревать и дозревать в нашем инкубаторе... А дитя задыхалось... Оболочка слишком крепкая, плотная... Мы пошли на операцию, но, поймите правильно, ваше яйцо было недозревшим... Все это сложно объяснить... Кто вы по профессии?

— Моя профессия вас не касается!

Дионизий понял, что следовало действовать как-то умнее, чтобы спасти собственную жизнь. Понял, что с самого начала сплеховал. Нужно было сразу заявить святому о его полном невежестве в вопросах медицины... И тогда бы инициатива была в собственных руках. Святых тоже можно обвести вокруг пальца и запугать... Но... Неужели поздно?

Завр подошел к телефону и набрал номер:

— Уважаемый Кверкус, рад, что застал вас на месте. Хочу посоветоваться. Наше яйцо, которое вчера снесла Дина... Короче, я вам звоню из инкубатора — ребенок задохнулся. Они, видите ли, были бессильны что-либо сделать... Что вы посоветуете?

— Советовать в таких ситуациях очень трудно, святой Завр. Но... Поступайте так, как вам подсказывает ваша святая совесть. Я вас поддержу во всех святых начинаниях.

— Спасибо,— произнес Завр и положил трубку.

Дионизий судорожно вытер пот со лба.

— Сейчас придет Зоран, он вам все объяснит... Примите мое искреннее сочувствие... В нашем учреждении работают только высококвалифицированные специалисты. Наше учреждение может гордиться...

— Могло гордиться...

— Как вы сказали? Что вы имеете в виду?

Завр вновь подошел к телефону.

— Нашу святую машину к тридцать седьмому инкубатору! Обеспечьте места для троих колдунов. Крайне опасных! Я жду. Пусть бригада поднимется в кабинет главы инкубатора.

В это время открылась дверь, на пороге появился врач Зоран. Дионизий посмотрел на него устало и равнодушно, спросил Завра:

— Кто же третий?

— Не волнуйтесь, его не трудно найти.

Сказав эти слова, Завр почувствовал, как уменьшился еще немного. Немного, но весьма заметно. От ощущения совершенства своего приспособления, от приятной истомы, разлившейся по всему телу, он даже глаза зажмурил.

— Мне хочется верить, уважаемые коллеги, что вы, будущие властелины человеческих душ и тел, поймете и узнаете больше того минимума, который предусмотрен программой нашего института. Мне очень жаль, что время сегодняшней лекции заканчивается. Мы встретимся с вами в пятницу на третьей паре.

МАЛЕНЬКОЕ ЗЕЛЕНОЕ СУЩЕСТВО ЗАКРЫЛО МИНИАТЮРНУЮ ТЕТРАДКУ И, ДЕРЖА ЕЕ И МАЛЕНЬКИЙ КАРАНДАШИК В КРОШЕЧНОЙ ЛАДОНИ, ШМЫГНУЛО В ПОРТФЕЛЬ. НЕБОЛЬШАЯ ЯЩЕРКА ПИСАЛА ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАКИМИ МОГУЩЕСТВЕННЫМИ БЫЛИ КОГДА-ТО ДИНОЗАВРЫ.

НЕ БОЙСЯ СОБСТВЕННОЙ ТЕНИ

«Папочка, я просто хотел тебя рассмешить... Но теперь уже ничего не сделаешь... Паук-то мертвый, не могу же я повставлять ему ножки, которые оторвал. А ты почему-то не смеешься...»

Вечер и часть ночи прошли незаметно, как всегда. Вдруг Анатолий почувствовал: глаза слипаются, а голова становится тяжелой. И он вяло подумал: «Который же теперь час?» И сразу, даже не глядя на табло времени, понял — уже поздняя ночь. Он встал из-за стола, выключил экран библиоскопа, запомнив страницу, на которой остановился. Скоро экзамен. И если все пройдет хорошо, то вскоре он, Анатолий, станет полноценным работником Центра транспортного обеспечения. Ему нравилась эта работа: фантастические переплетения стационарных и временных магистралей, сдублированных зелеными пунктирами на огромном экране, неослабное напряжение в часы дежурства, и необыкновенно сложная в действительности, хотя совсем неприметная внешне роль диспетчера, властителя и дирижера транспорта большого города.

— Аварийная ситуация на седьмом километре одиннадцатой магистрали может сложиться через две минуты и пятьдесят восемь секунд,— раздался бесцветный голос автомата «Полиморфа» из-под купола зала.

Анатолий взглянул на экран, но на одиннадцатой магистрали не заметил ничего угрожающего. Напряженно вглядываясь, припоминал все, чему его учили, но так и не обнаружил, в чем кроется опасность. Затем перевел взгляд на Антуана Викторовича, своего учителя, старшего товарища — дежурного диспетчера Центра.

— Непонятно...— громко произнес Антуан, встретив

вопросительный взгляд Анатолия.— К сожалению, я ничего не понимаю.

— Я тоже,— беспомощно улыбнулся Анатолий и сразу же рассердился на себя за эту улыбку, виноватую улыбку ученика, которому очень хочется быть умнее своего учителя, но никак не удастся даже тогда, когда они оба находятся в одном и том же безвыходном положении.

— Может, имеется в виду двадцать седьмой грузовой состав? — Анатолий указал острием световой указки на экран.— Может, следует уменьшить его скорость?

— А может, увеличить? — усмехнулся Антуан.

— Может, и увеличить...— повторил за ним Анатолий.— Но что-то предпринять, пожалуй, надо...

— Думаю, делать ничего не следует.

— А если...

Антуан устало сказал:

— Знаешь что, парень, ты уже скоро закончишь свою практику, и, пожалуй, настало время для тебя знать кое-что, помимо умных и однозначных строчек учебника... Как мне кажется, ты уважаешь меня, и, хотя мы с тобою дежури́м не так уж часто, ты можешь мне искренне поверить... Не так ли?

— Безусловно, Антуан Викторович.— Анатолий почувствовал почему-то, как побежали по спине мурашки, ему подумалось, что учитель сейчас скажет необыкновенно важную вещь, какую-то тайну, откровение опытного мастера, и это изменит всю его, Анатолия, жизнь, осветив ее пониманием каких-то высших истин.

— Все, что ты читаешь, очень важно, конечно. Оно понадобится тебе, но... Даже не знаю, как сказать, чтобы ты понял меня правильно... Видишь ли, жизнь так любопытно устроена, что...

— Аварийная ситуация на седьмом километре одиннадцатой магистрали может сложиться через одну минуту и тридцать девять секунд,— заявил «Полиморф».

— ...Так устроена, что порой и не понять, что в ней

просто, а что сложно...— Антуан сдержанно рассмеялся, откинувшись в глубоком кресле. Несколько мгновений он сидел с закрытыми глазами, а перед мысленным взором его всплыло лицо жены, улыбающееся и такое молодое, каким Антуан его никогда и не видел, они поженились, когда Евгении шел уже тридцатый год, а перед глазами стояла совсем юная девчушка, но без всяких сомнений — она.

— Антуан Викторович, но что же делать? — спросил Анатолий, сдерживая себя, не желая сознаться прямо: «Мне страшно!»

— Не волнуйся. Если бы я знал, то давно бы... Но я уверен, все будет в порядке.

— Вы уверены?!

— Да. Но, к сожалению, не могу объяснить, на чем основана моя уверенность.— Антуан опять негромко рассмеялся.— К сожалению... Мне хотелось бы поделиться с тобой собственным опытом, ведь я твой учитель, но почему-то не могу... Существуют на свете некоторые вещи, которые никак нельзя втиснуть ни в какую формулу, ни в какие слова... Понимаешь ли меня?

— Хотел бы понять...

— Но не можешь?

— Я сейчас думаю о вероятной аварии...

Антуан, почувствовав в этих словах скрытый укор, помрачнел:

— У тебя на дежурстве впервые подобная ситуация?

— Впервые,— тихо, словно извиняясь, ответил Анатолий.

— Тебе повезло, парень... Даже странно... Пожалуй, то, что хотел тебе сказать, преждевременно.

— Нет. Скажите, Антуан Викторович. Я все пойму...

— Ты уверен? Ну ладно,— согласился Антуан.— Слушай. Я говорил, что в жизни часто случается так...

— Простите, вы действительно совершенно спокойны или просто умеете владеть собой? Скажите, пожалуйста, мне это очень важно.

— Я на твоём месте поставил бы вопрос шире: то ли я вполне спокоен, то ли просто владею собой, то ли вообще равнодушен ко всему... И, по-моему, именно третье — основное в твоём вопросе. Не правда ли?

— Вообще-то... — замылся Анатолий. — Но, Антуан Викторович, вы не ответили... Простите...

— Если откровенно, то я не знаю, что и ответить, ибо предыдущий ряд имеет своё продолжение. А именно: я давно уже ко всему этому привык. А привычка, как известно, таит в себе элементы и равнодушия, и умения владеть собой, и опыт...

— Двадцать седьмой грузовой состав входит в аварийную зону! — предупредил голос из-под купола.

— Вы слышите, двадцать седьмой состав! — воскликнул Анатолий, и глаза его блеснули от наивного торжества и самодовольства. — Я же говорил, что дело в двадцать седьмом составе. Вы помните?

— Конечно, помню.

Анатолий вскочил и ринулся к пульту, но тяжёлая рука легла ему на плечо.

— Что ты хочешь делать?

— Изменить скорость состава.

— Успокойся... К тому же, должен тебе напомнить, ты ещё не имеешь права действовать самостоятельно.

— Но я же правильно определил — всё дело в двадцать седьмом?!

— Всё будет в порядке, Анатолий... Вот послушай: сегодня с нами работает «Полиморф»... Тебе часто приходилось дежурить с «Полиморфом»?

— Сегодня в третий раз...

— Вот как? И что ты о нём знаешь?

— Ну... Универсальный киберон-диспетчер... А что ещё мне нужно о нём знать? Я, в конце концов, не инженер...

— К примеру, знаешь ли, сколько ему лет? Собственно, этого и я, к сожалению, не знаю, но известно ли тебе, что наш «Полиморф» очень старый?

— Нет, я этого не знал... А это важно?

Антуан устало улыбнулся:

— А ты думаешь — нет? В последние три месяца он меня замучил этими аварийными ситуациями. Он стал чрезмерно осмотрительным, но работает прекрасно. Опыт у него огромный. Вот ты увидишь, что никакой аварийностью на одиннадцатой магистрали сейчас и не пахнет,— заявил Антуан, но почему-то насторожился, словно почувствовал, что сказал лишнее.— С каждым годом «Полиморф» становится... Да что говорить, мы сами с опытом становимся все менее и менее пылками...— Антуан по-отцовски посмотрел на Анатолия.— Да, мы тоже становимся все менее пылками и более осмотрительными с каждым днем, и это до тех пор, пока не начнем бояться собственной тени. И вот тогда — все! — Антуан громко рассмеялся.— Когда начинаешь бояться собственной тени, в этом мире делать больше нечего.

— Антуан Викторович, а вдруг «Полиморф» не ошибается?

— А он и вправду не ошибается, Анатолий. Он видит, понимает что-то такое, чего мы просто не можем, не успеваем заметить. Он уже начал бояться. Остаточные потенциалы на латеральных бетаклеммах, истощение гальванических структур анализатора... Ты, правда, заявил, что ты не инженер... Но не забывай, диспетчеру нужны и инженерные знания. Кстати, посмотри внимательно на экран и на часы аварийного отсчета времени... Ну! Что я говорил?! Убедился, что все в норме!

— Аварийная ситуация может сложиться на сто двадцать восьмом километре семнадцатой магистрали через три минуты и девятнадцать секунд.

— Вот видишь, «Полиморф» нашел для себя новую проблему и торопится поделиться своими опасениями.

— Но почему же его не демонтируют? — неуверенно спросил Анатолий.

— Да потому, что он еще...

— ...не боится собственной тени?

Антуан удовлетворенно улыбнулся:

— Вообще-то это близко к истине. Он хорошо работает. А дежурить с «Полиморфом» достается преимущественно мне. Я его насквозь вижу. Потому как тоже не молод, пуд соли с ним съел.

— Странно... все это с «Полиморфом»...

— Да ни чуточки.

— Аварийная ситуация может сложиться на тридцатом километре третьей магистрали через семнадцать секунд!

— Ну это он чересчур...— сказал Антуан, но тем не менее внимательно всматривался в экран, анализируя.

— Знаете, мне часто приходит в голову, Антуан Викторович, чем, собственно, диспетчер может...

— Аварийная ситуация может сложиться на сорок седьмом километре двести семнадцатой магистрали через полторы минуты!

— Сразу три «аварийности»...— задумчиво произнес Антуан, и Анатолий заметил, как тот побледнел, но не мог сообразить, что именно так взволновало дежурного, ведь всего минуту назад он так спокойно разглагольствовал о «солидном возрасте» «Полиморфа» и его богатейшем опыте.

— Аварийная ситуация может сложиться на седьмом километре пятьдесят второй магистрали через две минуты и три секунды!

Антуан бросился к пульту, но, не решаясь пока что-либо сделать, впился взглядом в экран. Через мгновение он облегченно вздохнул: прошло семнадцать секунд, а на третьей магистрали ничего не произошло.

«Так, может, это случится не сегодня»,— утешал сам себя Антуан. В сущности, ничего страшного случиться не должно: в соседнем зале отдыхает «Элефант», киберон помоложе... да и сам «Полиморф» должен своевременно остановить движение или перевести часть транспорта на резервные колеи, скорректировав скорость... Однако Антуан прекрасно понимал, что кибероны тоже,

бывает, ошибаются или не успевают. И еще одна мысль тревожила: «А вдруг это испытание, проверка?»

— Знаешь, что мне порою кажется,— неожиданно для себя усмехнулся Антуан и повернулся к Анатолию.— Кажется мне, что в давние, как говорят, добрые времена, когда за пультом каждого грузового состава или обыкновенного геликомобиля сидел водитель, было намного проще...

— Зато аварий случалось больше,— перебил его Анатолий.

— Количественно. Но что это были за аварии? Так себе...

В это самое время прозвучал сигнал аварийной готовности, а на экране зеленоватый пунктир пятьдесят второй магистрали превратился в красный, и все до одной подвижные точки на нем постепенно замедляясь, замерли.

— Он остановил движение...— тихо сказал Анатолий.

Антуан закрыл глаза и как-то беспомощно пробормотал: «Сейчас начнется...» и сразу ринулся к пульту, крича на ходу:

— Толя, к резервному блоку! Корректируй после меня семнадцатый и сразу вводи «Элефанта»! Проклятье, пока-то он прогреется.

Не успел Антуан разблокировать пятьдесят вторую магистраль, взяв управление в свои руки, как стал красным пунктир двести семнадцатой.

— Толя, управление двести семнадцатой бери на себя! Пока не подключится «Элефант», ты обязан выдержать!

— Антуан Викторович! Я... Боюсь... Я же еще... и не имею права!

— Принимай управление! Иначе такого права вообще никогда не получишь!

Анатолий обреченно съежился, но сумел овладеть собой. Как-то невольно припомнились формулы — которые безуспешно пытался запомнить в течение последних

трех месяцев — не в уме припомнились, а всем существом. Ему было страшно, но он старался отогнать этот липкий страх; старался не думать о людях, едущих в это время по своим делам. И вполне возможно, именно сейчас по двести семнадцатой магистрали едет его мать или отец, сестра или даже Оксана... Наконец он справился с мыслями, отрешился от них. И почувствовал облегчение. В памяти восстановились необходимые формулы, движения стали четкими, рефлекторно выполнял внутренние подсознательные приказы.

Когда вспыхнул красный пунктир семнадцатой магистрали, Анатолий спокойно отметил эту информацию, продолжая действовать четко и размеренно.

«Элефант» подключился внезапно. На три минуты раньше, чем ожидали.

Анатолий сразу же обмяк и безвольно опустил в мягкое кресло. Антуан подошел к нему с усталой улыбкой, вытирая капельки пота на лбу.

— Поздравляю тебя,— и похлопал Анатолия по плечу.

Тот с трудом поднял взгляд:

— Я все делал так, как нужно? Правда?

— Да. Считай, экзамен на диспетчера нашего Центра ты уже сдал.

— Шутите. При сдаче настоящего экзамена с меня еще семь потов сойдет. Десять членов комиссии... и каждый задаст по вопросу. И каждый вопрос наверняка каверзный, с подтекстом...

— Они уже задали тебе эти вопросы. И ты ответил на все. Думаю, я не ошибаюсь.

Анатолий с недоверием, вопросительно посмотрел на старшего товарища:

— Что вы хотите этим сказать... Мне не совсем понятно...

— В соседнем зале находится дублирующая диспетчерская система. Помимо «Элефанта». Она координировала мои и твои решения. Через несколько минут, как

мне кажется, уважаемая комиссия сообщит, насколько оптимально и я, и ты решали возникающие осложнения. Но я почти уверен, что все будет хорошо. Кстати, это был экзамен не только для тебя, но и для меня тоже. И если бы я сам не справился... а ситуация была, поверь мне, совершенно неожиданная... Я понимал, что экзамен вполне правомерен... и уверился в этом, когда «Полиморф» сообщил о третьей аварийной ситуации... Так вот, если бы я сегодня не справился, то не быть бы мне больше диспетчером. А я люблю свою работу. Да и поздно мне ее менять. Для меня это явилось бы жизненным финишем. Я уже не молод. Конечно, я могу еще много лет прожить просто так... Я давно заслужил отдых, но без любимого занятия — это не жизнь. Ведь правда, парень?

И тут раздался голос из-под купола:

— Аварийная ситуация может создаться на тридцать восьмой и сто двадцать пятой магистральных на их втором перекрестке через две минуты и три секунды!

Лицо Антуана мгновенно вспыхнуло, потом побледнело:

— Оказывается, еще не все. Но это уже «Элефант»... Толик, бери управление! Докажи, что ты уже настоящий диспетчер! — Антуан, виновато улыбаясь, продолжил: — Прости, но я не могу тебе помочь. Я думал, что уже все... Я больше ничего не могу...

Анатолий вскочил с места, подбежал к пульту. Но его остановил незнакомый голос из-под купола зала:

— Благодарим вас обоих, не нужно волноваться. Считайте, что последняя вводная — просто шутка, уважаемые Анатолий Севастьянович и Антуан Викторович. Можете на несколько минут оставить пульта управления на «Элефанта», а сами пройдите, пожалуйста, в соседний зал. Мы хотим огласить результаты экзамена.

Антуан сидел неподвижно, и неподвижность эта, и необыкновенная бледность лица выдавали его состояние.

— Так значит, всего лишь шутка? — смог наконец

вымолвить он.— Знай я это, то первым бы подбежал к пульта...— и рассмеялся.— А помнишь, я говорил тебе— в жизни порой трудно разобраться, что просто, а что сложно... Но ты за меня не волнуйся... Есть у меня участок за городом на берегу озера, там садик и чудный домик, а жена уже второй год как нигде не работает... Она давно ждет не дождется, когда я оставлю свое «диспетчерство»...— В голосе Антуана не чувствовалось слез, но глаза его вдруг увлажнились.— Я знал, конечно, когда-то это наступит... Жена будет рада... Шутка... Они просто пошутили. Только мне почему-то совсем не смешно...— Он порывисто встал и бодро сказал: — Пошли, Анатолий. Я поздравляю тебя. Ты молодец.

Внезапно Антуан остановился, затем решительно шагнул к пульта, с размаха опустил ладонь на рычаг реверса, заблокировав автоматику, а пальцами правой лихо, как-то по-мальчишески, пробежался по клавишам:

— Беру управление движением на седьмой, десятой и двадцать шестой магистралах! Экзамен продолжается!

Руки Антуана напряженно замерли на клавиатуре. Взгляд его замер на экране. Мгновение. Еще одно. Минута... Вторая...

— Уважаемый Антуан Викторович, поверьте, мы совсем не сомневались в ваших профессиональных способностях,— иронические нотки в голосе.— Мы действительно просто пошутили. Просим вас с Анатолием Севастьяновичем в соседний зал.

Антуан сдержанно, но довольно улыбнулся.

— Они пошутили. Только мне почему-то было совсем не смешно,— и вдруг он громко рассмеялся.— А ты молодец, Анатолий. Но помни, когда начинаешь бояться собственной тени, в этом мире...

— ...делать больше нечего...— подхватил парень, с чувством обняв учителя за плечи.

ПРОСТО ТАК... ДЛЯ СЧАСТЬЯ

«Свет моего сердца! Здравствуй! Должен поговорить с тобой наконец серьезно — сколько может это продолжаться? Эта демонстрация строптивости, это проявление непокорности и своевольный бунт против правил приличия?! Как понимать твое уклонение от встреч до полного исчезновения из поля зрения не только в диапазоне ультракоротких, но и длинных волн? Никто не сумел бы оправдать всяческие твои намеки на определенную относительность моего существования, на сложность существующих условностей, довлеющих над нами, которые могут наконец привести к пониманию безотрадной значимости открывания и закрывания пути к великому метаболяру. Сознаюсь, меня гнетет еще одно антистремление в ожидании проявлений бытия твоей далекой личности. Отзовись!

Твой Василь».

Солнце клонилось к закату. Его лучи оторочили розовой каймой облачка и стайки пригородных коттеджей, скромные оазисы нарядных зеленых скверов и одиноких старых каштанов на улицах, овалы шустрых разноцветных авто на магистралях.

Биокибер Андреш то и дело поглядывал в окно, топорливыми, но точными движениями корректируя поступление смеси. Дело тонкое, бездушной автоматике доверить его рискованно.

До конца рабочей смены оставалось еще пятнадцать минут.

Коррекция спектра по бесчисленному множеству компонентов.

Вот уже появился его сменщик. Он не торопясь идет по длинному цеховому коридору между барореторт и синтезаторов. Не спешит. Сейчас подойдет, остановится поодаль и будет наблюдать. Андреш едва сдерживал себя. Ждал окончания своей смены, не терпелось освободиться. Но он не будет просить Романа приступить к работе хоть чуточку раньше, так как знает, что тот внимательно взглянет на зеленоватое цеховое табло, которое так медленно отсчитывает минуты, и притворится, что ничего не слышал. Но это справедливо — каждый должен работать именно столько, сколько ему положено.

Багрово-красное солнце за окном. Огромное.

— Привет, Андреш. Как дела? Сюрпризов не было?

— Молибден бесился. Как всегда. А в остальном — все в норме.

— Вот и хорошо. Можешь быть свободным, Андреш.

Он даже съежился от неожиданности, от томительного желания поскорее выйти из цеха, но ответил сдержанно, не отводя взгляда от показаний ротаметра:

— Еще четыре минуты, Роман. Подожди. Я свою работу не люблю другим отдавать.

— Ты изменился в последнее время, Андреш... У тебя все нормально?

— Да. Я функционирую прекрасно...

— У тебя очень утомленный вид... Но голос, правда, бодрый...

— За меня не волнуйся, Роман. Все хорошо.

Передав смену, он степенно попрощался, пожелал всего наилучшего. По всему цеховому коридору старался шагать помедленнее, чтобы ничем не привлечь к себе внимания.

А Роман склонился над микрофоном цехового селектора и тихо, едва слышно произнес:

— Я предложил сменить его чуть раньше, но он не согласился, отработал до последней секунды.

— Спасибо, Роман. Работайте спокойно, не думайте больше об этом. Желаю успеха,— донеслось в ответ.

Сразу после проходной Андреш резко повернул влево, уверенно направился в сторону одиннадцатого цеха. Волновался. Какая-то неведомая раньше сила придавала ему «настырной уверенности».

«ПРИ РАБОТЕ МОНТАЖНЫХ ГРУПП ВХОД НА ТЕРРИТОРИЮ ОДИННАДЦАТОГО ЦЕХА ПОСТОРОННИМ ЛИЦАМ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕН!»

Андреш опустил в щель свой служебный жетон. Его, безусловно, пропустят, конечно, удивятся неожиданному приходу, но пропустят. Ведь он-то не посторонний. Он работает на этом комбинате. Но...

— Вы по какому делу? — послышался голос электронного дежурного.

— Я к Болеславу.

— Идет монтаж.

— Монтаж круглосуточно.

— Но биокибер Болеслав работает только шесть часов в сутки.

— Я по производственной необходимости.

— Могу вас связать по видео.

— Мне необходимо встретиться лично.

— Почему вы не оформили свой вход в монтажный цех через администрацию?

— Дело экстренное. Мне нельзя терять ни минуты.

— Пропустите биокибера Андреша!..— вмешался в спор сочный сильный баритон главного диспетчера.

— Проходите.

Жетон упал на пластиконовое донышко.

— ...и проследите за каждым его шагом,— продолжил голос главного, когда Андреш удалился на добрую сотню метров.

Миновать порог одиннадцатого цеха сложнее всего. Но только здесь можно достать седьмой коррелятивный

биоэлектронный блок, да еще на складе, но на складе они лежат законсервированные, ненастроенные. Появление его, биокибера Андреша, в монтажном цехе, безусловно, не останется незамеченным, но если не привлекать лишнего внимания, то и тень подозрения не должна коснуться его. Главное — ничем не нарушить привычный ритм монтажной бригады, сознавая всю необычайную ответственность их работы.

Вот и Болеслав с Василием застыли с манипуляторами в руках. Нужно выбрать момент, когда очередной микроблок будет соединен с основанием, тогда загорится сигнал «норма», и будет несколько секунд свободного времени, чтобы поговорить. А до этого нужно присмотреться... Вот они, седьмые коррелятивные. Много их. Никто не заметит, что на один уменьшилось.

Андреш приблизился к ним на расстояние протянутой руки. Они лежали на стерильной стеклянной полочке. Болеслав с Василием, не отрываясь от окуляров микроскопов, ловко священнодействовали над органо-комплексами, но чувствовалось, что они заметили приход Андреша.

Одно неторопливое, неуловимо точное движение руки — и седьмой коррелятивный оказался в кармане комбинезона. И в то же время на его место манипулятор положил следующий блок.

На табло вспыхнуло «норма», очередной биоэлектронный блок нашел свое место на основе, электронный контролер трижды громко квакнул.

— Что случилось, Андреш?

— Болеслав, я обещал тебе подарить свой манипулятор... Вот он. Бери.

— Почему ты решил именно сейчас? Занес бы домой...

— Я только что освободился... А ты работаешь... Сам знаешь, как удобно работать моим манипулятором... Возьми.

— Напрасно ты спешил, мне к нему еще привыкнуть

нужно, каким бы золотым он ни был. Эту смену придется со старым провозиться... Но спасибо... Чудак ты...

Вот и все.

— До свидания.

Вполне объяснимая причина визита в одиннадцатый цех — заносил биокиберу Болеславу манипулятор своей конструкции, собственноручно изготовленный. Уже давно все убедились в его удобстве, скоро все биокиберы будут оснащены такими. А пока что он подарил Болеславу свой собственный экземпляр. Все логично. Карман вроде не очень оттопырен. Но разве придет кому в голову проверять его карманы?

Взял свой жетон. И, сохраняя невозмутимый вид, направился к центральному выходу из комбината.

Заходящее солнце уже коснулось горячим боком горизонта.

Дойдя до магистрали, Андреш едва не бежал по тротуару. Жилой комплекс был недалеко. Рябина и старый каштан при входе. Пять ступенек. Массивные двери. Лифт. Вот и его сто шестнадцатое помещение. Переступил порог и сразу же бросился к стенному шкафу, распахнул пластиконовые дверцы.

— Ну, как ты здесь? Скучал? У меня все в порядке. Сегодня, наконец, я достал седьмой коррелятивный. А это для нас — главное. С остальным — никаких проблем.

Андреш выкатил из шкафа на легком металлическом кресле безголовое туловище, за ним тянулись многочисленные провода и прозрачные эластичные трубочки, подсоединенные к нескольким небольшим приспособлениям, которые тихо урчали, гудели, перекачивая розовую жидкость в неподвижное, бездыханное тело и отводя ее обратно.

— Ты скучал без меня. Я знаю. Но я не мог быстрее. Сам понимаешь — я на работе. На очень ответственной работе. Так что извини. Но чем бы ни занимался, где бы ни был, я о тебе никогда не забываю, друг мой.

Андреш включил свет, склонился над датчиками вор-

чащих приборов, внимательно всматривался в показания на шкалах, наконец успокоился.

— Все хорошо. Пока меня не было, ничего неприятного не случилось.

Безголовое тело едва шевельнулось, напряглось и вновь безвольно обмякло. Андреш выкатил из шкафа еще один столик на колесах, на нем были отдельные части головы биокибера.

— Сегодня я прилажу седьмой коррелятивный... А дальше дела пойдут быстро...

В это самое время у входной двери зазвучал сигнал. Андреш от неожиданности вздрогнул. «Что за наглость! Я никого не жду и никого не приглашал! Кто имеет право так бесцеремонно нарушать мой отдых после напряженного рабочего дня?»

Он испуганно оглянулся по сторонам, словно ища совета или защиты.

Небольшая комната была загромождена разными приборами и приспособлениями, книгами, всякими материалами. Стол чуть виден из-за нагроможденных на нем коробок, проводов, реторт, справочников. На диване — немного свободного места, лишь бы уместиться спать.

Андреш бросился к креслу с телом и, нервничая, начал заталкивать его опять в шкаф, потом столик с головой. Одна из прозрачных трубок выскочила из конектора, по полу растеклась розовая жидкость.

— О-о-о! Проклятье!

Он принялся прилаживать трубку на место, но, как назло, это не удавалось, сказывалась нервная поспешность — то пузырьки воздуха нужно было выгнать из трубки, то сама трубка почему-то не входила в гнездо конектора.

Сигнал вновь зазвучал, настойчивее.

Наконец он сумел закрыть дверцы шкафа, неуклюже потоптался на лужице розовой жидкости, стараясь ее вытереть, и пошел встречать незваных гостей. Их оказалось трое.

- Добрый вечер, биокибер Андреш.
- Слушаю вас.
- Разрешите войти?
- Что вам нужно? Я отдыхаю.

Андреш уставился на пришедших, но от волнения ничего не видел, смотрел будто сквозь них.

— Мы не отнимем много времени. Вы только что возвратились с работы и, думаем, еще не успели отключиться...

— Если бы я отключился, то не открыл бы вам.

Не дождавшись разрешения, незнакомцы вошли в комнату.

— Что вам нужно? — раздраженно повторил свой вопрос Андреш и, подойдя к стенному шкафу, остановился перед ним, скрестив руки на груди.

— Извините за наше внезапное вторжение... Дело в том, что за последнее время стало заметно, что вы...

«Каким ветром занесло ко мне этих наглецов?! Зачем я вообще открыл им? Ведь мог же я отсутствовать в это время. Или отключиться после работы. Отдыхал бы. И никаких проблем...»

— Вы начали расходовать очень много энергии...

«Прости, дружище. Надеюсь, ничего страшного не случилось. Прошло всего мгновение, пока я присоединил разорванную магистраль. И все пузырьки воздуха я тщательно выгнал. Думаю, все обойдется...»

— Точнее говоря, фантастически много...

— Вы представители службы энергоснабжения?

— Именно так.

— А что заставило вас прийти сразу втроем? Этот вопрос мог бы задать и один из вас.

— Да, вы правы, конечно, — улыбнулся мужчина в серой приталенной куртке и попытался поставить на стол свой небольшой, но плотно набитый чемоданчик. В это время двое других, тоже с чемоданчиками в руках, заняли словно заранее определенные места — один, коренастый, возле входной двери, второй, лопухий,

у окна.— Просто мы не хотим терять лишнее время. Поскольку ни один из датчиков контроля не указывает на какие-либо повреждения в вашей квартире, а расход энергии огромный, то остается допустить существование какого-то скрытого дефекта...— Мужчина пристально, изучающе смотрел на Андреша.— Может, пробило кабель...— произнес после паузы, рассудительно, с театральной беззаботностью.— Короче говоря, мы специализированная ремонтная бригада. Мы быстренько все проверим...

— Могли бы и предупредить о своем визите. Я очень устал и хочу отдыхать...

— Вы сами должны быть заинтересованы в том, чтобы устранили дефект... Чтобы он не привел к несчастному случаю... Я уже не говорю о том, что просто жаль электроэнергии, которая неведомо куда исчезает... Вы меня понимаете? Мы даже не спрашиваем вас, как часто вы включаете видеосистему, часто ли пользуетесь калорифером или иными бытовыми приборами... даже если бы вы круглосуточно не отключали видео, отапливали комнату, не выключали свет и нафаршировали свое помещение всеми существующими электропомощниками, то все равно... кстати, вам известен ваш расход электроэнергии?

— Меня это не интересовало. Не знаю.

— Вот взгляните. Это лишь за последние три дня,— мужчина протянул Андрешу листок бумаги.— Вслух и произнести страшно. Для вас одного нужна маленькая электростанция...

— Я постараюсь вам кое-что объяснить...— сказал Андреш и потупился. Его взгляд упал на розоватые разводы от лужицы на полу, он поднял глаза и заметил, что мужчина в серой куртке тоже смотрит на это пятно.— Я вам сейчас объясню...

— Вы хотите объяснить, куда за три дня израсходована энергия, которой хватило бы на целый год для

скромных нужд большого дома? Интересно. Очень интересно послушать...

— Дело в том... Моя квартирная энергосеть в порядке. Я так думаю... Вам нет оснований беспокоиться... В свободное от работы время я занимаюсь некоторыми научными исследованиями, биологическими экспериментами, энергоемкими экспериментами... Но, впрочем, почему я должен оправдываться? Я имею наконец на это полное право. Потребление энергии у нас не лимитировано. Следовательно, я имею право пользоваться ею по собственному разумению...

— Безусловно. Но такие фантастические цифры... Простите, но нам просто интересно, какие опыты, исследования могут требовать такого неимоверного количества энергии?

— Вы хотите, чтобы я продемонстрировал вам...— Андреш с чувством превосходства посмотрел на собеседника и обвел взглядом комнату, словно предлагал убедиться — здесь есть что включить...

— Нет, нам ни к чему ваши демонстрации... Не теряйте времени на дешевые шутки...

— Не имею ни малейшего желания отчитываться перед вами. Я же сказал уже, что провожу исследования в области биоэлектроники... Могу добавить, что они связаны с процессами биосинтеза...

— Да, вы известны на комбинате как изобретатель, как творческая личность, но...

— Вместо того, чтобы отдохнуть, я вынужден разглагольствовать с вами о том, куда девается энергия, которую я имею право использовать по собственному усмотрению,— уверенность постепенно возвращалась к Андрешу.— Вы вторглись в мое помещение даже не представившись.

— Простите... Я — главный энергетик, Максим Чернобур. Мои помощники биокиберы — руководитель специализированной ремонтной бригады и мастер-диагност.

— Я имею полное право попросить вас немедленно покинуть мою квартиру.

— Безусловно. Но мы тоже имеем право и должны проверить вашу энергосеть в связи с ее аварийностью.

— Никакой аварийности нет.

— Мы обязаны в этом убедиться. Если вы возражаете, это произойдет позднее. Но мне непонятно, зачем терять время, если мы уже прибыли к вам целой бригадой...

— Делайте что угодно... Но поторопитесь...

Максим Чернобур сразу, без колебаний подошел к шкафу, но почему-то не спешил его открыть. А его помощники бесцеремонно начали рыскать по комнате.

«Неужели произойдет непоправимое? Нет. Они не имеют права».

Мастер-диагност проницательным, опытным взглядом осматривал все, что находилось на столе, на подоконнике, на диване... Среди нагромождения микроблоков, инструментов-манипуляторов, рулончиков биосырца его внимание привлекла одна старая книга. Он открыл ее, долго листал.

— Любопытно... Копия старинного издания... Руководство для широких кругов научных работников, так сказать, самоучитель для биокибернетиков из кружка «Умелые руки»... — И он весело рассмеялся.

— Положите книгу на место! — прикрикнул Андреш.

Чернобур взялся рукой за дверцы шкафа, но все еще не открывал их.

— Не горячитесь... Что у вас в правом кармане комбинезона, Андреш?

— Это вас не касается.

Андреш понял, что Максим Чернобур знает если не все, то очень многое. Но откуда?

— Безусловно, меня совсем не касается, почему у вас в кармане лежит седьмой коррелятивный микроблок. У нас нет к вам никаких претензий. Вы взяли его,

видимо, не для того, чтобы поиграть. Это слишком дорогая игрушка, и у нас нет оснований сомневаться в вашей умственной адекватности... Седьмой коррелятивный, должно быть, нужен вам... для исследований... Можете считать наш приход не как вторжение, а как желание чем-то помочь... Вы — известный на комбинате изобретатель. Все, созданное вами, весьма целесообразно и...

Андреш заметил, как помощники Чернобура стоят в напряженной позе, будто приготовились к решительным действиям.

Чернобур вдруг быстро открыл дверцы стенового шкафа.

Тихо, чуть слышно урчали приборы, мигали сигнальными огоньками, перекачивая розоватую жидкость по прозрачным трубкам.

Наступила долгая напряженная тишина.

— Что это?

— Вам достаточно знать и то, что я уже сказал... Эксперимент. Исследование. Вы сами говорили, что у вас нет оснований подозревать меня в каких-либо преступных действиях.

— Безусловно, уважаемый Андреш, но порой оказывается поздно заподозрить кого-то в чем-то... Вы меня понимаете и, надеюсь, не обидитесь. К тому же, думаю, вам не нужно объяснять — исследования, требующие такого количества энергии, должны быть официально одобрены компетентными лицами и проводиться в стационарных условиях. Не так ли? Хотелось бы услышать ваши объяснения...

— А если я не желаю ничего объяснять?

— Тогда, не обессудьте, у меня есть полномочия просто отключить вас от энергосети и созвать компетентную комиссию для исчерпывающего изучения вашей исследовательской деятельности. Объяснять все вам так или иначе придется, но это займет значительно больше времени у всех. Убеждать вас в этом нет надобности? Советую ограничиться откровенной беседой именно с

нами. Вы нам известны с самой лучшей стороны, и потому надеюсь на благоприятный исход...

Биокиберы-помощники несколько расслабились, но остались на своих местах, как на посту.

— Ладно... Вижу, что я действительно должен... вынужден...

«Прости, дружище. Я виноват перед тобой. Но мне нисколько не стыдно. Только очень грустно. Между нами пролегли тысячи километров. Но не они разъединили нас. Любые расстояния легко преодолеваются. Но как сокрушить ту громадную стену из будничных дел-забот-потребностей-обязанностей, которая основательно и навечно разделяет нас. Да, я виноват. Я пропал для тебя... Но если бы ты только знал, что занимало меня последние годы... Трудно поверить, но это правда. Я создавал тебя. Я даже сумел разыскать в наших архивах некоторые схемы твоих микроблоков. Более двух лет я украдкой, тайком собирал все необходимое. Прости меня. Но я думал о тебе непрестанно. Конечно, я не мог создать тебя самого, но... Очень подобного тебе, такого же честного, разумного, верного товарища — пытался создать. Мы вместе с ним читали бы книги и смотрели видео, путешествовали бы в свободное время... Но, как видишь, я говорю обо всем этом уже в прошедшем времени. Недавно мне разъяснили: это происходило, когда я был еще молодым биокибером, и во мне еще продолжался процесс внутренней стабилизации... Сейчас я расскажу тебе все, чтобы и ты мог посмеяться. Так вот, все необходимое я доставал где только мог, преимущественно на нашем комбинате. Монтаж, связанный с колоссальными затратами энергии, осуществлял у себя дома. Мне почему-то и в голову не пришло, что это может привлечь чье-то внимание. Сам понимаешь, сколько энергии требует биосинтез, особенно при материковом монтаже. Ко мне пришла комиссия — бригада энергетиков. Сна-

чала они подумали, что я не в своем уме. Спросили: «Позвольте узнать, к чему такие сложности, искусственные проблемы, ведь на нашем комбинате можно создать экземпляр любой индивидуальности, какой только вам захочется? Или — почему бы вам не поселиться с кем-нибудь вдвоем в одном помещении, если нуждаетесь в обществе настоящего друга?» Что я мог ответить? «Мне хотелось, чтобы мой друг находился всегда рядом со мной, чтобы ему не нужно было бегать в этом суетливом мире, подобно белке в колесе, чтобы мы с ним писали красивые стихи и слушали прекрасную музыку, чтобы вместе путешествовали... Одним словом, просто так... для счастья». — «Иначе говоря, вы решили создать себе покорного раба?» Представляешь, какие обвинения предъявили мне?! «Вы хотели создать мыслящее существо и лишить его свободы и счастья свободного труда?» — «Не говорите глупостей. При чем тут рабство? Зачем так оскорбляете?» А они мне: «А как же иначе понять ваше желание вот таким образом получить себе друга? Неужели вы не понимали, что он со временем стал бы полноправным гражданином, равноправным мыслящим существом, не смог бы он сиднем сидеть в вашей квартире в ожидании, пока вы осчастливите его своим появлением...» Все это действительно так, Василь. Ничего путного не вышло бы из моей затеи. Но я еще продолжаю вспоминать те несколько счастливейших месяцев, когда мы были вместе с тобой... И мне ужасно хочется вернуть то время, когда я был по-настоящему счастлив... Но в то же время понимаю, что все это смешно слушать. Прости. Желаю тебе долгих-долгих лет нормального функционирования и вдохновения. Жму руку. Сообщай о себе.

Твой Андреш».

ЗАПРОГРАММИРОВАННОЕ СЧАСТЬЕ

ТРИПТИХ

I

— Послушай, Ли, не торопись. Так нестерпимо хочется спать. Куда спешишь?

— Идем, так надо.

— Вечно ты со своим «надо». Ладно бы, если старый Мин говорил.

— А я сегодня просто счастлива,— сказала Ли.— Веришь ли?

— Верю. Ты всегда счастлива. С чего ты взяла, что нужно идти по этому переходу?

— Потому что открыли дверцу.

— Кто?

— Ты еще не проснулась, Ми. Он открыл.

— Он *сам*?

— Да.

— А почему ты решила, что должны идти?

— Потому что открыли дверцу, ее никогда не открывали раньше.

— Значит, нужно идти по этому переходу? Хочу есть.

— Там нас и накормят.

— Ты думаешь?

— Разве помнишь хотя бы день без еды?

— Вроде бы нет...

— Так пошли же скорее.

Они прошли по коридору, отделенному от окружающего мира провололочной плетенкой, от клетки до клетки. Следующая дверца тоже была открыта.

— Видишь, нас ждут.

Ли важно переступила порожек новой клетки, торжественно переставляя каждую лапку. Ми зашла за нею, сторожко озираясь, сразу бросилась к кормушке. Она оказалась пустой.

— Ли, посмотри. Еды... нет.

— Не шути!

Ли осматривалась вокруг, ей было интересно на новом месте.

— Нам нечего есть.

— Будет,— успокоила ее Ли.— Я чувствую, сегодняшний день принесет что-то необычное.

— А где все *они*? — спросила Ми.— Почему нет никого из *больших*?

— Откуда мне знать,— усмехнулась Ли.

Ученый-биолог Майкл Арм со своим помощником — биокибером Клитоцибером вошли в лабораторию, как всегда, в семь часов утра. Клитоцибер открыл основной энергопровод, подошел к пульту, включил лабораторную аппаратуру.

— Можем начинать,— сказал тихо.

— Ники уже на месте? — спросил Арм, листая страницы со вчерашними записями.

— Да, две самочки. Они родились в один день и имеют одинаковый вес.

— Прекрасно,— Майкл Арм подошел к клетке и осмотрел двух ники с длинными хвостиками, розовыми носиками и маленькими бусинками глаз.— Одной из них введешь микроэлектрод в прежнюю извилину мозга. Второй — в третье поле центральной извилины, в один из болевых центров. Так, как всегда. А я тем временем поработаю.

Майкл Арм уселся в мягкое кресло за рабочим столом, перевернул большую обложку последнего реферативного тележурнала.

Клитоцибер, преданный и неизменный кибернетиче-

ский помощник, начал 197-й научный эксперимент биолога Майкла Арма...

— Послушай, Ли. Нас так и не накормили.

Клитоцибер положил ее на спинку, она смешно перебирала лапками в воздухе. Клитоцибер поднес к ее розовой мордочке гибкий шланг, из которого струился невидимый газ. Ми дышала и смеялась:

— А мне совсем не больно. Совсем не больно. Слышишь, Ли? Мне так весело. Я благодарна тебе за то, что повела меня из старой клетки. Как мне хорошо сейчас. И совсем не больно, не-е бо-ольно-о... Какой большой ком зерен я вижу. Даже слюнки текут. Сейчас я поем, Ли, как чудесно!

А потом она затихла, розовая мордочка еще улыбалась, острые ушки еще напряженно ловили звуки вокруг, но она уже молчала, маленькая Ми на ладони Клитоцибера. Биокибер отнес ее на препараторский стол, и Ли не могла видеть, что он делал. Но все закончилось в считанные минуты. Клитоцибер вернулся с сонной Ми и положил ее в клетку на левый бок возле кормушки, затем взял в руку Ли, она также сперва смеялась и что-то восторженно восклицала...

Проснулись одновременно.

Желоб кормушки до краев был наполнен ароматным кормом, крупными зернами и кусочками сала. Ники лежали на шероховатом полу. Открыли глаза и сначала сонно смотрели друг на друга, улыбались после того веселого газа; наконец неуверенно поднялись на лапки.

— Будто вечность прошла, — вздохнула Ли.

— Как беду пережила, — сказала Ми.

Обе громко рассмеялись.

— Где мы были?

— Да уж где-то были.

— В каком-то сказочном мире. Припоминаю белых таев с большими крыльями, они теряли серебристые перья, летая в высоком звонком поднебесье.

— А я помню прозрачный дворец с голубыми сте-

нами, по которым струилась вода... Какая там прекрасная музыка, Ли! Но очень хочется есть.

— Правда, хочется есть.

И опять неудержимо рассмеялись, даже упали на донышко клетки. Насмеявшись вдоволь, обе ники, голодные с вечера, склонились над кормушкой. Они вцепились в большой кусок сала, нажав замаскированный рычажок рефренатора. Замкнулась цепь телебиотонного импульсатора. В тот же миг Ли почувствовала блаженную истому, разлившуюся по телу необычайной легкостью и радостью, а Ми ощутила совсем иное — острую вспышку нестерпимой боли, пронзившую ее черной молнией.

Ли смаковала вкусный корм, а Ми отпрянула от кормушки.

— Что это? — вскрикнула беззвучно.

— О чем это ты? — аппетитно чавкала Ли.

Ми снова попыталась взять кусочек из кормушки, но вновь острая боль отбросила ее.

— О-о-о! — застонала она и опустилась без сил на донышко клетки. — Теперь я вспоминаю... Это уже когда-то было... Помнишь, Ли? Мы были еще совсем маленькими. *Он* принес нам белые зерна, но мы не смогли их съесть... Помнишь?

— Помню, — Ли набила полный рот ароматным кормом. — Мы тогда были совсем молодыми и не знали жизни. Почему ты не ешь?

— Я не могу! — закричала Ми. — Это так больно!

— Что больно? — капельки сока от корца стекали по губе удовлетворенной Ли. — Тебе уже и есть больно? Как ты мне надоела. Просто смотреть противно на твою кислую морду.

Ми поднялась на лапки и снова подошла к кормушке. Но опять ощутила внутренний удар. В отчаянии упала на дно клетки.

— Все повторяется так же, как в детстве! Тогда тоже было больно. Но тогда все быстро прошло. Может, и сейчас пройдет? Ну почему я такая несчастная? Тебе,

Ли, всегда было легко во всем. Достань для меня кусочек. Слышишь?

— Ты ленивая, как старый Мин. Может, вместо тебя еще и жевать? — рассмеялась собственной шутке Ли поперхнувшись, долго фыркала, недожеванные зерна летели во все стороны.

— Прощу тебя, достань мне кусочек... Пожалуйста... Тебе так легко это сделать, я ведь вижу, как ты жмуришься от удовольствия, склоняясь над кормушкой. У тебя, видать другая природа. Достань и для меня... Я очень хочу есть,— умоляла сестру Ми.

— Вот и ешь.

— Достань мне.

— И не подумаю. Почему должна тебе прислуживать? Бери сама.

— Пойми же, я не могу! — закричала Ми.— Мне больно!

— Как ты... мне надоела,— усердно пережевывала корец Ли.— Когда же... ты научишься... жить?

Ми неподвижно лежала на доннышке клетки и тяжело дышала.

Ли, наевшись, зевнула и пропела:

— Какой же ныне день прекрасный!

Прошлась дважды по периметру клетки, важно шевеля длинным хвостом, потом легла и быстро уснула.

Ми лежала с открытыми глазами и старалась не думать о голоде. Она смотрела на проволочные стенки клетки, на блестящие формы привычных, и потому кажущихся понятными, приборов за клеткой, на разноцветное мигание маленьких огоньков, смотрела на огромную фигуру *большого*. Закрыла глаза и попробовала заснуть, как и Ли. Но сон не шел.

Встала. Увидела, что *большой* склонился над клеткой и внимательно смотрит на нее. Кто они — *большие*? Те, кто каждый день приносят пищу, открывают иногда дверцы, чтобы заставить куда-то идти, или захлопывают их перед самым носом. Почему сейчас так? *Большой*

принес пищу, а она не может есть. Если бы *большой* знал это, он бы помог.

Ми заплакала. Всхлипывала сначала тихо, а потом вспыхнула, как сухой хворост от огня, разрыдалась.

Это разбудило Ли. Она открыла глаза, перевернулась на другой бок и простонала:

— О, как ты мне надоела.

Встала, подошла к кормушке, нехотя вытащила большой кусок сала.

— Дай мне,— сквозь слезы попросила Ми.

И вдруг ее охватила нестерпимая волна ненависти, злобы ко всему и прежде всего к этой самовлюбленной Ли с жирными от сала губами. Она не могла с собой ничего поделать, с разбега точным ударом откинула Ли в угол клетки и схватила зубами кусок сала. Даже успела надкусить. Но Ли вскочила и накинулась на нее.

— А-а, вот ты какая! Негодница!

Ли вцепилась острыми зубами в плечо Ми. Вкус крови разозлил ее еще больше. Но Ми нашла силы вырваться. Она впервые в жизни осознала свою силу, почувствовала потребность бороться. Она бросилась на Ли. Промелькнули перед ней жирные губы, разъяренный, но все еще самодовольный взгляд, уже представила, как зубы вопьются в тонкую кожу на шее сестры. Как вдруг... что это?.. Непонятно каким образом острые зубы Ли вцепились в ее шею. Неужели она так предалась воображаемым образам мнимой мести за голодные минуты, за горечь обиды... Неужели наступает конец? Почувствовала, как зубы Ли все глубже входят в шею. Захрипела. Тело ее все еще судорожно вздрагивало, но она была уже мертва.

— Так вот, мне кажется, пришло время подвести итоги. Так? — обратился Майкл Арм к Клитоциберу. — Я слушаю тебя.

— Пятьдесят четыре процента испытуемых, которым

электрод через гирус цингули вводился к центру афферентного синтеза, побеждали в борьбе за существование других, которым электрод вводился к болевым центрам.

— Так, прекрасно. Пятьдесят четыре процента. Это значит, большая часть счастливых ники победила своих несчастных соперниц. Прекрасное подтверждение моей теории. Счастливые должны побеждать. Безусловно. Значит, пора ставить вопрос перед Центром об искусственной стимуляции парагипокампальной извилины мозга добровольцев. А потом посмотрим. Думаю, этот наш эксперимент можно прекратить. Завтра даю тебе возможность отдохнуть. Готовься к новым работам.

— Хорошо, профессор. Но разве вас не интересует мое мнение об этом эксперименте?

— Нет, не интересует.— Майкл Арм пренебрежительно и самодовольно усмехнулся.

— Но разрешите все же сказать?

— Почему бы и не сказать, Клитотибер. Говори.

— Вы плохо кончите, профессор.

— Что ты имеешь в виду? — громко рассмеялся биолог.

— Я лишь исполнитель ваших планов, но когда я думаю о смысле ваших исследований, профессор, я чувствую, как мною овладевает что-то такое... А когда кибер не может чего-то понять, тогда он начинает думать о коэффициенте Ир. Не спрашивайте, профессор, что это такое. Я не знаю. Мы, биокиберы, назвали этот фактор коэффициентом дельта Ир. Возможно, это предчувствие каких-то действий, противоречащих классической логике, Первичной программе. Это может быть и болезненным желанием вмешаться в жизнь людей. Я работаю с вами не первый год, профессор, и желаю вам лишь добра, но люди создали нас, биокиберов, чтобы мы постоянно напоминали о...

— Хватит, Клитотибер. Ты мне надоел. Нам обоим нужно хорошенько отдохнуть.— Биолог массировал правой рукой грудь в области сердца, которое начало в

последнее время беспокоить, несколько раз глубоко вздохнул и продолжил после паузы: — Иди, отдыхай. Не желаю выслушивать твои осточертевшие поучения. Без тебя хватает забот.

Клистоцибер стоял, скрестив руки на груди, смотрел на профессора с немим сожалением, как на несчастную ники, лежавшую сейчас с прокушенным горлом на дне клетки.

II

Еще вчера не поверил бы, если б ему сказали, что сегодня его сознание затмится безотчетным желанием вмешаться в людскую жизнь.

Он был еще совсем молодым биокибером, и окружающий мир был для него продолжением понятного и интересного урока в просторной аудитории комбината биокибернетики.

Он знал, что могут иногда наступать минуты, когда кибер в состоянии почувствовать себя человеком. Об этом им говорили на комбинате. А позже он слышал от старых биокиберов о минутах, когда появляется внезапное желание стать вершителем чужих судеб.

И вот эти минуты настали для него впервые.

Биокибер Гиднум стоял перед стеклянной перегородкой, а за ней — люди вокруг операционного стола. Операция длилась уже второй час.

Три месяца назад Гиднума направили на работу в Инканский исследовательский центр по изучению проблем долголетия. Эти первые месяцы его обязанности были несложными — всего лишь техническое обеспечение операций. Его еще не допускали к участию в экспериментальных работах, в научных разработках. Он был обыкновенным кибером-исполнителем, от которого, однако, зависело многое — жизнь людей.

Гиднум смотрел на человека, скрытого под зелеными стерильными пристами, за цветным переплетением

проводов от датчиков, за сигнальными телекариусами мониторов, за фигурами хирургов, тоже в стерильно-зеленом, похожих поэтому на древних сказочных крокодилов.

Смотрел на человека, жизнь которого зависела не только от людей, чьи контуры искажало толстое стекло перегородки, но и от него, биокибера Гиднума.

Он понимал: его состояние, выражаясь человеческими терминами — болезненное, и пытался сообразить, в чем причина нараставшего внутреннего протеста в нем.

Всеми силами старался избавиться от возникшего предчувствия, но все ощутимей ему казалось, что человек, скрытый от него зелеными пристаи, должен... умереть. Каждая клетка его биокибернетического существа мучительно напряглась в борьбе с этим ощущением, со страшной мыслью, что человек этот не достоин жить дальше. На мгновение засомневался — может, на него воздействует возбужденное эманационное поле кого-то из хирургов или биокиберов операционной прислуги? Но нет... Вон Николиан Бер, глава Центра проблем долголетия, уже старый, сухощавый, как ножка тразона. Быстрый и неумный в своем гневе и своей доброте. Знал, что Николиан Бер — не ангел, но чувствовал малейшие побудительные мотивы его желаний, иногда даже угадывал зарождение фантастических научных проектов в голове ученого. Ни разу за последние три месяца эманационное поле Бера его не раздражало. Вот Тихон Раст с блестящим ланцетом склонился, напряженный, как демпфер модулятора, вглядываясь в понятное до мелочей внутреннее содержимое человека. Слева — Антон Верес, молодой ученый. За ним — перфузиолог Максим. Гиднум знал их не первый день. Но кто же из них стал причиной его болезненного беспокойства?

Гиднуму хотелось распахнуть прозрачные пластиковые двери, подойти поближе к операционному столу, чтобы все понять. Но сделать этого он, понятно, не мог. Обязан зорко следить за показаниями датчиков, пока-

заниями центрального монитора. И потому оставалось лишь гадать — в чем вина человека, такого маленького, безмолвного и недвижимого, находящегося сейчас в полной зависимости от мониторов и газопроводов, и еще от множества разных приборов? Может, он сам виновен в чьей-то смерти? Может, проводил опыты, вопреки статусу человечности?

Николиан Бер заканчивал операцию замены больного сердца биокибернетическим протезом. Даже через толстое стекло перегородки Гиднум слышал его гортанные приказания, а порою и окрики. Значит, тот человек должен жить?

Гиднум знал, что никогда, ни при каких обстоятельствах не совершит того, что противоречит Первичной программе. Никакие внутренние побуждения, ассоциации не сформулируются в программу спонтанных действий. В любых обстоятельствах он, как и положено биокиберу, будет выполнять все требования инструкции: поддерживать уровень кислородного обмена в пределах пяти литров в минуту, поддерживать в русле респираторного блока не менее одного процента двуокиси углерода, реагировать на малейшее движение стрелки датчика гемодинамики, следить за ионным равновесием. Он сделает все. Иначе он сам выйдет из строя... На мгновение представил: как бы его нашли неподвижного, подобно тому человеку под зелеными пристаами, быстро бы заменили другим биокибером и, возможно, сердито ругнулись: «Эх, опять биокибернетики наэфировали! Не вовремя вышел из строя».

Но Гиднум уверен в себе. Он уверен, что сделает все, только бы подтвердить свое биокибернетическое здоровье.

— Как дела, Гиднум?

Почувствовал легкое прикосновение к плечу. Понял, что это Имелла, его подруга, чернявая, с модной короткой — под кирли — прической. Но не обернулся, ничего не ответил, так как в это время изменилось давление

кислорода. Легким поворотом вправо голубого диска увеличил поток газа.

— Как дела? — Она рассмеялась. — Почему ты такой, как новичок?

— Это ты, Имелла?

— Будто не узнал.

— Что тебе нужно?

— Ничего.

Он медленно повернулся, но не посмотрел ей в глаза. Боялся, что она поймет его ужасное состояние. Спросил:

— Что случилось?

В ответ она громко рассмеялась.

Имелла пришла в Центр проблем долголетия одновременно с Гиднумом. Она работала секретаршей Тихона Раста. Давно уже могла по окончании работы идти домой, в гостиничный комплекс «Биокибероза». Известно, когда ее руководитель, Тихон Раст, освободится, да и вряд ли после утомительной операции захочет заниматься бумагами и программами экспериментальных исследований. Но у Имеллы не было желания идти отдыхать. Она тихонько приблизилась к Гиднуму, который был для нее в Центре самым близким, самым умным биокибером, ведь они созданы почти одновременно. У них было очень много общего.

— Что с тобою, Гиднум? Я не узнаю тебя, — уже встревоженно повторила она, стараясь понять причину его расстройства.

— Ничего.

— Я тебя не видела таким никогда. Разве что в первый день...

— Каждый день является первым, — слишком серьезно заявил Гиднум.

— Ты говоришь многозначительно, как люди, — опять рассмеялась Имелла.

— А почему бы и нет? Сегодня я чувствую себя человеком.

— Правда? — Имелла испуганно отпрянула от него. — Значит, старый Армиляр говорил правду?

— А что говорил старый Армиляр? — машинально переспросил Гиднум.

— Что в жизни каждого биокибера наступает минута, когда он чувствует себя человеком, чувствует потребность действовать по собственной программе.

— Да, именно так, Имелла.

— Гиднум, — прошептала ласково и таинственно. — Гиднум... — повторила и умолкла, не находя слов. — Как я завидую тебе!

— Глупая, — рассердился он. — Я могу выйти из строя.

— Расскажи мне все.

Кибер заметил незначительное падение давления в системе молибденового обмена и должен был решить, держа руку на розовой клавише, сколько нужно ввести ленкина, чтобы поднять его до положенного уровня.

— Я ненавижу себя сейчас, я чувствую...

И умолк, словно испуганный сказанным, готовностью рассказать все, чего Имелла еще не поняла сама.

Но после долгой паузы произнес холодно:

— Мне хочется побыть одному.

— Я мешаю тебе?

— Да.

— Почему, Гиднум? Потому, что ты чувствуешь себя человеком?

— Имелла, а ты сама ничего сейчас не ощущаешь?

— Ничего.

— Но ты тоже должна почувствовать...

— Что?

— Не знаю. Ну ладно, побудь со мной... Ты должна понять сама, если хочешь знать.

Имелла подошла к толстому стеклу перегородки манипуляционной. Она замерла, окаменев, как это могут делать только киберы. В эти мгновения Имелла отдалась единственной мысли — постичь главное. То, что

волнует сейчас Гиднума. Она превратилась в маленькую, напряженную красивую куклолку с короткой прической.

— Кто-то из них... За перегородкой... совершил зло. Я чувствую: у меня закипает желание что-то немедленно совершить, хотя бы предупредить. Ты уже не завидуешь мне?

Вовремя заметил: клюнула длинным носом стрелка оксиметра, и сразу увеличил обороты нужного насоса.

— Уже не завидую,— прошептала чуть слышно.— Мне страшно. Кто этот человек?

— Ученый-биолог Майкл Арм.

— Гиднум, я так боюсь, что он не очнется.

— Ты думаешь о коэффициенте Ир?

Зеленый зайчик на экране центрального монитора внезапно начал вырисовывать извилистую линию. Гиднум протянул руку к блестящему рычажку ионометра и нажал на него. Через мгновение зайчик вздрогнул, прекратил капризные зигзаги. Гиднум облегченно вздохнул.

— Да, я думаю о коэффициенте Ир. Прости меня, Гиднум...

Безусловно, многое значит, что ты делаешь. И — как. Но существует еще и зависимость от коэффициента дельта Ир, как называют этот фактор между собой биокиберы. Люди в подобных случаях говорят, что в дело нужно вкладывать душу. Можно все сделать по привычным схемам, без души, и тем самым — причинить вред.

— И... не оставляй меня, Имелла. Теперь ты знаешь все...

— Хочешь, чтобы мы вместе...

— Что?

— Чтобы оба были причастны?

— Нет,— возразил Гиднум.— Но я не хочу...— и замолчал, перебирая нужные тумблеры,— ...уже не хочу оставаться один.

— Операция заканчивается,— сказала Имелла.

— Да.

Николиан Бер степенно, как и положено великому ученому, отошел от операционного стола, сорвал с лица зеленую маску. Его тонкие губы что-то произнесли, но так тихо, что ни единого звука не донеслось сквозь перегородку. Тихон Раст вытер потный лоб. И все отошли от того человека, который был спеленут зелеными приста-ми. Все смотрели на биокибера Гиднума, словно спрашивая взглядами — ну, как? Они знали: он сделал все, что мог, но спрашивали.

Гиднум стоял напряженный. Его — тоже вопросительный — взгляд был обращен к людям.

— Я сделал все, что мог,— прошептал невольно.

Коэффициент дельта Ир... превыше его. До сих пор даже прославленный Александр Сфагнум не мог объяснить своим созданиям, биокиберам, что же это такое — фантастический, нематериальный коэффициент дельта Ир. В сфере человеческих эмоций как будто проще. Люди странные, каждый из них немного разный, как листья на дереве. Но киберы, как и люди, не знали — как объяснить существование коэффициента дельта Ир.

Люди... смотрели на кибера, он — на людей.

— Имелла? — вопросительно произнес Гиднум, но она понимала, ему не о чем спрашивать и нечего сказать ей сейчас.

Майкл Арм после операции не проснулся.

Майкл Арм был настолько известным на Инкане биологом, что в числе десяти ученых имел доступ во Всеинканский информационный центр «Зета-люкс». Отец двух детей — сына и дочери. Его жена, Виктория Ленка — известная на Инкане певица. Об этом давно знали Гиднум с Имеллой. И о взрыве на прошлой неделе в помещении информационного центра «Зета-люкс» им тоже было известно. Взрыв этот, такой неожиданный и совершенно не объяснимый для людей и киберов, как бы по счастливой случайности повредил всего лишь 127 че-

нов памяти в блоке биоинформатики. Ученый-биолог Майкл Арм взялся возобновить утраченную информацию. Он очень быстро справился с этой работой. Правда, он «забыл» имена трех своих предшественников, оставшись, таким образом, единственным основателем нового направления в биологии, не получившего еще названия. Но в то время, когда он скончался после операции, об этом еще не знали ни Гиднум, ни Имелла, ни знаменитый Николиан Бер — не знал никто.

Смерть Майкла Арма казалась всем такой же случайной, как и взрыв в информационном центре «Зеталюкс» и, тем более, никак не связанными друг с другом.

III

На большом экране телеинформатора плакала женщина, ее длинные рыжие волосы развеивал ветер. Передавали очередную постановку драматурга Жалио. За столиками кафе «Веселый долгожитель» сидели преимущественно работники Инканского исследовательского центра проблем долголетия. Курили ароматные арниковые сигареты, пили кофе, смотрели на экран, громко разговаривали и смеялись, и временами не было слышно, как плакала женщина, закрывая лицо ладонями.

— Ланетта, не пора ли ее утешить? Сколько она будет рыдать? — биокибер Камчуг встал из-за стола и подошел к стойке.

Ланетта послушно нажала розовую клавишу, и изображение на экране исчезло.

— Дай мне еще бокал инканского.

Биокибер Ланетта, профессионально улыбаясь, наполнила бокал.

— Как настроение? — спросил Камчуг непринужденно.

Она не привыкла видеть его таким. Научный консуль-

тант профессора Тихона Раста всегда оставался для нее образцом сдержанности и солидности.

— Благодарю. Ты сегодня такой веселый, как никогда.

На лице Камчуга родилась улыбка. Он сделал небольшой глоток.

— Что в мире новенького? Я всю неделю не выходил из лаборатории.

— Новенького?

— Да, какие новые сплетни собрала ты за эту неделю?

— Вчера я слышала, что пропал старый Пелун.

— Тот, что из центральной селекторной?

— Да. Болтали, что его поймали те...— Она указала пальцем вверх.— Ну, из Двенадцатого антимира, и разобрали его на запчасти.

— Какие глупости, Ланетта! — презрительно поморщился Камчуг.— Антимир... запчасти. Видать, опять напился боро и отсыпается, старый плут.

— Не знаю... так, краем уха слышала.

Камчуг залпом допил инканское, похлопал Ланетту по плечу.

— Сегодня чудесный денек, не правда ли?

— Сегодня ты очень странный... Что вы хотите? — спросила она человека, который подошел только что.

— Бокал эклектона и пирожное.

— Напиток, не достойный кибера,— громко рассмеялся Камчуг.

— А я не кибер,— тихо, но с раздражением ответил человек.

— Вот как,— удивился Камчуг.— Вы работаете в Центре? Я вас впервые вижу.

— Я вас — тоже.— Человек устало отхлебнул голубой напиток из бокала.

Ланетта наклонилась к Камчугу и испуганно прошептала:

— Что с тобой? Это же Антон Верес, заместитель за-

ведущего лаборатории сердечных исследований.

— Вот как! — пренебрежительно взглянул на человека.

Камчуг и сам чувствовал, что его поведение недостаточно синхронизированно с импульсами центрального директа, но это его мало тревожило. Своему поведению он находил оправдание, казавшееся ему настолько весомым, что удивлялся — почему он не кричит на весь мир о тайне, которая открылась ему?

Камчуг неделю не выходил из лаборатории. Тихон Раст потребовал срочно обработать результаты эксперимента с новыми культурами алоренальных структур. И вот сегодня, всего час назад... Камчуг хорошо запомнил это мгновение. Только он нажал регистр «фильтр дельта-ритма», не успев еще взглянуть на экран магнитомонитора, чтобы просмотреть записи датчиков, как пришло озарение. Поначалу он не мог ничего понять. Почувствовал лишь приятную истому, потом — радостное возбуждение. И вдруг понял, что он постиг великую тайну бытия. А может — тайну бессмертия? Те несколько слов, несколько формул, несколько многозначительных предположений, к которым столетиями стремились отдельные гении и целые исследовательские Центры, которым посвятил свою жизнь прославленный Николиан Бер, — известны сейчас только ему, биокиберу Камчугу. 7982 рабочих часа своей жизни посвятил биокибер Камчуг проблемам биологического долголетия — отдавал свои руки и знания бесконечным экспериментам профессора Тихона Раста, днями просиживал в информационных теленакопителях. И вот сегодня, как благодарность за усердие — его осенило.

— Предлагаю по стакану «Дипломата».

— Оставьте меня.

— У вас неприятности или вы просто родились занудой?

Антон Верес долго молчал. После того, как допил эклектон, пересилив себя, спокойно спросил:

— Кто вы такой?

— Камчуг. Научный консультант Тихона Раста. Странно, что вы меня еще не знаете.

— Я не кибер, чтобы знать все.

— Вот как! В вашем голосе не слышно уважения к киберам. А они, пожалуй, заслуживают его.

— Заслуживают,— равнодушно повторил Верес.— Что вам от меня угодно?

— Ничего. Просто терпеть не могу кислые физиономии.

— Камчуг, что с тобой?! — истерично воскликнула Ланетта.

Кибер победно ухмылялся.

— Час тому назад я разгадал секрет бессмертия, Ланетта. Налей мне еще бокальчик.

Если бы Камчуг с самого начала был посдержанней и вел себя солиднее, его заявление не произвело бы такого впечатления. Нахальство вроде бы оправдывалось этим и потому усилило значение только что сказанных им слов. Во взгляде Камчуга было столько безумного блеска, радости, неподдельного торжества, что сказанное им показалось и Вересу и Ланетте откровением.

— Да-да, вы не ослышались.

Долго смотрели друг на друга.

— Так рассказывайте,— не удержался Антон Верес.— Вы убеждены, что проблема разрешена полностью?

— Абсолютно. Наш Центр можно разогнать,— радостно рассмеялся Камчуг.— Наша объединенная деятельность утратила свою целесообразность. Что такое проблема долголетия, если открыт секрет бессмертия?

— В чем ключ к пониманию этой проблемы? — Верес пришел в себя и уже без волнения в голосе спросил, солидно, как ученый ученого.

Камчуг тоже посерьезнел.

— Все оказалось элементарно просто. Определенный пересмотр законов Бакса...

— Вы можете уже высказать свою мысль в конкрет-

ных формулировках? — нетерпеливо оборвал его Верес.

— Да, безусловно,— обиженно сказал Камчуг, а потом воскликнул:

— Я неделю трудился в лаборатории. Я работал. И я открыл эту тайну Вселенной!!!

— Простите,— спокойно произнес Верес.— Рассказывайте.

— Определенный пересмотр законов Бакса. Слушайте. Материя вечна. Но не вечны клетки, молекулы и все сообщества, которые ее образуют. Почему так? — спросил сам себя и тут же важно ответил: — Они не вечны потому, что седьмая коррелятивная алель постоянно воспроизводит фактор кадарин. В этом и состоит основная функция седьмой коррелятивной алели. Если выделить ее из состава клеток, они будут жить вечно, постоянно находя новые резервы в продукции тыловых субстратов. Клетка и организм смогут самообновляться вечно.

— Позвольте, но так называемая седьмая коррелятивная алель существует лишь в нашем воображении, гипотетично. Как вы можете утверждать... Как ее можно выделить, изъять из состава клеток?

— Вы не можете, а я могу,— усмехнулся Камчуг.— Я неделю не выходил из лаборатории! — снова закричал он на все кафе.— Работал! А вы тут опрокидываете в глотки эклектоны и боро! А я рабо-ота-ал! Если продуцировать вокруг клетки или всего организма гравитационное поле выше 27 герцов, седьмая коррелятивная алель распадается на элементарные составляющие и выводится ренальными структурами.

— Но кто же сможет продуцировать поле такой интенсивности? Это пока недостижимо. Ни одна экспериментальная установка не создала такого...

— Я могу продуцировать такое поле,— резко перебил его биокибер.— Я еще не знаю, за счет чего мне это удастся, но уверен — смогу продуцировать такое поле. Не забывайте, что я биокибер.

Громкий разговор привлек внимание присутствующих. К стойке, словно случайно, приблизились несколько человек. Они разговаривали друг с другом, но прислушивались к словам Камчуга. Его хорошо знали в Центре. Он был толковый биокибер, трудолюбивый.

— А теперь вы должны сказать, почему так угрюмы сегодня,— улыбнулся Вересу Камчуг.— Я рассказал о причине своего возбуждения. А что опечалило вас? — В словах Камчуга сквозила пренебрежительная ирония.

Верес простил биокиберу его тон, пристально посмотрел в глаза и сказал:

— Идемте со мной. Если вы и вправду можете генерировать гравитационное поле такой интенсивности, если правда, что это поле разрушает седьмую коррелятивную алель, и если действительно от этой алели зависит долголетие клеток — тогда идemте со мной. Вы сможете мне помочь. И, главное, сможете меня убедить.

Камчуг с Вересом, а за ними все окружающие их люди, пошли наружным виадуком к третьему экспериментальному корпусу.

Когда подошли к 16-й барореторте, органокомплекс № 17/8 был практически нежизнеспособным. На экране монитора записывалась прямая линия. Ни один датчик эманационного поля не реагировал на внутренние излучения. Под куполом 16-й барореторты не было ни малейших признаков жизни.

Остановились, окружив небольшим полукругом прозрачный купол. Камчуг торжественно открыл тяжелую пластиковую дверь и подошел к манипуляционному столу. Смотрел перед собой напряженно и взволнованно. Глаза его выпучились, он стал не похож сам на себя. Дотронулся ладонью до скользкого субстрата и сделал движение, которое невозможно объяснить, вроде бы принял позу ники. Он дрожал от возбуждения. Потом произвел несколько причудливых пассивов над органокомплексом, какие-то волшебные движения, лишенные для окружающих всякого смысла.

Верес и все остальные напряженно всматривались в зеленый зайчик, как и раньше писавший ровную прямую на экране. Ни один датчик не отметил самого малого проявления жизни. Но они продолжали верить. Разве можно было не поверить его словам, его восторженному взгляду, излучавшему волны великого озарения?

Прошли минута, вторая, показавшиеся вечностью. Но ничто не изменилось. А сам биокибер Камчуг, тоже всматривавшийся сквозь купол барореторты в экран монитора, вдруг вздрогнул, глаза его потухли, а сам он сник, съежился. Он первым понял, что ничего не вышло.

Медленно, как раненый или смертельно больной уродливый центурианский дилиак, он вышел из барореторты ко всем, ожидавшим его. Тихо произнес:

— Простите. Я просто заработался в лаборатории. Я переутомился. Простите. Мне нужно хоть немного отдохнуть. Пожалуйста, не отдавайте меня на демонтаж. Я отдохну, и все будет хорошо.

КОЛЕСО

«...Может быть, мне это только представляется. Бред? Возможно. Я сам ничего не видел. Таким мне все рисует мое воображение. И я сам себе не верю. Не хочу верить...»

Был третий час ночи. Двадцать минут на часах Николая, но они у него постоянно спешили. В ту ночь он никак не мог заснуть. Лежал в тягостной полудреме с закрытыми глазами, что-то мучило его, тревожило, пугало. И вдруг — вспышка! Яркая кроваво-красная вспышка! Он увидел ее через закрытые веки. И тотчас — словно током ударило. Первое, что подумалось — смерть. Смерть пришла. Кровоизлияние в мозг? Остановка сердца? Почему? Он открыл глаза и увидел, что кабинет заполнен мягким фосфоресцирующим светом. Он лежал лицом к окну, а за окном туман — густой, густой туман, как сплошное молоко, ярко освещенный изнутри, — переливался необыкновенными радужными отблесками.

Николай мгновенно вскочил, бросился к окну и прислонился к холодному стеклу, всматриваясь в жуткую белую бездну, ничего не мог понять. Что это? Что стряслось? Это сон или реальность? И вдруг слышались приглушенные звуки... Раскаты грома? Взрыва? За окном рокотало, гремело, словно доносилась далекая канонада или шла колонна танков. Танки? Канонада? Война!!! Так подумалось Николаю, и он испуганно замер. Война... За окном слегка клубился непроглядный

туман. И громкое эхо далекого взрыва... Но... Все было спокойно — не рушились стены, не обваливался потолок...

Он кинулся к радиоприемнику и включил его, пытался все делать побыстрее, но было такое ощущение, будто он застыл в пространстве, завяз в чем-то густом и липком. Было трудно двигаться и даже дышать.

Наконец радиоприемник отозвался знакомым голосом, но слов Николай не мог разобрать, просто был не способен воспринимать их смысл, слышал лишь привычный спокойный тембр голоса диктора, знакомые умиротворяющие интонации. А потом началась классическая музыка, величественная, торжественная, кажется, Бетховен. Но Николай не был уверен, что это именно Бетховен.

«...Так мне тогда казалось. Отдельных инструментов я не слышал, просто понимал, что звучит музыка, знакомая музыка. Я люблю Бетховена. Любил Бетховена. А сейчас я люблю только свою маму. Только ее одну...»

Николай не видел уродливого ядерного гриба, ужасающего гриба ядерного взрыва. Может, его и не было? Но и в первое мгновение и потом было глубокое внутреннее убеждение — случилось нечто страшное, самое страшное. Он замер возле окна и не знал, сколько же времени прошло. Вечность или одна секунда? Он словно поплыл против быстрого течения. Плыл изо всех сил, но его быстро сносило. Он задышался и не мог даже приблизительно определить, сколько же он преодолел — метр, два или добрую сотню? И стоит ли вообще сопротивляться?

Дом вздрогнул, но толчок был каким-то странным — очень сильным, однако ничего не разрушил. Николай ощущал, что падает, а на него рушатся бетонные перекрытия многоэтажного сооружения, и словно страшный, нечеловеческий крик разрывал ему грудь, и боль расплавленным свинцом наполнила тело, и оно занемело, увяло, умерло. Однако он видел, что стоит раздетый воз-

ле большого холодного балконного окна, за которым — белая пустыня, белая смерть, белый ад, но... вокруг царят тишина и покой, какие-то потусторонние благодать и умиротворение.

Он заставил себя одеться. Это было нелегко. Он перестал ощущать, где земля, где небо, словно очутился в невесомости. Наконец Николаю удалось разыскать одежду. Потом он долго припоминал, какое сейчас время года? Что же нужно надевать? Но вспомнить не мог. Не мог припомнить и то, где же его дети? Было стыдно, но все его попытки оказывались напрасными. Одно знал четко, детей сейчас дома нет. Куда они ушли? Или уехали? Сейчас каникулы? Такие длительные? Зимние каникулы? Да, ведь сейчас зима... Вчера были сильные морозы... И была новогодняя ночь... Уже была? Или скоро будет? Но зима — это точно.

Николай вышел из кабинета, заглянул в одну комнату, потом в другую, затем на кухню и в ванную, чтобы убедиться — детей дома нет. Но все же, где они? Однако казалось, что времени на любые размышления нет и нужно спешить, хотя не мог объяснить самому себе, куда и зачем спешить? Но торопился. Течение быстро его сносило.

Очень старательно закрыл за собой дверь квартиры, хотя был уверен, что больше никогда не сможет сюда возвратиться. Пока прошел несколько шагов к лифту, вспотел. Он надел теплую кожанку и шапку, да и теплое белье не забыл — зима. Все документы и деньги — в кармане. Все нормально. Вот только болезненно не мог припомнить — наступил уже Новый год или еще предстоит праздновать?

Открывались двери и у соседей. Он вызвал лифт, и вскоре тот раскрыл перед ним свои створки, а соседи попросили их немного подождать. И Николай послушно ожидал, хотя и делал вид, что куда-то очень спешит. Но куда же? Вышли Виталий и Григорий, они были

с детьми. Подождали Нину и Веру, они появились принаряженные, как на праздник.

— Это куда же среди ночи? — спросил их Николай спокойно и взглянул на часы, но стрелок не увидел.

— Дела-дела,— произнес Виталий и взял дочь на руки.— Да и ты, я вижу, не дремлешь?

— Само собой... Ни свет ни заря, а вынужден бежать.

— Ты поменьше болтай... Язык свой попридержи...— многозначительно изрек Григорий и боязливо осмотрелся.— У меня такое чувство, что это язык наш ведет нас в могилу...— Кабина остановилась на первом этаже.— Очень уж мы все смелыми были...

Николай в душе посмеялся над Григорием, беззлобно так посмеялся и хотел даже слегка его подколоть, мол, собственной тени уже боишься, такой осторожный, что дальше некуда. Но жило в душе убеждение, что действительно лучше помолчать, и не нужно обижать Григория, его пожалеть стоит, помочь ему. Но не знал, как можно помочь Григорию. И от этого даже слезы навернулись. А пот ручьями стекал по спине под одеждой.

Они вышли на улицу, и каждый пошел своей дорогой — целеустремленно, озабоченно, не прощаясь, не оглядываясь, и, главное, Николай отметил, что каждый пошел сам, даже дети. Каждый пошел своей дорогой. Затерялся в тумане. Вокруг — молоко. Слепящее молоко, непонятным образом освещенное изнутри. В нескольких шагах человека уже не было видно. Но это никого не пугало.

Николай спешил на автобусную остановку, как и каждое утро, хотя и знал, чувствовал, что на работу он не поедет сегодня, а возможно, и никогда. Он вообще не мог припомнить, где он работает? Кто он? Было трудно дышать, и Николай остановился, чтобы немного отдохнуть. Внимательно присмотревшись, он вдруг увидел, что на маленьком молодом клене перед подъездом есть листья. Среди зимы — желтые яркие листья? Он подошел

в густом молоке тумана ближе к деревцу. Действительно — листья. Сейчас еще осень? Но почему? Ведь недавно встречали Новый год... Или это был прошлый Новый год? Как быстро летит время... Это несправедливо. Это жестоко. День-ночь, ночь-день, месяц за месяцем, год за годом. Как жизнь коротка. Желтый листок на ладони стал зеленым. Или это освещение изменилось? Туман стал пореже и потерял холодную мраморную белизну, стал чуть зеленоватым.

Стало жарко. Николай снял кожанку, накинуд ее на плечо и пошел.

В белесом мареве было трудно ориентироваться, но Николай знал каждый изгиб улицы, каждый камешек под ногами. Он мог идти с закрытыми глазами. Было интересно наблюдать, как подъезжает автобус. Его оранжевые фары в зеленоватом тумане горели фантастически.

Очень долго подъезжал автобус. На остановке собралось довольно много людей, и все смотрели, как он прорезает лучами тоннель улицы, и казалось, что автобус уже совсем рядом. Но в тумане трудно определить расстояние. Наконец перед Николаем раскрылись двери автобуса, из которого никто не выходил, и толпа быстро занесла его в салон. Он даже не успел взглянуть, какой номер маршрута, но это не имело значения — к метро шли все автобусы.

Николай осмотрелся, поискал взглядом свободное место. Хотя на остановке и было много людей, но почему-то Николай был убежден, что в салоне останутся свободные места. И не ошибся. Почти все сидячие места были не заняты. Никто из пассажиров не желал садиться.

— Туманище сегодня, — проворчал тучный здоровяк, садясь рядом с Николаем и вытирая потный лоб. Он тоже был в кожанке. — Это вы правильно сделали, что сняли свою шкуру, — рассудительно произнес мужчина. Николай держал свою кожанку на коленях.

Автобус ехал без остановок. По крайней мере такое было впечатление, хотя одни пассажиры выходили из салона, а другие входили, точнее — одни исчезали, а другие появлялись. Наконец машина остановилась, и, хотя водитель не делал никаких объявлений, Николай знал — они возле станции метро. Поспешил выйти. Коснулся ногой земли и обратил внимание, что туман почти развеялся, а жара стала еще больше. В небе ярко светило солнце, пробиваясь через серебристую густую дымку, а вокруг...

Николай был поражен, он замер... Вокруг — руины, развалины и остатки потушенных пожаров. Огня уже не было, только обгоревшие, разбросанные во все стороны, какие-то кочерыжки бросались в глаза то тут, то там. Почему-то это совсем не пугало, было просто интересно. Николай внимательно всматривался во все окружающее. Жара становилась невыносимой. Николай положил кожанку и шапку на бетонную, заполненную мусором, урну и медленно направился к подземному переходу. Путь ему преградили два больших поваленных тополя. Они много лет росли возле перехода. Показалось, что тополи судорожно корчатся, как живые раненые существа. Николаю показалось, что он услышал их стон, ощутил их боль. Он подошел к одному дереву и попытался его поднять. Тополь прикоснулся к нему своими обгорелыми ветвями, а потом, ощутив помощь, начал медленно подниматься... Это ему было нелегко, однако... Сломанный тополь поднимался. Вслед за первым тополем начал подниматься и второй.

Николай подождал, пока оба красавца встанут в полный рост. Посмотрел — вдоль улицы было много сломанных, поваленных деревьев, и все они медленно поднимались.

— Вот проклятые! С жиру бесятся! — раздался хриплый голос за спиной. — Повоевать захотели, дерьмо собачье! Ну, мы им навоюем! — А потом мужчина выругался и долго громко смеялся.

Кое-кто разбирал развалины, но таких было немного. Вокруг трещали маленькие тракторы, пробегали грузовики. Но большинство людей, строго и красиво одетых, озабоченно шли с портфелями и рабочими папками в руках.

Николай спустился в подземный переход. Подумал, что ему нужно зайти в военкомат, ведь он старший лейтенант запаса, хотя и не мог припомнить, каких войск. Военный билет лежал в боковом кармане пиджака вместе с другими документами. Но какая война? По радио передавали музыку. Бетховена. Люди спокойно идут. На работу? С работы? Который час?

— Извините,— остановил он одну молодую женщину.— Скажите мне, куда вы так спешите?

Она посмотрела на него изучающе, внимательно:

— Вам что, поамурничать приспичило? Приходи, соколик, вечером, чайком угощу, о жизни потолкуем...

— Я приду... Я действительно приду... Но куда? Скажите адрес,— сказал Николай, зачем-то имитируя волнение.

— Если захочешь, то и без адреса найдешь... Да и какие сейчас адреса?

— А что случилось?

— Ничего не случилось... Вроде бы ничего не случилось, но до безумия страшно... А тебе? Я уже забыла, когда дома ночевала. И на работу вот никак не могу доехать... Страшно... Не хватает времени. Я никуда не успеваю, везде опаздываю...— скороговоркой выпалила женщина и вдруг, не оглядываясь, побежала.

Николай направился к станции метро. Долго выискивал в кармане пятак, наконец вышел на перрон. Поезд подошел тотчас. Людей в вагонах было немного.

Ему казалось, что он очень похудел. Легко дышалось, легко стало ходить. И, странно — совсем не хотелось есть. Хотелось петь. Но Николай сдерживал себя.

К нему подсел совершенно седой худющий старичок

с крючковатым носом и заискивающей улыбкой, лицо изрыто глубокими морщинами, а глаза — большие-большие и голубые. Он, как заговорщик, толкнув Николая локтем, зашептал торопливо:

— Как житуха, браток? Нормально? Ты стихи любишь? А в философии кумекаешь? — Старичок бездумно улыбался и боязливо поглядывал по сторонам. — Вот послушай. Это я сам придумал... Человек приходит в этот мир старым и немощным, больным и слабосильным. Без помощи врачей ему часто и выжить трудно. Зародившись в глубинах земли-матери, человеческий организм не без сложностей выбирается на поверхность, чтобы начать свой путь борьбы, путь счастья и страданий, побед и поражений... Ты уловил мою мысль? Что на это скажешь?

— Интересно. Очень интересно, уважаемый. Но, извините, я сейчас очень занят. Очень.

Николай пересел на сиденье напротив, где были свободные места. Старичок не долго думая опять сел рядом и толкнул локтем:

— Я чувствую, ты меня поймешь. В тебе я найду союзника. Как ты думаешь, сколько мне лет? — и не ожидая ответа, хотя Николай не собирался с ним разговаривать, он продолжил: — В том-то и дело! Я вполне прилично выгляжу. Я смотрел на себя в зеркало. Я прекрасно себя чувствую. У меня сейчас совершенно светлая голова. Скажу тебе по секрету — я очень помолодел. Мне стукнуло девяносто восемь лет, и я уже совершенно лишился рассудка, я был старым маразматиком. Правду говорю. А посмотри на меня сейчас. Ну как? Лично я доволен своей внешностью и своим поведением. Я очень помолодел. Но ты никому не говори об этом, а то нас обоих примут за сумасшедших. Этого еще нам не хватало. — Старичок тихонько и как-то злорадно захихикал. — Вот послушай дальше... У меня сегодня умные мысли ползут, как черви перед дождем... Слушай. — Он зашептал прямо Николаю на ухо: — Никто не знает, что бу-

дет завтра. А я знаю. Никто не помнит, что было вчера. А я помню. Вчера был Великий Хаос. Вчера было за-силые машин и занудных академиков-генералов, вчера был день подлости и безразличия, вчера был день тор-жества гадюки, которая не сумела сожрать сама себя, вчера был день счастья, которое не пришло, вчера был день доброты, которой не дождались, был день изнаси-лованной справедливости. Ты слышишь меня? Время по-летело в обратном направлении. Вот не могу только по-нять — это только для меня или для всех так? Очень интересно... Но почему оно так быстро летит, хотя и в обратном направлении? Да... Люди могли все и не смог-ли ничего. Люди могли осчастливить каждого, но сдела-ли всех несчастными. Рабы обстоятельств, рабы машин, творцы бездушности. Люди — это подлые слизи, кото-рые прячутся в железобетонных раковинах... Ты согла-сен со мной?

— Вы тоже подлый слизень? Зачем вы обижаете людей?

— Я? Обижаю людей? Да ты что?! — прошипел ста-ричок. — Ты думаешь, я могу оскорбить людей? Людей вообще невозможно оскорбить! Потому что людей уже вообще давным-давно нет! Но больше я ничего не ска-жу. Я ошибся в тебе. Катись дальше. — Старичок встал и галантно расшаркался.

Николай опустил взгляд, а потом просто закрыл глаза.

Они ехали долго. Николай даже задремал. Проснул-ся он от того, что яркое солнце светило прямо в лицо. Открыл глаза — ехали по бесконечной степи через море спелых хлебов. Он узнавал знакомые картины природы, все вокруг было до слез родным — и одинокий тополь в степи, и пристанционные домики из красного кирпича, и далекая речушка в голубой ряби, и терриконы как обелиски на горизонте. Он уже знал, куда несет его судьба. Лишь на мгновение вспыхнула мысль — а разве это возможно? Разве так бывает? Но тотчас же рас-

смеялся. А как же бывает? Именно так и бывает! Именно так и должно быть! Он уже не мог дожидаться, когда поезд остановится. Знал, что еще нужно долго ехать, но если бы поезд остановился, он бы выпрыгнул и из всех сил бежал бы, бежал, бежал до последнего дыхания...

Ну вот наконец и знакомый вокзал. Не верилось, что не был здесь уже давно-давно. Словно вчера все это видел, ходил вот по этим тротуарам, где валяются сожженные спички и окурки разбросаны вокруг урн, где ветер гоняет конфетные обертки и швыряет в глаза песок.

На перроне — немного людей. И все, к его удивлению, знакомые. Он прыгнул на землю, не дожидаясь, пока проводница, хмурая размалеванная блондинка, опустит ступеньку. Достал из кармана сигарету и важно закурил. В нескольких метрах от него стоял бывший одноклассник. Николай медленно направился к нему и вдруг увидел отца в тени старой акации возле вокзала, тот курил и, лукаво улыбаясь, жмурясь, внимательно смотрел на него.

— Отец!

Вещей у Николая никаких не было, и он бегом бросился к отцу. В мыслях отмечал, что вокруг нет никого из товарищей по работе или однокурсников, только знакомые еще по школе и бывшие соседи. Опять спросил сам себя — а где же он работает? Какой институт кончал? Кого из однокурсников помнит? Но тщетно... Это опечалило, и, когда подбежал к отцу, он только сказал:

— Как быстро летит время... Правда, папа? Неудержимо летит и стирает в памяти так много важного, дорогого...

— Ничего, сынок. Время летит, но нам к этому не привыкать. Ты приехал, и я очень рад. Все прекрасно.

Они крепко обнялись, сдержанно, по-мужски, поцеловались. Отец — молодой, красивый казак, загорелый, ему лет сорок пять, не больше.

— Ты хорошо выглядишь, сынок. Ты тоже помолодел. Это меня радует.

Через привокзальную площадь они пошли к остановке троллейбуса. Николаю захотелось подойти к кому-нибудь из старых школьных друзей, но подумал: «Ничего, еще будет время. Я ведь надолго сюда приехал. Да и ко мне ведь никто не подходит. Не узнают? Неужели я так изменился?»

— Интересно, сынок, правда?

— Что интересно, папа?

— Жизнь интересна... И то, что мы все начали молодеть... Прежде не поверил бы, а сейчас — вроде иначе и быть не может. Только почему так быстро летит время? Слишком быстро. Это плохо. Я часто думаю, что, может быть, это мы просто с непривычки так остро ощущаем течение времени, обратное его течение. Следующим поколениям, которые будут жить после нас, возможно, будет лучше? А может быть, и само время для них будет плыть иначе? Ты только вдумайся — вспять повернулось колесо истории. Это только мы вот сейчас знаем, на собственной шкуре ощутили... А остальным это все будет вполне естественно... В общем, нам очень повезло, сынок. Всем нам... Знаешь, когда началось, я сидел на кухне возле окна и курил. А оно — как шарахнуло! Я уже подумал — конец! Даже заплакал. Подумал, как это все отвратительно и постыдно, бездарно; ощутил всю глубину собственной беспомощности и незащитности, свое бессилие, невозможность активно вмешаться, защитить, помочь... Я был уже стар. Я уже не мог и оружие взять в руки. Хотя бороться за мир не обязательно с оружием в руках... Я бросился на улицу и словно завяз в чем-то густом и липком, как в котел с киселем попал... Да что я тебе рассказываю. Ты и сам это же пережил... Повезло нам, сынок. Не знаю, кого и благодарить за все это... Я всегда, ты ведь знаешь, к науке скептически относился, ничего хорошего от нее не ждал. И вот, видишь, как я ошибался. Когда-то слышал, что время можно не толь-

ко останавливать, но и заставить лететь в обратном направлении, но не верил. А кто-то, достойная, мудрая и благородная голова, не только думал об этом, но и сумел это сделать. И держал при себе свое умение и знание, как говорят, про черный день. И вот — спасибо! Время полетело вспять. Это тоже страшно. Но спасибо! Потому что это жизнь! Правда, сынок? — Отец посмотрел на часы. — Давай побыстрее. Мы можем опоздать. Побежали!

Они на ходу прыгнули в троллейбус, за ними звучно закрылись двери. Николай знал, куда они едут, хотя никто из них и словом об этом не обмолвился. Возле базара, большущего купола, похожего одновременно на помещения обсерватории, Капитолия и Ватикана, они пересели на автобус, втиснулись в переполненный салон и еще несколько минут, прижатые лицами к грязному забрызганному стеклу, смотрели на монументальное сооружение крытого рынка. Наконец автобус фыркнул, как лошадь, и медленно двинулся с места.

— Нужно цветы купить, — шепнул Николай.

— Обязательно. Мы там купим. Там всегда цветы продают.

— Могли бы на рынке самые лучшие выбрать.

— Времени жалко. Не хочется опаздывать. Твой поезд, кстати, очень опоздал. Я уже начал волноваться. Что, думаю, могло случиться?

— Мы горели в дороге... — неуверенно сказал Николай, потому что в памяти действительно всплыло такое воспоминание. — Один вагон загорелся, бунда перегрелась... Несколько часов стояли, а потом, сам знаешь, как догонять упущенное...

Когда автобус остановился, Николай начал проталкиваться к выходу, но отец придержал его:

— Не спеши. Здесь почти все выходят.

И действительно через минуту в салоне никого не осталось. Николай с отцом вышли последними. Отец достал сигарету:

— Все в порядке. Можно спокойно покурить.— Он посмотрел на часы.— А цветы мы сейчас вон те возьмем. Видишь? — Указал взглядом.

Возле самого входа на кладбище аккуратная старушка держала в руках роскошный букет красных роз.

— Пока ты будешь курить, их кто-то купит... Я сейчас...

Отец снисходительно улыбнулся и придержал сына:

— Наши цветы никто не купит. Ты, я вижу, еще не привык. Наши цветы — это наши цветы. И все наши беды — это наши беды. Я теперь с уверенностью смотрю в завтрашний день. Я, правда, не все помню, как оно будет. Призабыл. Но я знаю, что все будет хорошо. Жить — это очень хорошо. Пошли!

Отец выбросил окурок и направился к старушке с красными розами. Вдруг он остановился и испуганно поднял взгляд на небо, всматривался, прищурившись. От яркого света солнца глаза слезились:

— Сынок, посмотри и ты. Мне кажется, что оно начало вращаться чуть помедленнее. Или мне это только кажется?

Николай тоже посмотрел на небо.

— О чем ты говоришь, папа?

— О колесе истории... О времени... Мне кажется, что я уже вижу, как мелькают спицы этого колеса старой телеги вечности. Ты видишь? Кажется, немного успокаивается? Правда?

— Это просто солнце, папа?

— Это, сынок, ты совсем ребенком стал... Так наивно рассуждаешь. Но это и хорошо... Я все равно очень рад за нас... Пошли.

Букет красных роз горел кроваво в отцовских руках.

— От сложного — к простому. От ответов — к вопросам. От смерти — к рождению. Теперь вот такой наш

путь среди вечности.— Отец начал насвистывать бодрую мелодию какого-то собственного, выдуманного им марша.

Широкой аллеей среди тесных рядов могил они спешили в глубь кладбища. Везде было много людей, все празднично одеты, все смеялись, из поднебесья звучала веселая музыка — на высоком дубе был укреплен колокол громкоговорителя. Навстречу им шел худой, небрежно одетый, молодцеватый мужчина, поддерживая под руку сгорбленную старушку в цветастом платке.

— Гриша! — воскликнул отец. — Все в порядке, Гриша?

— Как видишь. — Мужчина освободился от объятий. — Теперь мы заживем. — Он торжественно взял на руки сухонькую старушку и понес ее. — Теперь мы с мамой заживем. — Все давали ему дорогу. — Теперь мы заживем. Теперь мы будем мудрыми!

Отец долго провожал их взглядом, наконец сказал:

— Пошли, Коля. Пора и нам поспешить.

Они дошли почти до конца широкой аллеи и возле белой мраморной колонны с резным ангелом повернули направо по асфальтированной дорожке. На деревьях — почки.

— Вот и весна. Уже весна, сынок. Как летит время... — И снова отец поднял взор к небу.

Подожли к могиле. Аккуратная свежепокрашенная оградка, молодая рябина, на ней молоденькая зеленая листва... Они сели на узенькую деревянную лавочку.

— Немного обождем.

— Давай глаза закроем...

— Не нужно, сынок. Ты думаешь, будет страшно? Нет... Я уже сколько раз приходил сюда... Я уже все видел, как это получается...

В ту страшную весну, когда хоронили мать, с утра моросил мелкий дождь. Все было серым и однообраз-

ным. И единственное, что раскаленным клеймом выжглось в памяти Николая — лицо матери. Чужое лицо, он бы никогда ее не узнал, но был убежден, что это его мать. И два чистых дождевых озера в глазницах над закрытыми глазами.

А вот сейчас — яркое солнце. Свежий весенний ветерок летал над повеселевшим кладбищем.

— Говоришь, это совершенно не страшно? — переспросил Николай, и тотчас после его слов, будто в ответ, рассыпалась в прах мраморная плита на могиле, и ветер, волной налетевший, сразу разбросал его во все стороны. А потом...

— Слышишь? Земля заговорила... — молвил отец и встал, снял с головы фуражку, передернул от холода плечами. — К вечеру будет уже зима, — сказал.

И вот — земля разверзлась, фантастически расступилась, словно превратилась в пар, густой-густой туман. А когда тот туман развеялся, они увидели перед собой...

— Мама! — Николай бросился к еще не старой улыбающейся женщине. — Mamочka!

— Здравствуйте, дорогие мои... — Женщина сделала неуверенный шаг. — Как я рада видеть вас... Сыночек, ты плохо выглядишь, ты не бережешь себя...

Мать стала перед Николаем на колени.

Отец робко улыбался:

— Ну что? Все в порядке? Давайте побыстрее, потому что зима уже на носу. Нужно успеть до дома добраться, пока снег не выпал. Я ведь из теплой одежды ничего не захватил. А ты у меня, Мариечка, так холода боишься. Еще простынешь.

И они отправились домой.

«...Я и сам себе не верю, не могу поверить... Но пытаюсь все припомнить, как было. Очень многое забылось. В памяти осталось только осознание виденного калейдоскопа событий. И все. Подобно вспышке промельк-

нуло фантастическое мгновение, вобравшее в себя все — мою смерть и мое рождение, все мои радости и беды, мои дни и ночи, все мои желания, объединив их навеки звуками музыки Бетховена... Я люблю Бетховена. Когда-то любил... А сейчас я люблю только свою маму, только ее одну. Я сейчас такой маленький-маленький. Я свернулся клубочком у мамы на руках... А мама почему-то плачет. Почему? Неужели я чем-то обидел маму? Неужели? Я вспоминаю. И не могу вспомнить. Чем я мог обидеть маму? А мама плачет...»

РУСУЛЯ

Малышка проснулась среди ночи и соскочила с кровати. Искала горшочек, но споткнулась о него в сумерках и от испуга заплакала.

Старый биокибер Русуля помогла Торонке и тихо запела ее любимую песенку:

А нам вчера сорока
дорогу перешла,
и на хвосте сорока
нам зиму принесла.
Сказала нам сорока:
«А у меня печаль...» —
А нам сороку малую
совсем не жаль... Не жаль?

Уложила девочку в постель и сама пыталась уснуть, довольная, что плач Торонки не разбудил ее родителей — Антона Курая и Всеславу Руту в соседней комнате.

Врач Антон Курай в последние годы увлекся альпинизмом. Вчера на Всеинканских соревнованиях по преодолению стены известного небоскреба на улице Соло № 567 и арки Флитского моста занял первое место. Он так восторженно рассказывал о своей победе! И даже сейчас стонет, что-то выкрикивает во сне: просит у товарищей своей команды дать крювиц, чтобы удержаться на отвесных конструкциях моста.

1247 дней тому назад биокибер Русуля должна была пойти на демонтаж. Отработала свое. Пора... Вот толь-

ко дети, Чебер с Шафраном никак не соглашались, и она привязалась к ним. Да за Торонкой надо ухаживать, как ее оставишь без присмотра? Вот и теперь — проснулась кроха и расплакалась...

В комнате тишина, словно в зале гипноматографа. Антон Курай умолк, наверное, взобрался на арку Флитского моста. И Всеслава спит крепко. Глубокая тишина в комнате возбуждала, как самая причудливая музыка инканского rado.

Русуля вышла в прихожую и, не включая свет, начала одеваться, еще сама не зная зачем? И, только отыскав свои черные сапожки, она поняла — принесет своей любимице желтый живой цветок из Далекого Оврага. Торонка всегда так очаровательно улыбается, когда видит живые цветы. На Инкане их найдешь разве что в Фиевском заповеднике или в Далеком Овраге, куда не каждому добраться: круты склоны и обрывы, образовавшиеся еще при первичном синтезе этой искусственной планеты в астероидном поясе в 475 миллионах километров от Солнца.

Русуля прошла мимо кабины скоростного лифта. Спустилась не торопясь по лестнице. Они жили на третьем этаже высотного дома.

На безлюдной улице ничто не нарушало тишину, разве что далекий, только для кибера ощутимый, рокот Дзябранского комбината. Серебряные шары фонарей висели над магистралью частым пунктиром.

Можно было вызвать такси, но Русуля любила ходить пешком, ей нравилось приятное чувство усталости. Ущелье улицы закончилось площадью Соло. А с площади нужно было повернуть направо, пройти по магистрали № 172 до пересечения с улицей Верда и повернуть налево. А там уже рядом и Далекий Овраг. Днем, когда горит над Инканой оранжевая ракета-солнце, не каждый имеет право зайти в заповедник. Но среди ночи, когда только большая звезда, настоящее далекое Солнце, слабо освещает причудливые контуры инканских де-

ревьев, тогда никто не остановит ни человека, ни кибера, знающих тропы Далекого Оврага.

Еще позавчера должны были появиться желтые цветы.

Проходя мимо большого магазина на площади Соло, вспомнила, как на прошлой неделе за двойное стекло витрины залетел инканский воробей. Как он умудрился попасть в совсем небольшое отверстие кондиционера?

— Он там умрет,— испуганно сказал ей тогда бело-брысый мальчишка.

— Кто умрет?

— Наш инканский воробей! — воскликнула девочка с розовыми бантами.

Детям было не понять, почему ради воробья нельзя разбить витрину. Ведь он живой, и такой красивый! Пусть посыплются на землю холодные острые осколки, освобождая серое звонкоголосое создание... Дети не могли еще понять условностей взрослых. А Русуля ничем не могла помочь. Ради воробья никто бы не стал демонтировать витрину.

После пересечения с улицей Верда она свернула налево, миновав последний дом, окна которого мигали, словно глаза сказочного пангриля. Днем отсюда уже виден Далекий Овраг. Оставалось пройти подземным переходом. Желтая рука на белом треугольнике указывала направление.

Русуля стала на шершавую дорожку эскалатора. Волновалась. Скоро она вынырнет из-под земли и увидит Далекий Овраг. Причудливые деревья, живая трава и живой мох. Те деревья и ту траву привезли с далекой Земли. И они прижились. Их заставили прижиться в этом заповеднике.

Осторожно спускалась крутым склоном... Она бывала здесь часто. Наконец добралась до небольшой ровной площадки, где увидела несколько желтых головок. Сорвала только три цветка, завернула их в широкий лист паёры и медленно стала выбираться назад.

Подниматься трудно. Русуля часто останавливалась, давала себя знать старость, но это ее не угнетало. Она улыбалась, представляя себе радость маленькой Торонки.

Наконец выбралась на твердое ситаловое покрытие. Желтая рука-указатель звала ее к подземному переходу. Но Русуле вдруг захотелось перейти магистраль по поверхности. Ночь. Тишина. Ни одной машины. Зачем опускаться в тоннель? И она пошла через дорогу. Торжественно держала в левой руке маленький букетик. Люди называют эти цветы горечавкой желтой. На Земле они растут большими, а здесь, на Инкане, совсем крохотные.

Уже переходила магистраль, как вдруг... вдали увидела фары геликобиля и поняла, что им не разминуться.

Все произошло молниеносно...

Когда водитель увидел, что пострадал биокибер, то немного успокоился. Яркие шары фонарей вдоль магистрали освещали тело Русули, далеко отброшенное тупым носом машины.

— Ну что ты там, Ян? — донесся взволнованный женский голос из кабины.

— Это биокибер, — сказал мужчина.

— Ты уверен?

— Уверен...

Он смотрел на биоплазму, вытекающую из порванных вазопроводов, на изуродованные тразонные головки, которые ловили отблески фонарей на разрывах эпителиальной ткани.

Русуля лежала маленькая и жалкая, как инканский воробей за стеклом витрины.

— Ты уверен, что это не человек? — громко закричала женщина.

— Да, — ответил мужчина. — Странно, почему она шла поверху?

Ян достал арниковую сигарету и закурил. Женщина в кабине что-то взволнованно говорила, но он не прислушивался, просто был не в состоянии что-либо слышать. Мир потерял для него свою реальность и материальность. Машина. Тело биокибера. Желтые цветы на ситаловом покрытии магистрали. Фонари. Темнота ночи. Высокие дома с редкими освещенными окнами. Слово остановленные кадры из фильма...

Хотел вызвать машину с центрального магистрального селектора, но она приехала сама. Телекариусы магистральных мониторов сами зафиксировали аварийный статус. Из дежурной машины вышли двое — человек и биокибер.

— В чем дело? — спросил уса́тый мужчина сонно и безразлично. Он, наверное, дремал в своей зонате, когда засветилось табло «тревога».

— Она переходила магистраль по поверхности. Не знаю, почему она так поступила...

— Да, я вижу... — Дежурный опустил на самые глаза форменную фуражку. — Вы не виноваты. Но, действительно, почему же она не пошла подземным переходом?

К телу Русули подошел биокибер, наклонился, профессионально осмотрел и удивленно произнес:

— Кто же выпустил такую старую ночь? Она еще из первого поколения биокиберов. Все равно как ребенок. Если не отдали на демонтаж, так хоть заботились бы...

Дежурный устало сказал водителю:

— Можете ехать. Не волнуйтесь. Вы не виноваты. А этого старого киберы мы сейчас отвезем на комбинат.

...Маленькая Торонка опять плакала. Но ни Антон Курай, ни его жена Всеслава Рута не слышали. И никто не спел песенку о сороке малышке. И она, поплавав, уснула. Антон Курай во сне просит товарищей, чтобы дали крювиц, помогли удержаться на гладких фермах моста. Но вскоре умолк. И Всеслава спит крепко. В комнате воцарилась тишина, словно в зале гипноматографа.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАНЕЦ ДИЛИАКОВ	5
ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО . .	42
КАМЕННОЕ ЯИЦО	168
НЕ БОЙСЯ СОБСТВЕННОЙ ТЕНИ . . .	202
ПРОСТО ТАК... ДЛЯ СЧАСТЬЯ	213
ЗАПРОГРАММИРОВАННОЕ СЧАСТЬЕ .	227
КОЛЕСО	249
РУСУЛЯ	265

Тесленко А. К.

Т 36 Искривленное пространство: Повести и рассказы.— М.: Мол. гвардия, 1988.— 270 [2] с., ил.— (Б-ка сов. фантастики).
ISBN 5-235-00232-6

Новая книга киевского фантаста Александра Тесленко в большой мере является продолжением его книги «Испытание добром». Автор вместе со своими героями, людьми и бикиберами, размышляет, подчас в гротескной и сатирической форме о подлинной гармонии человеческого существования, земного и космического, о необходимости постоянной борьбы за высокое звание Человека и мыслящего существа.

Т 4702010200—214
078(02)—88 **151—88**

ББК 84Ук7

ИБ № 6199

Александр Константинович Тесленко

ИСКРИВЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Заведующий редакцией **В. Щербанов**

Редактор **Т. Журавлева**

Рецензент **А. Кузнецов**

Художник **М. Турбовской**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректоры **В. Назарова, Н. Самойлова, Н. Хасаия**

Сдано в набор 03.11.87. Подписано в печать 08.06.88. Формат 70×108^{1/32}. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 11,9. Условн. кр.-отт. 12,25. Учетно-изд. л. 12,4. Тираж 100 000 экз. Заказ 7—445. Цена 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сушевская, 21. Изд. № 2501.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-00232-6

75 коп.

АЛЕКСАНДР ТЕСЛЕНКО

